

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

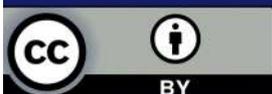
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№2 (93)

2020

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

*Посвящается 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

№ 2 (93) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru
© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры криминологии и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В. В. Николук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Ренецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казхастаской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, профессор, ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 июня 2020 г. Дата выхода в свет 30 июня 2020 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,0.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ №

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 2 (93) 2020

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2020

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, head of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Passed for printing on June 29 2020. Publication date June 30 2020.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,05 Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Грозин С.Ю., Грошев С.Н. Потсдамская (Берлинская) конференция 1945 года	9
Кнауэс О.А. Деятельность специальных комендатур Управления охраны общественного порядка Иркутского облисполкома в 1966–1968 годах.	17
Тяпкин М.О. Правовое регулирование лесных отношений в Алтайском округе в конце XIX – начале XX века.	25

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Цыреторов А.И. Бурят-Монгольская АССР в системе федеративных отношений: 1917–1937 год	43
--	----

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Безбородов Д.А., Родимкина Е.В. Особенности субъекта невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (статья 145.1 УК РФ).....	60
Ермакова О.В., Шаганова О.М. Сложности толкования объективных и субъективных признаков состава жестокого обращения с животными	71
Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Лапша В.Л. Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 210 ¹ УК РФ).....	82
Кашуба Ю.А., Соколов А.А. Виды иных оснований освобождения от отбывания наказания и их классификация	88
Курсаев А. В. Квалификация использования рабского труда в зависимости от завершенности деяния	96
Ларионова Е.Ю., Фидель Е.С. Применение методов математического моделирования в прогнозировании преступлений коррупционной направленности.....	105
Сизова В.Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности юридических лиц.....	115

Уголовный процесс

Гапонова В.Н. Основные понятия уголовного процесса: критический анализ содержания статьи 5 УПК РФ	124
Доника Д.А. К вопросу злоупотребления правом как проблеме в уголовно-процессуальной науке	132
Костенко Н.С. Этапы становления и развития института суда присяжных в российском уголовном судопроизводстве	144

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Абызов Р.М. Основы методики расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию	156
Барина О.А. Особенности установления мошенничества, совершаемого с использованием страховых полисов ОСАГО	163
Гармаев Ю.П. Основы криминалистической характеристики коррупционных преступлений: обновленный методологический подход узкоспециализированных методик расследования	174
Родивилина В.А., Сизова М.С. Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды	184

Административное право; административный процесс

Андреянов М.В., Анисифорова М.В. Анализ зарубежной практики назначения административного штрафа за правонарушения в области дорожного движения	194
Добров А.Н., Баранова С.А. Институт административной преюдиции: понятие, сущность, техника	202
Майоров В.И., Новичкова Е.Е. Ответственность юридического лица в свете нового Кодекса РФ об административных правонарушениях	209
Такмакова Ю.В. Некоторые проблемы использования средств видеofиксации нарушений правил дорожного движения	218

Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

Бавсун И.Г., Ильин С.А. Навык управления временем как ресурс повышения эффективности руководителя	227
Иванов П.И. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: поводы и основания	236
Лобачев Д.А. Прокурорский надзор за соблюдением прав несовершеннолетних граждан на общедоступность начального общего образования	249
Информация для авторов	260

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Grozin S. Yu., Groshev Sergey N. Potsdam (berlin) conference of 1945	9
Knaus O. A. Activities of special commandant's offices of the Irkutsk regional executive committees public order protection Department in 1966–1968.....	17
Tyapkin M. O. Law regulation of forest relations in the Altai region in the late XIX–early XX century	25

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Tsyretorov A. I. Buryat-mongolian ASSR in the system of federal relations: 1917-1937.....	43
--	----

Criminal law and criminology; criminal executive law

Bezborodov D. A., Rodimkina E. V. Features of the subject of non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments (article 145.1 of the criminal code of the russian federation)	60
Ermakova O.V., Shaganova O. M. Difficulties of the interpretation of objective and subjective signs of the composition treatment of animals.....	71
Ishigeyev V. S., Romanova N. L., Lapsha V. L. Criminal the subculture and its role in determining the highest provisions in criminal hierarchy (issues of qualifications in the article 210 ¹ the Russian Criminal Code).....	82
Kashuba Yu. A., Sokolov A. A. Types of other grounds for exemption from serving a sentence and their classification	88
Kursaev A. V. Qualification of the use of slave labor depending on the completion of the act	96
Larionova E. Yu., Fidel E. S. Application of mathematical modeling methods for forecasting crimes of corruption direction	105
Sizova V. N. Current issues of criminal responsibility legal entities.....	115

Criminal proceeding

Gaponova V. N. Basic concepts of the criminal process: critical analysis of the contents of article 5 code of criminal procedure.....	124
Donika D. A. On the issue of abuse of law as a problem in criminal procedure science	132
Kostenko N. S. Stages of formation and development of the institute of jury trial in the russian criminal proceedings	144

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Abyzov R. M. Fundamentals of methods of investigation of petty theft committed by a person subjected to administrative punishment	156
Barinova O. A. Features of establishment of fraud committed with the use of CTP insurance policies	163
Garmaev Yur. P. Fundamentals of the criminalistic characteristics of corruption crimes: updated methodological approach.....	174
Rodivilina V. A., Sizova M. S. Minor and crime. Influence of the information environment.....	184

Administrative law; administrative process

Andreyanov M. V., Anisiforova M. V. Analysis of foreign appointment practice administrative fine for offenses in the field of traffic	194
Dobrov A. N., Baranova S. A. Institute of administrative prejudice: concept, essence, technique.....	202
Mayorov V. I., Novichkova E. E. Liability of a legal entity in the light of the new code of the Russian Federation on administrative offenses	209
Takmakova Yu. V. Several problems with the use of video recording of traffic violations	218

Judicial activity; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

Bavsun I. G., Ilin S. A. Time management skill as a resource to improve a manager's efficiency.....	227
Ivanov P. I. Prosecutor's supervision of the execution of laws by bodies engaged in operational search activities: reasons and grounds	236
Lobachev D. A. Prosecutorial supervision of observance of the rights of juvenile citizens to the accessibility of primary general education	249
Information for authors	260

*Посвящается 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

УДК 34.03
DOI 10.24411/2312-3184-2020-10026

Грозин Сергей Юрьевич

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: 89025687158gr@mail.ru

Grozin Sergey Yurievich

Professor of the State and Legal Disciplines Department, state and legal disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate (PhD) in Law,
Associate Professor
E-mail: 89025687158gr@mail.ru

Грошев Сергей Николаевич

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: groshev_sergej@mail.ru

Groshev Sergey Nikolaevich

Associate Professor of the State and Legal Disciplines Department, Candidate (PhD) in Law, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: groshev_sergej@mail.ru

**ПОТСДАМСКАЯ (БЕРЛИНСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 ГОДА.
К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Введение: конференция в Потсдаме в 1945 г. стала последней встречей высшего руководства антигитлеровской коалиции. Авторы статьи обращают внимание на то, что Потсдамская встреча отличалась по характеру от всех предыдущих встреч союзников по антифашистскому блоку. В статье подчеркивается, что делегации США и Великобритании, верные своей политике строить дипломатические отношения с позиции давления и силы, пошли на умышленную конфронтацию с СССР, изначально решив отвергнуть идею сотрудничества с Советским Союзом.

Материалы и методы: материалом исследования являются историко-правовые источники, которые позволили в полной мере проанализировать итоги Потсдамской конференции 1945 г. Методологическую основу исследования составили общепринятые методы научного исследования явлений и общественных отношений в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Методологическую базу образует историко-правовой метод, а также метод индукции, которые позволили обозначить проблему целей и задач Потсдамской конференции 1945 г., а также иные частнонаучные методы.

Результаты исследования: обозначена проблема двойных стандартов в политической и экономической сфере, которая отразилась в вопросах о репарациях и в других важнейших темах Потсдамской конференции.

Выводы и заключения: принятые на Потсдамской конференции исторические решения соответствовали освободительному, антифашистскому характеру войны, которую вели народы трех держав и союзных с ними стран.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, коммунизм, репарации, Потсдамская конференция, двойные стандарты, СССР, Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, США, Великобритания, СМВД, Европа, Германия.

POTSDAM (BERLIN) CONFERENCE OF 1945. TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Introduction: the article deals with the conference in Potsdam in 1945, which was the last meeting of the top leadership of the anti-Hitler coalition. The authors of the article draw attention to the fact that the Potsdam meeting was different in nature from all previous meetings of the allies in the anti-fascist bloc. The article emphasizes that the us and British delegations, true to their policy of building diplomatic relations from a position of pressure and force, went to a deliberate confrontation with the USSR, initially deciding to reject the idea of cooperation with the Soviet Union. The authors draw attention to the fact that the successful conclusion of the Potsdam conference was a clear proof that the three powers that worked together during the war against a common enemy can, if desired, despite the existing serious differences in their positions, find a basis for cooperation in peacetime.

Materials and Methods: the research is based on historical and legal sources that allowed us to fully analyze the results of the Potsdam conference in 1945. The methodological basis of the research is based on generally accepted methods of scientific research of phenomena and social relations in their interrelation and interdependence. The methodological basis is formed by the historical and legal method, as well as the method of induction, which allowed us to identify the problem of the goals and objectives of the Potsdam conference in 1945, as well as other private scientific methods.

Result of the Study: the problem of double standards in the political and economic sphere, which was reflected in the issues of reparations and other important topics at the Potsdam conference in 1945, is highlighted.

Findings and conclusions: the historic decisions taken at the Potsdam conference in 1945 corresponded to the liberating, anti-fascist nature of the war waged by the peoples of the three powers and their allied countries.

Key words: fascism, Nazism, communism, reparations, Potsdam conference, double standards, USSR, world war II, anti-Hitler coalition, USA, UK, SMVD, Europe, Germany.

Важнейшие исторические события всегда вызывали повышенный интерес и становились предметом дискуссий. Естественно, что Вторая мировая война в целом, как и отдельные её эпизоды, в частности, всегда вызывали интерес ученых-историков. В этой связи нельзя не отметить отчётливо наметившуюся тенденцию последних десятилетий, а именно настойчивые усилия по фальсификации истории Второй мировой войны. Попытки искажения роли СССР во Второй мировой войне были всегда и начались ещё до окончания боевых действий, но особенно они усилились после распада Советского Союза, когда фальсификация итогов Великой Отечественной войны в ряде бывших республик СССР стала тем псевдоисторическим фундаментом, на котором выстраивалась новая государственность.

Фальсификация истории Второй мировой войны осуществляется фактически по всем направлениям, но чаще всего:

- по обвинению СССР наряду с Германией в развязывании войны;
- по отождествлению фашизма, нацизма и коммунизма как тоталитарных режимов;
- по умалению решающей роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии и, как следствие, призыву к пересмотру итогов Второй мировой войны.

Потсдамская конференция привлекает особое внимание, поскольку именно на ней были подведены важнейшие военно-политические итоги Второй мировой войны, а её решения предопределили дальнейшее развитие Европы на многие десятилетия.

Конференция в Потсдаме в 1945 г. стала последней встречей высшего руководства антигитлеровской коалиции. Поражает длительность переговоров. Они шли крайне долго (с 17 июля по 2 августа), что значительно превышает продолжительность предыдущих встреч глав государств: в Тегеране, она проходила с 28 ноября по 01 декабря 1943 г. и в Ялте (с 04 по 11 февраля 1945 г.). Потсдамская встреча отличалась по характеру от всех предыдущих встреч союзников по антифашистскому блоку. Рузвельта на этой конференции уже не было, его заменил Трумэн, а спутником Черчилля был Эттли, лидер лейбористов, партии, победившей на выборах в Великобритании. От Советского Союза представители были прежними.

Конференция 1945 г. могла углубить сотрудничество союзников по коалиции, упрочить достижения дипломатии Запада и СССР, а также достичь прочного мира между двумя политическими блоками, но этого не последовало. Западные политики изначально стремились к конфронтации с Советским Союзом и не были настроены на сотрудничество со своим бывшим союзником по антигитлеровской коалиции.

Делегации США и Великобритании, верные своей политике строить дипломатические отношения с позиции давления и силы, пошли на умышленную конфронтацию с СССР. Они отвергли план Рузвельта, включавший в себя, помимо исключения войн как средства решения международных конфликтов, механизм пресечения попыток возрождения фашизма на планете, гарантом чего, по мнению Рузвельта, должны выступить «четыре полицейских»: СССР, США, Великобритания и Китай, которые были бы ответственными за конкретные регионы планеты (СССР – Восточная Европа и Центральная Азия; Великобритания – Западная Европа и Британские колонии; Китай – Восточная Азия и острова в Тихом океане; США – всё Западное полушарие).

При этом вооруженные силы стран-полицейских должны применяться для пресечения острых ситуаций на подведомственных территориях, но ни при каких обстоятельствах не против друг друга. Все остальные государства должны быть демилитаризованы и отказаться от наличия собственных вооруженных сил. Трумэн же продвигал довоенную идею, направленную на изоляцию СССР и исключение ее от разрешения мировых вопросов. Наличие ядерного оружия у США Трумэн рассматривал как главный козырь, который поможет его стране занять доминирующее положение в мире.

Однако в начале конференции Трумэн еще не рисковал открыто провозгласить идею конфронтации с СССР, опасаясь общественного мнения граждан США, которые были настроены комплиментарно к Советскому Союзу. Для агрессивного курса в отношении к СССР Трумэну необходимы были веские основания, которые бы способствовали тому, чтобы мировая общественность стала на сторону противников социалистической державы.

Известно, что для достижения консенсуса необходима воля как минимум двух сторон, для политической конфронтации же достаточно желания агрессора. Но агрессор нуждается в средствах давления на своего антагониста и для ведения войны, если того потребуют обстоятельства. И средства давления на СССР у президента США появились. Направляясь в Потсдам, Трумэн ожидал информацию об испытании ядерной бомбы, рассчитывая с помощью ядерного шантажа заставить Советский Союз пойти на серьезные уступки. Информация об успешном испытании атомного оружия в пустыне Аламогордо была получена американцами 16 июля, что вселило в нового президента США абсолютную уверенность в военном превосходстве страны. В своем дневнике Трумэн записал: «У меня тоже есть заряд динамита, но сейчас я не намерен его взрывать» [6, с. 252]. Однако, по свидетельству очевидцев, сообщение Трумэна о новом оружии не произвело на Сталина должного впечатления, более того Трумэн подумал, что тот ничего не понял. Это объясняется тем, что Сталин уже знал о готовящихся испытаниях, принципах и устройстве атомной бомбы от советских разведчиков.

После того как Соединенные Штаты все же решились применить ядерное оружие, подвергнув варварской бомбардировке 6 и 9 августа 1945 г. японские города Хиросима и Нагасаки, действия западных держав носили уже откровенно антисоветский характер. Генерал Д. Эйзенхауэр, возглавлявший с мая по ноябрь 1945 г. американские оккупационные силы, писал по данному поводу: «До использования атомной бомбы я был уверен, что мы сможем сохранить мир с Россией, теперь не знаю. Я надеялся, что в этой войне атомная бомба не будет использована... Люди повсюду испуганы и обеспокоены. Опять все почувствовали беспокойство» [1, с. 4–5].

Целью «Большой тройки» на конференции выступало решение политических вопросов, консенсус по которым достичь было крайне сложно. В связи с этим тональность переговоров стала достаточно резкой. Основной проблемой конференции был послевоенный статус Германии. Проект расчленения Германии не был одобрен, в связи с этим назрела необходимость выработки определенных решений. На тот момент территория Германии была занята войсками союзников и военную оккупацию сроками не ограничивали. Тем не менее была определена проблема – американские войска оккупировали территорию, которая по плану должна отойти к Советскому Союзу.

Решение по этому вопросу было компромиссным. Войска США отводились из оккупационной зоны СССР, получая взамен сектор Берлина (вместе с Великобританией и Францией). Стороны также крайне беспокоила проблема медленного разоружения англичанами немецких войск. В свое время Черчилль распорядился оставить пленных гитлеровцев в состоянии боеготовности, дабы иметь возможность военного давления на СССР. Вообще, план «Немыслимое», вдохновителем которого был Черчилль, ярко демонстрирует суть политики Великобритании к своему союзнику. Цинизм и попираание обязательств, постоянные попытки давления на СССР, желание отобрать инициативу у равноправного союзника, внесшего огромный вклад в победу над гитлеровской Германией, вот главные особенности политики Великобритании в отношении СССР.

В вопросе о репарациях стороны пришли к консенсусу лишь в самом конце конференции. Reparации должны были выступить в виде экономического разоружения Германии и средством частичного возмещения ущерба, причиненного странам, которые стали жертвой агрессии. Еще во время Ялтинской конференции была достигнута договоренность, что Германия должна будет возместить ущерб, который она причинила другим странам в ходе войны. Рузвельт согласился с предложением Сталина о сумме репараций в 20 млрд долларов в качестве основы для обсуждения в репарационной комиссии. Однако на Потсдамской конференции правительство США отказалось от своей прежней позиции по вопросу базовой ставки репараций. Желание США экономически закабалить освобожденную Европу, навязать свои условия неравноправной экономической политики СССР, воспользоваться слабостью своего союзника, внесшего огромный вклад в победу над немецким нацизмом, характеризует политику США в отношении Советского Союза.

Проблема репараций мало беспокоила американские правящие круги. США, пользуясь экономическими трудностями СССР, пытались навязать выгодные для себя решения по ряду вопросов. Кроме всего прочего, американские правящие круги не желали ослабления немецкой буржуазии, на которую ляжет бремя репараций, так как это могло сказаться на классовом соотношении политических сил. Желание перехватить политическую пальму первенства, сохранить экономическое влияние, воспользовавшись слабостью послевоенной Европы и СССР, доминировало в сознании американского истеблишмента.

Агрессия гитлеровской Германии причинила экономике Советского Союза огромный ущерб. Несмотря на это, требования СССР по размерам репараций были очень скромными. Примечательно, что даже западные исследователи полагали репарационные требования Сталина адекватными. К примеру, западногерманский ученый В. Мариенфельд назвал сумму финансовых претензий СССР, которая равнялась 10 млрд долларов справедливой и вполне закономерной, которая не вызывает сомнений, если соотнести ее с масштабом экономических потерь Советского Союза во время оккупации его территории германскими войсками [4, с. 315].

США и Великобритания в вопросе о репарациях заняли грабительскую и несправедливую позицию в отношении СССР, связав проблему репараций СССР с политической ситуацией в Восточной Европе и Финляндии, одновременно утолив свои

экономические аппетиты за счет хорошо сохранившейся экономики Западной Германии и немецких активов, находившихся на заграничных счетах. Финансовые претензии СССР подлежали реализации из советской зоны оккупации Германии. Экономика Восточной Германии в результате военных действий была разрушена и находилась в плачевном состоянии. Необходимо отметить, что военное командование союзников зачастую вело агрессивную бомбардировку городов Германии, которые должны были войти в советскую сферу влияния. Из западных оккупационных зон Советскому Союзу полагалось лишь 25 % промышленного оборудования, причем только лишь 10 % этого оборудования СССР получал безвозмездно. За остальные 15 % необходимо было заплатить продовольствием, углем, лесоматериалами, нефтепродуктами и другими товарами [7, с. 137].

На момент окончания войны у поверженной Германии сохранился внушительный торговый и военно-морской флот, обсуждение судьбы этого имущества также подверглось острой дискуссии. Черчилль пытался вывести проблему военно-морского и торгового флота из вопроса возмещения ущерба и получить большую часть в пользу Великобритании. Обосновывал он это тем, что именно Великобритания понесла наибольший урон в торговых и военных судах. Ни США, ни СССР не поддерживали предложение Черчилля и на конференции было принято решение равного разделения военно-морских и торговых судов Германии между США, Великобританией и СССР. Испытывая острую антипатию к подводным лодкам, как результативному средству ведения морской войны, Черчилль сделал предложение уничтожить большинство подводных лодок гитлеровской Германии. Это предложение было поддержано делегатами конференции.

Как известно, Восточная Пруссия неоднократно выступала плацдармом немецкой агрессии в отношении России, и Сталин был крайне заинтересован в окончательном решении этого вопроса. После непродолжительного обсуждения представители США и Великобритании согласились с предложением Сталина о передаче Восточной Пруссии Советскому Союзу.

В решениях Потсдамской конференции фигурировал тезис о том, что непосредственные исполнители военных преступлений и те, кто занимался их планированием, должны быть арестованы и преданы суду. В частности, жертвы нацистского террора среди гражданского населения СССР во время оккупации оцениваются в цифру 4,5 млн человек [5, с. 59]. Для советского руководства вопрос наказания нацистов был крайне актуальным.

Большую дискуссию вызвала проблема статуса Польши и польского эмигрантского правительства в Лондоне. В итоге США и Великобритания признали Польское временное правительство национального единства, созданное в соответствии с решениями конференции в Ялте, а эмигрантское правительство Польши во главе с Т. Арцишевским было лишено полномочий.

На конференции была определена новая польско-германская граница по линии Одер – Западная Нейсе, которая начиналась от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде (включая город Штеттин в состав Польши). Определение новой границы было сопряжено с достаточно жестким решением о депортации немецкого населения,

которое осталось в Польше, Чехословакии и Венгрии. Также было принято решение в отношении европейских государств, которые воевали на стороне гитлеровской Германии, но затем перешли на сторону союзников антигитлеровской коалиции. Трумэн предложил поддержать ходатайство Италии о вступлении в ООН, выступил за прекращение действия условий капитуляции Италии, за немедленную реорганизацию правительств Болгарии и Румынии. В решениях Берлинской конференции отмечалось, что аномальный политический статус Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии был прекращен посредством заключения мирных договоров и дальнейшим включением этих стран в ООН.

На конференции был также поднят вопрос по поводу участия СССР в разгроме милитаристской Японии. США были обеспокоены своими потерями на Тихоокеанском театре военных действий и вовлечение СССР в войну с Японией позволило бы Вашингтону минимизировать свои военные потери, если СССР присоединится к войне с Японией в ближайшее время [2, с. 93–94].

Изучая материалы Потсдамской конференции 1945 г., сложно не заметить политику двойных стандартов в политической и экономической сфере, которая отразилась в вопросах о репарациях и других важнейших темах встречи лидеров антигитлеровской коалиции.

И все же, несмотря на нарастающую конфронтацию, до 1949 г. продолжал действовать Совет министров иностранных дел (СМИД), решение о создании которого было принято на Потсдамской конференции. В Совет входили представители СССР, США, Франции, Великобритании и Китая. Именно СМИД подготовил мирные договоры для Финляндии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Италии. С помощью Совета в дальнейшем удалось разрешить большую часть вопросов по спорным территориям.

Довольно эффективно сотрудничали страны-победительницы и в рамках объединенного союзнического органа – Контрольного совета, совместное руководство которым осуществляли три главнокомандующих союзными армиями. На время оккупации Германии Контрольный совет стал высшим властным органом союзников и был наделён законодательными функциями. В соответствии с законами, директивами и другими правовыми актами Совета регламентировалась жизнь послевоенной Германии и её населения. Так, в соответствии с решениями Потсдамской конференции им были разработаны и приняты: закон № 1 от 20 сентября 1945 г. об отмене нацистских законов; закон № 4 от 30 октября 1945 г. о мерах по демилитаризации Германии и закон № 9, принятый в тот же день о конфискации имущества треста «ИГ Фарбендустри»; закон № 10 от 20 декабря 1945 г. о наказании лиц, совершивших военные преступления или преступления против мира и человечности; директива № 24 от 12 января 1946 г. о чистке административных органов от национал-социалистов и лиц, враждебных целям союзников, а также ряд других законодательных актов [3, с. 574].

Конференция в Потсдаме 1945 г. наглядно показала отношение Запада к СССР, ту политику двойных стандартов, которая сейчас так присуща США в вопросах, которые касаются интересов России. Союзники по антигитлеровской коалиции, которые во время тяжелейшей войны с гитлеровской Германией декларировали всемерную лояльность к СССР, после окончания войны и полной победы над нацизмом всеми

силами пытались лишить Советский Союз возможности восстановить свою экономику и реализовать свои геополитические интересы в Европе. Вопросы репараций наглядно показали всю суть отношений Запада к России и то, что США всегда действуют с позиции силы, если есть возможность воспользоваться тем или иным методом давления на Россию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. – М., 1968. – 271 с.
2. Берлинская конференция 1945 // Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / под ред. М. М. Козлова. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.
3. Великая Отечественная война: В 12 т.: Т. 12: Итоги и уроки войны. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.
4. История экономики: учебник / Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова; под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкиной. – 2 изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 416 с.
5. Земсков В.Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины) // Военно-исторический архив. – 2012. – № 9. – С. 59–71.
6. Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. – М.: Весь мир, 2009. – 352 с.
7. Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика / общ. ред. А. Ю. Чепуренко; Рос. независим. ин-т соц. и нац. проблем. – М.: РОССПЭН, 2001 – 207 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alprovits G. Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam.–Moscow, 1968.- 271 p.
2. Berlin conference 1945 // The great Patriotic war of 1941–1945: encyclopedia / edited By M. M. Kozlov. – Moscow: Sov. encyclopedia, 1985. – P. – 832.
3. The Great Patriotic war: In 12 t. T. 12: Results and lessons of the war. – М.: Kuchkovo field, 2013. P. – 864.
4. History of Economics: textbook / Russian economy. Acad. them. G. V. Plekhanov; Under the General editorship of O. D. Kuznetsova, I. N. Shapkino. – 2nd ed., Rev. and add. – М.: INFRA-M, 2011. – P. – 416.
5. Zemskov V. N. on the scale of human losses of the USSR in the great Patriotic War (in search of truth) // Military historical archive. – 2012. – № 9. – Pp. 59–71.
6. Smirnov V. P. Brief history of the Second world war. – М.: All the world, 2009. – P. – 352.
7. Social market economy in Germany: Origins, concept, practice / General ed. in-t social and national problems. – М.-: ROSSPEN, 2001. – P. – 207.

УДК 351.741

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10027

Кнаус Олег Андреевич

доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники в
ОВД Восточно-Сибирского института
МВД России
E-mail: knaus.oleg@yandex.ru

Knaus Oleg Andreevich

associate Professor of the department
of Operative Search Activity and special
equipment ATS of East-Siberian Institute of
the Ministry of Internal Affairs
of the Russia
E-mail: knaus.oleg@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОМЕНДАТУР УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ИРКУТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА В 1966–1968 ГОДАХ

Введение: в статье рассматривается деятельность специальных комендатур Управления охраны общественного порядка Иркутского исполкома областного Совета депутатов трудящихся в 1966–1968 гг. Исследуются управленческие решения руководителей УООП в части организации, функционирования и ликвидации указанных учреждений в регионе. Изучаются нормативные правовые акты регламентирующие штатное построение спецкомендатур, основания их создания и ликвидации, материально-техническое обеспечение.

Материалы и методы: материалами исследования послужили статьи ученых, нормы законодательства СССР и РСФСР, ведомственные акты НКВД–МВД–МООП СССР (РСФСР), архивные документы. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, и специальных методов – историко-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования: представлен процесс постепенного изменения законодательства СССР и РСФСР в части использования принудительного труда без лишения свободы; отражен процесс применения норм уголовного права и внесудебных (репрессивных) норм советского государства в отношении лиц, содержащихся в специальных поселениях на территории Иркутской области. Освещены отдельные аспекты функционирования специальных комендатур в системе управления охраны общественного порядка региона.

Выводы и заключения: специальные комендатуры, действующие на территории региона, из аппарата контроля за репрессированными в результате преобразований к 60-м гг. прошлого века трансформировались в учреждения исполнения наказания в виде принудительного труда, являясь при этом значимым фактором, влияющим на состояние преступности, и отвечали стремлению советского государства в развитии промышленности Восточной Сибири.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутская область, репрессии, принудительный труд, спецпереселенцы, спецпоселения, спецкомендатуры, ссылка, высылка, инспекция исправительных работ, управление мест заключения, министерство охраны общественного порядка.

ACTIVITIES OF SPECIAL COMMANDANT'S OFFICES OF THE IRKUTSK REGIONAL EXECUTIVE COMMITTEE'S PUBLIC ORDER PROTECTION DEPARTMENT IN 1966-1968

Introduction: the article deals with the activities of special commandant offices of the public order protection Department of the Irkutsk Executive Committee of the regional Council of workers' deputies in 1966-1968. We study the management decisions of the managers of the UOP in terms of the organization, operation and liquidation of these institutions in the region. We study the normative legal acts regulating the regular construction of special commendations, the grounds for their creation and liquidation, and material and technical support in the studied region.

Materials and methods: the research materials were articles by scientists, norms of the legislation of the USSR and the RSFSR, departmental acts of the NKVD–MVD–MOOP of the USSR(RSFSR), archival documents. The methodological basis of the research is a set of General scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison, and special methods –historical-legal, system-structural, and comparative-legal.

Results of the study: the process of gradual changes in the legislation of the USSR and the RSFSR regarding the use of forced labor without deprivation of liberty is presented; the process of applying criminal law and extrajudicial (repressive) norms of the Soviet state in relation to persons held in special settlements in the Irkutsk region is reflected. Some aspects of the functioning of special commandant's offices in the management system of public order protection in the region under consideration are highlighted.

Findings and conclusions: special commandant offices operating on the territory of the region from the control apparatus for the repressed, as a result of the transformations, by the 60s of the last century, were transformed into institutions for the execution of punishment in the form of forced labor, being a significant factor affecting the state of crime and responding to the desire of the Soviet state in the development of industry in Eastern Siberia.

Key words: Eastern Siberia, Irkutsk region, repression, forced labor, special settlers, special settlements, special commendations, exile, expulsion, inspection of correctional labor, Department of places of detention, Ministry of public order protection.

Исторические исследования в области применения принудительного труда в СССР рассматривали в своих трудах такие авторы, как Л. П. Питкевич [1], Н. М. Игнатова [2]. Однако предметные вопросы в данной области, как правило, рассматриваются либо фрагментарно, либо в рамках исследования более широкой проблематики.

Деятельность спецкомендатур в 1960–1980 гг. в Восточной Сибири затрагивается А. В. Наумовым лишь в части отдельных учреждений [3]. Недостаток исследований по теме и определил выбор предмета статьи.

В начале 30-х гг. прошлого века на территории Иркутской области при городских (районных) отделах НКВД милиции в целях обеспечения государственной безопасности, охраны общественного порядка и предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством были созданы специальные (трудовые) поселения (поселки)¹. Основным контингентом до 1939 г. в спецпоселениях Восточной Сибири были лица, высланные из мест постоянного проживания по социальному признаку, так называемые кулаки, а также осужденные к исправительно-трудовым работам без лишения свободы. Кроме указанных категорий, содержанию в указанных специальных поселках подлежали осужденные к удалению из пределов отдельных местностей с обязательным поселением в других местностях, а также осужденные к запрещению проживания в отдельных местностях². С началом Второй мировой войны к указанной категории переселенцев добавились также лица, переселенные по национальному признаку, на основании постановлений СНК.

Термин «специальные комендатуры» появился в документах 1945 г. с принятием положения о специальных комендатурах³. До 1954 г. районные и поселковые спецкомендатуры являлись аппаратами НКВД по обслуживанию спецпереселенцев. Начальник районной спецкомендатуры являлся заместителем начальника РО НКВД по обслуживанию спецпереселенцев. На спецкомендатуры возлагались следующие обязанности:

- 1) учет и надзор за ними в целях предотвращения побегов с мест поселения;
- 2) организация и производство розыска бежавших;
- 3) предупреждение и пресечение беспорядков в местах поселения;
- 4) осуществление контроля за хозяйственным и трудовым устройством в местах их поселения;
- 5) прием жалоб, заявлений и обеспечение по ним необходимых мероприятий.

Специальные комендатуры создавались в районах расселения спецпереселенцев и дислоцировались в населенных пунктах в центре территории, на которой был расселен контингент.

¹ О трудовом устройстве кулацких семей, выселенных в отдаленные местности, и о порядке организации и управления специальными поселками: постановление СНК РСФСР от 13 окт. 1930 г. // ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 40. Д. 1971. Л. 114–111. Российское историческое общество. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/81671-postanovlenie-snk-rsfsr-o-trudovom-ustroystve-kulatskih-semey> (дата обращения 10.02.2020).

² О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 22.11.1926 (утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

³ Об утверждении положения о спецкомендатурах: постановление СНК СССР от 08.01.1945 № 34-14с. Цит. по: Яковлев А.Н. Сводные документы о депортациях калмыков, народов Северного Кавказа, Крыма и Закавказья в целом (ноябрь 1943–декабрь 1944). URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022605> (дата обращения 10.02.2020).

В августе 1954 г. постановлением Совета министров СССР № 1738/789сс «О снятии ограничений по спецпереселению бывших кулаков и других лиц» ограничения с большинства граждан, переселенных по национальному или социальному признаку, были сняты¹. В связи с этим количество специальных комендатур на территории Иркутской области постоянно снижалось и к концу 50-х гг. основной контингент в поселениях составляли осужденные к принудительным работам, а также высланные с определенных территорий СССР по приговорам судов.

В соответствии с положениями Уголовных кодексов 1926 и 1960 гг. существовали такие понятия, как ссылка, высылка и исправительные работы без лишения свободы. Ссылка заключалась в удалении осужденного из места его жительства с обязательным поселением в определенной местности. Высылка заключалась в удалении осужденного из места его жительства с запрещением проживания в определенных местностях. Указанные меры назначались как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания на срок до пяти лет. Трудоустройство ссыльных (выселенцев) возлагалось на исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся. Ссылка в определенную местность в соединении с принудительными работами применялась к тем же лицам и по тем же основаниям, что и простая ссылка, когда суд признавал целесообразным оказать на осужденного исправительно-трудовое воздействие. Кроме того были предусмотрены и уголовно-правовые последствия уклонения от исправительных работ, такие как замена их исправительными работами в иных местах, определяемых органами, замена на лишение свободы, при этом три дня не отбытого срока исправительных работ заменялись одним днем лишения свободы. За побег с места ссылки или с пути следования в ссылку предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. Самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания, заменялось ссылкой на не отбытый срок².

Обеспечение контроля за указанными категориями осужденных было возложено на управление мест заключения (УМЗ УООП). Общее руководство за исполнением исправительных работ без лишения свободы в системе УООП осуществляло отделение исправительных работ УМЗ штатной численностью 7 сотрудников: начальник отделения, два старших инспектора, 3 инспектора и ст. бухгалтер – все служащие. Районные инспекции исправительных работ создавались в том случае, если среднемесячное количество осужденных в данном районе было не менее шестидесяти человек. При отсутствии в районе указанного количества осужденных создавались межрайонные инспекции исправительных работ. В 1968 г. инспекции исправительных работ были переданы из ведения аппаратов УМЗ в подчинение начальников городских и

¹ Архив УФСБ по АК. Д. 1. Л. 142, 143. Российское историческое общество. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/75282-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-o-snyatii-ogranicheniy-po-spetsposeleniyu-s-byvshih-kulakov-i-drugih-lits-13-avgusta-1954-g> (дата обращения 10.02.2020).

² Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: закон РСФСР от 27.10.1960 (утратил силу с 1 янв. 1997 г. в связи с принятием федерального закона от 13.06.1996 N 64-ФЗ) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. N 40. Ст. 591. URL: СПС Консультант Плюс (дата обновления 10.02.2020).

районных органов внутренних дел¹. Общая численность сотрудников инспекции к началу 1969 г. в территориальных подразделениях УООП составила 22 чел.²

Охрана общественного порядка, предупреждение преступлений и побегов лиц, осужденных к принудительному труду, в системе УООП была возложена на специальные комендатуры при отделах милиции, штат которых формировался исходя из численности спецпоселения. Руководил спецкомендатурой оперуполномоченный, он же комендант, на которого возлагались функции общего руководства комендатурой, проведение оперативно-розыскных мероприятий среди поселенцев, рассмотрение жалоб, розыск совершивших побег и т.д. В состав комендатур до 1968 г. входили также строевые подразделения, обеспечивающие охрану правопорядка в поселениях³.

Структура специальной комендатуры при городском (районном) отделе милиции

№	Штатная должность	Штатное звание
1	Старший комендант спецпоселений	Майор милиции
2	Комендант спецпоселений	Ст. лейтенант милиции
3	Командир отделения	Ст. сержант милиции
4	Милиционер	Ст. сержант милиции
5	Милиционер-шофер	Ст. сержант милиции
6	Милиционер-мотоциклист	Ст. сержант милиции
7	Милиционер-моторист	Ст. сержант милиции
8	Секретарь-бухгалтер	Служащий
9	Машинистка	Служащий

В ходе крупномасштабной индустриализации начатой в 1960–1970 гг. в Иркутской области появились новые отрасли промышленности, такие как нефтепереработка, нефтехимия, цветная металлургия, целлюлозно-бумажная промышленность, станкостроение и радиоэлектронная промышленность. В области строились десятки крупнейших в стране промышленных предприятий. Данные факты способствовали быстрому росту городов, таких как Ангарск, Братск, Шелехов, Байкальск, Саянск, Усть-Илимск [4]. Эти процессы требовали привлечения значительного количества рабочих рук. Государством был принят ряд нормативных актов, направленных на усиление ответственности за тунеядство, результатом которых явилось увеличение количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности в виде принудительного тру-

¹ Инструкция о порядке исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ без лишения свободы: приказ МВД СССР от 6 мая 1976 г. № 120 (утратил силу приказом МВД России от 13.02.1997 N 90) // СПС Консультант Плюс. Версия 4019.00.20 (дата обновления 10.02.2020).

² Об утверждении штата Управления охраны общественного порядка Иркутского исполкома областного Совета депутатов трудящихся: приказ УООП Иркутского облисполкома от 7 июля 1969 г. № 082 // Архив главного управления МВД России по Иркутской области (АГУ МВД России по ИО).

³ Об утверждении штата Управления охраны общественного порядка Иркутского исполкома областного Совета депутатов трудящихся: приказ УООП Иркутского облисполкома от 6 марта 1966 г. № 050 // АГУ МВД России по ИО.

да без лишения свободы. Так, в 1961 г. вышел указ ПВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющихся от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни», которым за систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, уклонение от общественно-полезного труда предусматривалось наказание в виде исправительных работ на срок от шести месяцев до одного года¹. В 1964 г. к вышеуказанному контингенту, содержащемуся в спецкомендатурах, добавились условно освобожденные для работы на строительстве предприятий народного хозяйства – «освобожденные на химию», так как в основном использовались при строительстве объектов химической промышленности².

Содержание комендатуры, включая заработную плату сотрудников, возлагалось на предприятия и организации, использующие труд спецконтингента. Создание спецкомендатуры осуществлялось на основании обращения руководителя предприятия, организации, исходя из потребности в количестве привлекаемых рабочих рук, на имя начальника УООП, с последующим заключением договора на определенный срок. Упразднение спецкомендатуры производилось по истечении срока договора, совпадающего, как правило, с окончанием строительства объекта народного хозяйства. При необходимости срок договора мог продлеваться. Кроме того, могли изменяться и условия договора в части наполняемости спецконтингентом, которая составляла от 100 до 1 тыс. человек. В Иркутской области в зависимости от наполняемости функционировали следующие виды спецкомендатур:

- 1) от 100 до 250 чел.
- 2) от 251 до 500 чел.
- 3) от 751 до 1000 чел.

В 1968 г. после передачи комендатур в состав ОВД штаты сотрудников спецкомендатур сократили от 1 до 3 (комендант, старший помощник или помощник коменданта). Строевые подразделения и водительский состав вошли в штаты горрайорганов.

Количество спецкомендатур определялось из потребностей предприятий промышленности, постоянно менялось, при этом имело тенденцию к увеличению. В 1969 г. в Иркутской области функционировали следующие 23 специальные комендатуры:

Иркутск. Специальная комендатура треста «Иркутскпромстрой» при отделе внутренних дел Свердловского райисполкома (от 100 до 250 чел.) – комендант.

Ангарск. Специальная комендатура Ангарского управления строительства (АУС-16) Министерства среднего машиностроения п. Юго-Восточный при отделе внутренних дел Ангарского горисполкома (от 251 до 500 чел.) – комендант и помощник.

Усолье-Сибирское. Специальные комендатуры треста «Востоктяжстрой», Ново-Мальтинского кирпичного завода Управления стройматериалов, треста «Драгстроймонтаж», кирпичного завода АУС-16, свинокомплекса Управления «Ир-

¹ Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума ВС РСФСР и решений Правительства РСФСР. Т. XIV. М., 1967, СПС Консультант Плюс (дата обновления 10.02.2020).

² Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства: указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. // СПС Консультант Плюс (дата обновления 10.02.2020).

кутксельстрой» при отделе внутренних дел Усольского горрайисполкома. Всего – 6 комендатур (от 251 до 500 чел.) – 12 сотрудников (6 комендантов и 6 помощников).

Черемхово. Специальные комендатуры треста «Черемховпромстрой» при отделе внутренних дел Черемховского горрайисполкома – 2 комендатуры (от 251 до 500 чел.) – 4 сотрудника (2 коменданта и 2 помощника).

Свирск. Специальная комендатура треста «Драгстроймонтаж» при отделе внутренних дел Черемховского горрайисполкома (от 251 до 500 чел.) – комендант и помощник.

Тайшет. Специальная комендатура Бирюсинского СМУ треста «Востокпромстрой» при отделе внутренних дел Тайшетского горрайисполкомов (от 100 до 250 чел.) – комендант.

Тулун. Специальная комендатура треста «Востокпромстрой» при отделе внутренних дел Тулунского горрайисполкома (от 100 до 250 чел.) – комендант.

Пос. Белая Зима. Специальная комендатура горно-обогатительного комбината при отделе внутренних дел Тулунского горрайисполкома (от 251 до 500 чел.) – 2 сотрудника (комендант и помощник).

Зима. Специальная комендатура при отделе внутренних дел Зиминского горрайисполкомов (от 100 до 250 чел.) – комендант.

Шелехов. Специальная комендатура при отделе внутренних дел Шелеховского горисполкома (от 251 до 500 чел.) – 2 сотрудника (комендант и помощник).

Пос. Гидростроитель. Специальные комендатуры Управления «Братскгэсстрой» при отделе внутренних дел Братского горрайисполкомов – 2 комендатуры (от 100 до 250 чел.).

Пос. Строитель. Специальные комендатуры Управления «Братскгэсстрой» при отделе внутренних дел Братского горрайисполкомов – 2 комендатуры (от 751 до 1 тыс. чел.)

Пос. Чекановский. Специальные комендатуры Управления «Братскгэсстрой» при отделе внутренних дел Братского горрайисполкомов – 2 комендатуры (от 100 до 250 чел.). Всего по Братским комендатурам – 12 сотрудников (6 комендантов, 2 старших помощника, 1 помощник и инспектор по учету).

Усть-Кут. Специальная комендатура порта Осетрово речного флота при отделе внутренних дел Усть-Кутского горисполкома (от 100 до 250 чел.) – комендант¹.

Выполнение правительственных планов строительства требовало от местных органов власти определенного внимания к вопросам функционирования специальных комендатур. Так в решении Иркутского облисполкома от 26 июля 1967 г. № 336 говорится о том, что за 1966 г. органами милиции и исполкомами местных Советов депутатов трудящихся проведена определенная работа по выявлению случаев тунеядства. За 1966 г. было выявлено и предупреждено об ответственности 1106 человек, из них 729 прекратили паразитический образ жизни, 118 человек привлечены к труду. Решением было отмечено, что органами милиции слабо осуществляется контроль за поведением предупрежденных по Указу, а также надзор за соблюдением режима в специальных по-

¹ Об утверждении штата Управления охраны общественного порядка Иркутского исполкома областного Совета депутатов трудящихся: приказ УООП Иркутского облисполкома от 7 июля 1969 г. № 082 // АГУ МВД России по ИО.

селениях, в связи с чем многие выселенные в местах поселения пьянствуют, нарушают общественный порядок, совершают побеги и преступления. Исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся слабо контролируют работу по занятости выселенных и не требуют от руководителей предприятий и организаций принятия необходимых мер по их трудоустройству. Этим же решением от исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся и начальников органов милиции потребовали обеспечить неукоснительное исполнение Указа¹.

Специальные комендатуры, действующие на территории региона, из аппарата контроля за репрессированными через многочисленные реформы к 60-м годам прошлого века трансформировались в учреждения исполнения наказания в виде принудительного труда, являясь при этом значимым фактором, влияющим на состояние преступности и вносящим существенный вклад в развитие промышленности Иркутской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Игнатова Н.М. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х–1950-е гг. // Покаяние. – Сыктывкар: Фонд жертв политических репрессий «Покаяние», 2001. – С. 59–72.
2. Кнаус О. А. Состояние преступности в Иркутской области в 1962–1969 годах // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (1). – С. 275–281.
3. Наумов А.В. Тюрьмы и лагеря Иркутской области. – Иркутск, 2004. – 300 с.
4. Питкевич Л.П. Исправительные работы: история, настоящее и будущее // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 3. – С. 111–113.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Ignatova N. M. The Use of labor of special settlers- «former kulaks» in the forest industry and other industries in the mid-1930s-1950s. - Syktyvkar: Fund of victims of political repressions «Repentance», 2001. P. 59-72.
2. Knaus O. A. The state of crime in the Irkutsk region in 1962-1969 // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. -2019. No. 1. P. 275-281.
3. Naumov A.V. Prisons and camps of the Irkutsk region.-Irkutsk, 2004. - 300 p.
4. Pitkevich L. P. Correctional work: history, present and future // Gaps in Russian legislation.-2013. – No. 3. – Pp. 111—113.

¹ Решение Иркутского облисполкома от 26 июля 1967 г. № 336 // АГ У МВД России по ИО.

УДК 630:34(571.15)

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10028

Тяпкин Михаил Олегович
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Барнаульского юридического
института МВД России
доктор исторических наук,
доцент
E-mail: tyapkin@rambler.ru

Tyapkin Mikhail Olegovich
Head of department of the Theory a
and History of the Law and State of the
Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the
doctor of historical sciences
associate professor
E-mail: tyapkin@rambler.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Введение: в статье рассматриваются особенности правового регулирования лесных отношений в Алтайском округе. Важнейшим локальным нормативным актом, действовавшим только на территории Алтайского округа, являлись «Правила по лесной части», которые регламентировали организацию управления лесами, лесопользование, лесоохрану и ряд других вопросов.

Материалы и методы: правовой основой исследования являются «Правила по лесной части Алтайского округа», которые в течение рассматриваемого периода имели три редакции (1897, 1908 и 1911 гг.). Методологической основой исследования является комплекс общенаучных логических приемов (анализ, синтез) и специальных методов (историко-правовой, историко-сравнительный, сравнительно-правовой, историко-генетический).

Результаты исследования: показаны условия возникновения правовой автономии Алтайского округа, определено особое значение лесных ресурсов сначала для функционирования горно-металлургического производства, а затем в качестве базы для развития лесного хозяйства, как самостоятельной отрасли, проанализировано содержание «Правил по лесной части».

Выводы и заключения: лесное хозяйство в конце XIX в. стало ведущим направлением развития хозяйственной инициативы кабинетской администрации в Алтайском округе. Переориентация хозяйственного механизма с горно-металлургического направления на развитие лесной отрасли потребовала формирования новой системы нормативного регулирования лесных отношений, основой которой стали действовавшие только на территории Алтайского округа «Правила по лесной части». Изменения, вносившиеся в текст Правил при каждой последующей редакции, отражали процесс модернизации лесного хозяйства в Алтайском округе.

Ключевые слова: лесное хозяйство, Западная Сибирь, Алтайский округ, «Правила по лесной части», охрана лесов, лесопользование.

LAW REGULATION OF FOREST RELATIONS IN THE ALTAI REGION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Introduction: The article is aimed to consideration of legal regulation of forest relations in the Altai region. The «The Rules under the forestry of Altai region» was the most important local normative act, which regulated the forestry management, forest exploitation, protection and some other issues.

Materials and Methods: «The Rules under the forestry of Altai region» is the source base of the research which had three editions during the period under review (1897, 1908 and 1911). The methodological basis of the study is a complex of general scientific logical methods (analysis, synthesis) and special methods (historical-legal, historical-comparative, comparative-legal, historical-genetic).

Results: as a result of our paper we have shown the conditions for the emergence of legal autonomy in the Altai region; determined the particular importance of forest resources and analyzed the content of the «The Rules under the forestry of Altai region».

Findings and conclusions: forestry became the main direction of the economic activity of the Cabinet in the Altai region at the end of the XIX century. The transformation of Altai economy in that period from the mining and metallurgical industry to the development of forestry had required the formation of a new system of normative regulation of forest relations. «The Rules...» had become the basis of this process. Each subsequent issue of «The Rules...» fixed the changes in the process of modernization of forestry in the Altai region.

Key words: forestry, Western Siberia, Altai region, «The Rules under the forestry of Altai region», forest protection, forest management.

В административных границах Томской губернии в дореволюционный период параллельно существовали две системы лесного хозяйства. Первая, которую можно назвать «казенной», относилась к той части губернии, леса которой принадлежали государству, имели статус казенных и находились в ведении Лесного департамента. Вторую традиционно называют «кабинетской», поскольку она функционировала в пределах Колывано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского) горного округа ведомства Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет). Специфика владельческой принадлежности, особенности социально-экономического развития региона, особая роль горно-металлургического комплекса, наличие уникальных ленточных боров и другие факторы придавали кабинетскому округу значительное своеобразие. Две системы ведения лесного хозяйства, находясь в непосредственном соседстве и взаимодействии, развивались разными темпами и на разных правовых основаниях. Процесс их унификации начался уже после Февральской революции 1917 г.

На территории Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа действовал целый ряд локальных нормативных актов, имевших ведомственное происхождение. По сложившейся традиции нормы общероссийского законодательства в

кабинетском округе могли применяться выборочно в тех случаях, когда они не противоречили интересам венценосного собственника.

В рамках статьи мы рассмотрим один из локальных нормативных актов – «Правила по лесной части Алтайского округа», которые в конце XIX – начале XX в. являлись важнейшим элементом и основой системы нормативного регулирования лесных отношений, т.е. отношений в сфере лесопользования, использования, охраны и воспроизводства лесов. Актуальность названной темы с научной точки зрения заключается в том, что «Правила по лесной части» еще не становились самостоятельным предметом исследования в работах историков и правоведов.

Сибирские леса в XVIII – начале XIX в. «выпадали» из поля зрения законодателя, поэтому долгое время находились в правовой изоляции. Единственной категорией лесов Азиатской России, представлявших хозяйственный интерес для государства уже в XVIII в., являлись заводские леса, в том числе, приписанные к колывано-воскресенским заводам и рудникам, которые для «предохранения от расстройств, вследствие неправильных рубок» было предписано разделить на годовые лесосеки [1, с. 224].

По мере развития горно-металлургического комплекса возникла необходимость регламентации лесопользования. В 1785 г. начальник Горной экспедиции генерал-майор П.А. Соймонов просил Екатерину II о снабжении колывано-воскресенских заводов проектом Лесного устава, хотя работа над ним еще не была завершена. Высочайшей резолюцией от 21 января 1786 г. было предписано руководствоваться при ведении хозяйства в лесах, «к заводам Колывано-Воскресенским принадлежащих», проектом устава. Он был составлен под руководством П.С. Палласа, исходя из последних достижений лесоводства конца XVIII в. Рациональная организация лесного хозяйства в императорском округе должна была стать основой повышения доходности горно-металлургического комплекса, а также послужить примером для других лесовладельцев, что было в русле политики Екатерины II.

На протяжении XVIII – второй половины XIX в. лесное хозяйство Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа было полностью подчинено интересам горно-металлургического производства. Перед лесной отраслью была поставлена задача обеспечивать бесперебойную поставку древесного угля и древесины для удовлетворения потребностей горно-заводского комплекса и населения. Местное заведение лесами осуществляли горные (заводские) конторы через приставов рудников (заводов) и лесосек под общим контролем горного правления. Леса, приписанные к селениям и предназначенные для удовлетворения потребности местного населения в древесине, состояли в ведении волостной администрации.

В первом Лесном уставе Российской империи 1802 г. правовых норм, посвященных непосредственно лесам Колывано-Воскресенского горного округа, не содержалось. Нормативной основой деятельности лесной отрасли алтайских заводов в первой половине XIX в. была составленная в 1830 г. министром финансов Е.Ф. Канкриным «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского», в том же году распространенная на Колывано-Воскресенский горный округ (с 1830 по 1855 г. алтайские заводы находились в аренде у Министер-

ства финансов) [2]. Это сочинение имело не только практическое но и большое теоретическое значение, поскольку в нем были выражены «пожелания ученого лесоведа, стремящегося просветить мысли и распространить сведения о лесном хозяйстве и надеющегося, что важность сих ожиданий возбудит ревность всех благомыслящих чиновников содействовать начальству в сем намерении» [3, с. 11].

С 1840 г. в административном механизме Алтайского горного округа появилось новое звено – Лесная часть, перед которой была поставлена задача формирования эффективной системы охраны лесов на всех уровнях. Несмотря на то, что деятельность лесничих и лесной стражи по-прежнему контролировалась куренными приставами, Лесная часть получила некоторую, хоть и довольно условную автономию от горно-заводской администрации.

В это же время впервые в тексте Лесного устава издания 1842 г. появляются статьи, устанавливавшие правила ведения лесного хозяйства в лесах, приписанных к алтайским горным заводам и рудникам. Из 1716 статей устава этому предмету было посвящено всего 26 статей (ст. 1316–1341), объединенных в третью главу второго раздела «О казенных лесах, приписанных к промыслам, заводам и фабрикам». В Лесных уставах 1857 и 1876 гг. содержание статей, посвященных регламентации ведения лесного хозяйства в Алтайском округе, осталось неизменным.

В этих статьях кратко описывался порядок управления алтайскими лесами, а также давались некоторые указания по организации лесопользования и лесоохраны. В развитие норм, содержащихся в Лесном уставе, в 1850 г. принимается «Положение об управлении лесами Алтайского горного округа»¹. В соответствии с ним право непосредственного распоряжения действиями лесных служащих было дано главному горному начальнику и Алтайскому горному правлению. Горнозаводская администрация потеряла прямое влияние на Лесную часть, но могла наблюдать за действиями лесных чинов.

Упадок горнозаводского производства во второй половине XIX в. положил начало процессу переориентации Кабинета на расширенную эксплуатацию собственных земельно-лесных ресурсов и создание коммерческого лесного хозяйства. Для реализации нового направления хозяйственной инициативы потребовалось реформирование административно-хозяйственного аппарата Алтайского горного округа, которое началось в 1883 г. Новые тенденции нашли отражение в Лесном уставе 1893 г., где количество статей, объединенных в главу «О государственных лесах, приписанных к горным промыслам и заводам Алтайским и Нерчинским», было сокращено до 23. Изменения носили не только количественный, но и качественный характер. Основной новеллой стала замена нормы Лесного устава 1876 г. о том, что «главное местное управление лесами казенных Алтайских заводов сосредоточивается в Алтайском горном правлении и под ведением оно в горных конторах» [4, с. 196]. После проведения административно-хозяйственной реформы 1883 г. руководство лесами перешло в ведение Управления Алтайского горного округа, что и было закреплено в ст. 480 Лесного устава 1893 г. [5, с. 241].

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1705. Л. 131–131 об.

В конце XIX в. лесное хозяйство окончательно освобождается от зависимой роли в тандеме с горно-металлургическим комплексом и становится приоритетным направлением развития хозяйственного механизма Алтайского горного округа. В 1896 г. территория округа была разделена на двенадцать имений, деятельность которых не ограничивалась ведением лесного хозяйства. Сфера должностных полномочий управляющих имениями была широка: лесное и земельно-арендное хозяйство, переселенческое дело, надзорная и правоприменительная деятельность по делам о лесонарушениях и т.д. В этом же году из наименования округа исчезает слово «горный», что становится наглядной иллюстрацией нового курса кабинетской администрации.

Нормативной базой новой модели управления земельно-лесным хозяйством стали принятые в 1897 г. «Правила по Лесной части в Алтайском округе». В новом издании Лесного устава 1905 г. в примечании к ст. 1 было закреплено, что «леса ведомства Кабинета Е.И.В. в Алтайском и Нерчинском округах составляют собственность императора и управляются на основании особых правил» [6, с. 3025]. Под этими «особыми правилами» как раз и понимались «Правила по Лесной части», пережившие на протяжении дореволюционного периода три редакции (1897, 1908 и 1911 гг.). Первые Правила были утверждены управляющим Кабинетом, а последующие самим императором, что было обусловлено особым статусом округа и высокой степенью заинтересованности кабинетской администрации в рациональной эксплуатации своих лесных ресурсов.

Первые Правила 1897 г. представляли собой довольно объемный документ, состоявший из 200 параграфов, объединенных в 12 глав. Структура нормативного акта выглядела следующим образом:

1. Общие положения (§ 1–3).
2. Организация лесного управления (§ 4–11).
3. Содержание лесов в порядке: очистка дач от мертвого леса, уборка порубочных остатков, опалка лесов, порядок сплошной рубки, культурные и лесные работы, расчистка леса (§ 12–41).
4. Способы эксплуатации лесных дач (§ 42–50).
5. Сметы на отпуск леса (§ 51–62).
6. Таксация и оценка отпускного леса. Составление такс на лес (§ 63–76).
7. Расходование леса: продажа его на корню или в заготовленных сортиментах, продажа с торгов, или хозяйственным порядком (§ 77–129).
8. Продажа леса крестьянам на льготных условиях (§ 130–137).
9. Бесплатный отпуск леса крестьянам (§ 138–152).
10. Лесоотпускные билеты (§ 153–164).
11. Охранение лесов (§ 165–187).
12. Счетоводство и отчетность собственно по лесному хозяйству (§ 188–200).

Самой объемной была седьмая глава (52 параграфа), регламентировавшая порядок осуществления коммерческих операций с древесиной. Следующей по объему являлась третья глава (29 параграфов), определявшая организацию лесохозяйственной деятельности. Замыкала «тройку лидеров» одиннадцатая глава (22 параграфа),

посвященная деятельности основного звена лесоохранного механизма – лесной страже. Объем остальных глав был существенно меньше.

Правила включали в себя также семь приложений, представлявших собой формы основных отчетно-планирующих документов, ведущихся в имениях: сметы лесокультурных работ, сметы на отпуск лесоматериалов, бланки лесорубочных билетов, отчетные приходно-расходные ведомости, книги материальной отчетности и учета самовольно вырубленного леса.

В первой главе, состоявшей всего из трех параграфов, закреплялось, что леса Алтайского округа являлись частной собственностью императора, но на них распространялось законодательство, регулировавшее вопросы охраны казенных лесов от пожаров, самовольных порубок и прочих лесонарушений. Во втором параграфе первой главы оговаривалось, что «леса Алтайского округа служат как для извлечения доходов Кабинета... равно для удовлетворения надобностей Главного управления округа, заводов, рудников и проч., так и для снабжения крестьянского населения округа лесными материалами, потребными... для домашних надобностей крестьян» [7, с. 1]. Таким образом, перед лесной администрацией была поставлена двоякая задача: организация в интересах владельца прибыльного лесного хозяйства, действующего на коммерческой основе, и обеспечение лесоматериалами местного населения.

Вторая глава (§ 4–11) устанавливала порядок лесоправления и определяла пределы полномочий представителей всех уровней лесной администрации Алтайского округа: Главное управление – старшие и младшие лесничие – управляющие имениями – помощники управляющих имениями. Общее администрирование лесной отраслью относилось к ведению Главного управления Алтайского округа, при этом начальник округа имел право контролировать деятельность всех названных представителей лесной администрации, а также был обязан изыскивать меры «к приведению лесных дач в лучшее состояние и поднятию их доходности» [7, с. 6].

Старшие и младшие лесничие, состоявшие при Главном управлении, обладали главным образом ревизионными функциями по отношению к управляющим имениями. Последние в соответствии с Правилами осуществляли «ближайшее управление» лесами. В их компетенцию входил довольно широкий круг вопросов: организация «правильного» лесного хозяйства, охрана лесов и преследование лесонарушений, ведение отчетности, составление такс и т.д. Каждый из двенадцати управляющих имениями подчинялся непосредственно начальнику округа. Большой объем полномочий и ответственности управляющего имением требовал наличия у них помощников, которым поручалось ведение дел в какой-либо части имения, называемой «участком». Помощники должны были контролировать деятельность лесной стражи, отводить лесосеки, содействовать лесоустройству, выдавать лесорубочные билеты, свидетельствовать лесозаготовки, составлять протоколы о лесонарушениях, вести делопроизводство и т.п. Если управляющий имением осуществлял стратегическое руководство, что делало его должность во многом схожей с должностью руководителя губернского (областного) управления государственных имуществ, то помощник занимался решением тактических вопросов. Должность помощника управляющего имением по своему должностному статусу и объему полномочий соответствовала должности казенно-

го лесничего с той лишь разницей, что последние имели в своем ведении самостоятельную административно-хозяйственную единицу – лесничество.

Главы с третьей по десятую включительно были посвящены регламентации различных аспектов лесохозяйственной деятельности. Так, в третьей главе определялись способы и условия очистки лесных дач от порубочных остатков при разных видах рубок, сухостойного, валежного, ветровального и горелого леса. В этой же главе устанавливался порядок проведения опалок (весеннего выжигания прошлогодней травы по кромкам лесных дач) и лесных работ (устройство просек, дорог и мостов, осушение болот, санитарные рубки и т.п.).

Четвертая глава определяла порядок и способы лесоэксплуатации в Алтайском округе. Параграфы этой главы (§ 42–50) по своему содержанию перекликались с принятой в 1896 г. «Инструкцией для устройства лесов в Алтайском округе» и содержали многочисленные ссылки на этот документ. Глава устанавливала порядок разделения лесосек на делянки и определяла пределы полномочий должностных лиц лесного управления при выделении и продаже лесосек. Обращает на себя внимание тот факт, что начальник округа, не являясь непосредственно представителем лесной администрации, имел право лично определять не только время выдачи лесоотпускных билетов, рубки и вывоза леса из лесных дач, но и сам характер выборки деревьев с лесосеки (с разбивкой на делянки и без таковой).

Порядок составления лесоотпускных смет устанавливался в пятой главе, которая так же, как и предыдущая, содержала отсылки к упоминаемой выше Инструкции 1896 г. Объемы ежегодного лесоотпуска (с 1 июля одного до 1 июля другого года) определялись сметой, которую составлял помощник управляющего именем, проверял управляющий, рассматривал не позднее 1 февраля начальник округа и, наконец, утверждал управляющий Кабинетом (до 1 апреля). Сама же рубка и вывозка лесоматериалов из лесных дач осуществлялась только в зимнее время, поскольку в пожароопасный весенне-летне-осенний период дачи, по решению начальника округа, могли закрываться для заготовок.

В шестой главе определялся порядок составления и утверждения такс на лесоматериалы, что являлось одним из важнейших аспектов процесса коммерциализации лесного хозяйства. Таксы должны были не только отражать реальную стоимость лесоматериалов в зависимости от их вида, но и «отвечать современным лесоторговым условиям» (§ 70) для того, чтобы лесовладелец мог получать от 13 до 28 % чистой прибыли от рыночной цены древесины.

Порядок совершения лесоторговых операций регламентировался в седьмой, самой объемной главе (§ 77–129). Большой объем данной главы обуславливался важностью задач по развитию коммерческого лесного хозяйства. Она содержала подробную регламентацию порядка совершения лесоторговых операций. Предусматривалось два вида реализации лесоматериалов: продажа леса на корню и его хозяйственная заготовка с последующей разделкой на сортименты силами лесного ведомства. Последний способ был более предпочтителен, поскольку позволял лесовладельцу получать большую прибыль. При этом высокая стоимость лесоматериалов, удаленность лесных складов от населенных пунктов, бюрократические сложности в оформлении лесору-

бочных документов в сочетании с невозможностью или нежеланием основной части населения приобретать лес у Кабинета значительно затрудняли развитие коммерческого лесного хозяйства.

Восьмая и девятая главы определяли порядок продажи древесины крестьянам на льготных условиях и снабжения их бесплатными лесоматериалами. Льгота заключалась в снижении таксовой стоимости древесины. Сама процедура бесплатного получения и продажи древесины из кабинетских лесных дач была обставлена довольно серьезными бюрократическими процедурами (получение мирского приговора сельского общества, заключение договора с помощником управляющего имением, освидетельствование и учет заготовленной древесины). Лица, вырубившие большее количество леса, чем было определено в билете, несли уголовную ответственность. Жесткая регламентация этого вопроса была продиктована желанием администрации не допустить бесконтрольного и самовольного лесопользования со стороны крестьянского населения.

Норма о праве местного населения на получение древесины бесплатно основывалась на существовавшей в Сибири многие столетия практике вольного лесопользования. Постепенно она нашла свое отражение в лесных уставах всех редакций дореволюционного периода. Предусматривалось, что до завершения землеустройства и наделения крестьян лесными наделами, последние имели право на бесплатное получение строевого и дровяного леса на собственные нужды из казенных и ведомственных, в том числе кабинетских лесных дач. Это право могло быть реализовано при условии участия крестьян в тушении лесных пожаров и работах по опалке лесных дач. Кроме того, государство рассматривало систему бесплатных лесоотпусков как способ снижения социальной напряженности в деревне [8].

Десятая глава Правил 1897 г. носила технический характер и была полностью посвящена описанию порядка составления и выдачи лесоотпускных билетов как обязательного элемента любой заготовки леса. Как мы уже отмечали, в приложении к Правилам содержалась форма бланка лесоотпускного билета.

Вопросы охраны лесов были вынесены в отдельную, одиннадцатую главу, состоящую из 22 параграфов (§ 165–187). Размещение этой главы в самом конце Правил, после норм, регламентирующих чисто хозяйственные вопросы, на наш взгляд, выглядит не вполне оправданным. По своему содержанию она гораздо ближе к главам, определявшим структуру лесоуправления, поскольку она регламентировала деятельность нижнего звена лесоохраны – лесной стражи.

В одиннадцатой главе, не смотря на ее название, ничего не говорилось об охране лесов от пожаров и самовольных порубок. Также, не смотря на то, что Правила были утверждены 22 апреля, а мнение Государственного совета «Об изменении узаконений, касающихся взысканий за лесные проступки и порядка производства дел по означенным нарушениям» 7 апреля того же года, в них не содержалась регламентация процедуры рассмотрения дел о лесонарушениях в административном порядке. При характеристике должностных полномочий управляющего имением в § 6 содержится лишь указание на то, что он обязан по составленным о выявленных лесонарушениях протоколам возбуждать судебные преследования и наблюдать за ходом судо-

производства. При этом ничего не говорится о праве должностных лиц на рассмотрение дел о лесонарушениях в досудебном порядке.

Последняя двенадцатая глава Правил содержала требования по ведению счетоводства и отчетности по лесному хозяйству в имениях Алтайского округа.

Таким образом, Правила 1897 г. явились первым в своем роде нормативным документом, определявшим основные направления развития лесной отрасли в Алтайском округе после проведения масштабной административно-хозяйственной реформы. Составители Правил постарались учесть практически все направления деятельности новой системы управления земельно-лесным хозяйством, что отразилось на увеличении объема этого локального нормативного акта. Однако постепенная модернизация лесного хозяйства и усложнение взаимоотношений кабинетского ведомства с местным крестьянским населением по вопросам лесопользования в начале XX в. потребовали пересмотра некоторых подходов к нормативному регулированию отрасли.

После массовых самовольных порубок в период первой русской революции 1905–1907 гг. власти всерьез задумались о модернизации лесохозяйственной системы, в том числе на региональном уровне. Одним из результатов деятельности побывавшей в Алтайском округе комиссии во главе с помощником управляющего Кабинетом генерал-майором Е.Н. Волковым стало решение о необходимости пересмотра локальных нормативных актов¹. В августе 1908 г. императором были утверждены новые «Правила по Лесной части» [9]. По сравнению с первой редакцией Правила 1908 г. содержали ряд новелл.

Общий объем Правил сократился до 120 параграфов, что привело к уменьшению количества глав с двенадцати до семи. По сравнению с предшествующим локальным нормативным актом структура Правил 1908 г. была пересмотрена, прежде всего, за счет изъятия ряда сугубо лесохозяйственных вопросов. Последние были объединены в отдельной «Инструкции по лесной части», утвержденной в сентябре 1908 г. Инструкция состояла из девяти глав и регламентировала способы эксплуатации лесов, процедуру лесоотпуска и определения таксовой стоимости лесоматериалов, составление и ведение сметной и отчетно-планирующей документации, а также порядок осуществления побочного лесопользования.

Новая, сокращенная структура Правил выглядела следующим образом:

1. Организация лесного управления (§ 1–10).
2. Лесная стража (§ 11–32).
3. Продажа леса на корне (§ 33–78).
4. Бесплатный отпуск леса (§ 79–97).
5. Билеты на заготовку и отпуск леса (§ 98–109).
6. Об охране лесов (§ 110–115).
7. О порядке производства дел по нарушению законов о лесах (§ 116–120).

Первая глава содержала более подробную по сравнению с аналогичной частью Правил 1897 г. регламентацию порядка лесоуправления с учетом опыта, накопленного за несколько лет функционирования в округе системы имений.

¹ ГААК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–5 об.

В частности, полномочия по управлению лесами Алтайского округа были переданы непосредственно начальнику округа. Тем самым была формально подтверждена его роль основного руководителя лесной отрасли, которую он исполнял фактически.

Также были уточнены полномочия нижестоящих должностных лиц, обладавших контрольно-ревизионными функциями. «Ближайшее наблюдение за всеми отраслями лесного хозяйства» было возложено на лесничих I разряда, подчинявшихся непосредственно начальнику округа и имевших в своем подчинении ревизионный район (§ 3).

Лесничие II и III разрядов по-прежнему состояли при Главном управлении округа и в отличие от лесничих I разряда осуществляли не контрольные, а практические функции в сфере лесоустройства и производства лесокультурных работ.

Система управления лесным хозяйством на местах осталась без изменений, однако были скорректированы полномочия управляющих имениями, их помощников и лесных смотрителей. Так, было закреплено право управляющих имениями составлять административные постановления о лесонарушениях в соответствии с упоминаемым выше законом от 7 апреля 1897 г.

Кроме того, был уточнен служебный статус лесных смотрителей. Они назначались в наиболее удаленные участки имений и могли выполнять функции помощников управляющих, самостоятельно управляя отдельными участками. Но чаще они выполняли роль посредников между администрацией имений и лесной стражей, осуществляя надзор за объездчиками и выполняя поручения помощников управляющих имениями. Лесные смотрители считались состоявшими на государственной службе, а по объему служебных полномочий и своему должностному статусу соответствовали лесным кондукторам, служившим в казенных лесничествах и также являвшимся промежуточным звеном между лесничими и лесной стражей.

В Правилах 1908 г. нормы, регламентировавшие деятельность лесной стражи, выделены в самостоятельную главу и помещены не в конце нормативного акта, а сразу за характеристикой организационных основ лесоуправления в Алтайском округе, что выглядит более логично. Необходимо отметить, что в новой редакции Правил вопросам функционирования лесоохранного механизма, а особенно его нижнего звена – лесной страже уделяется достаточно много внимания. Опыт революционных событий, сопровождавшихся массовыми самовольными порубками, показал, что приоритетным направлением деятельности лесной администрации должна являться охрана лесов. Несколько лет в Алтайском округе в этом направлении велась активная работа, результаты которой выразил один из представителей администрации, отметив, что «вероятность гибели лесов от порубок и пожаров, к чему до 1910 г. имелось полное основание, можно считать миновавшей»¹.

Общую численность младших и старших объездчиков утверждал управляющий Кабинетом по представлению начальника округа. Определение численности лесной стражи в каждом имении относилось к компетенции начальника округа, но управляю-

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4106. Л. 85. Об. 86.

щие именьями могли принимать на службу и увольнять объездчиков самостоятельно. Предусматривалась также возможность временного отстранения объездчика от исполнения должностных обязанностей властью помощника управляющего или лесного смотрителя, но окончательное решение об увольнении оставалось за управляющим.

В лесную стражу по общероссийскому правилу, закрепленному в «Положении о лесной страже в казенных лесах» 1869 г., принимались лица всех сословий, достигшие 21 года, по возможности грамотные, не судимые и не состоявшие в родстве со своими непосредственными и прямыми начальниками.

Младшие и старшие объездчики отличались объемом должностных полномочий и размером окладов. Младшие объездчики (аналог должности лесника в казенных лесничествах) имели в своем ведении объезд, старшие – надзор, включавший территорию нескольких объездов. Таким образом, в своей служебной деятельности младшие объездчики подчинялись старшим. Подробный перечень служебных прав и должностных обязанностей объездчиков содержался в специальном издании – «Наказе лесной страже», карманный экземпляр которого выдавался каждому стражнику и являлся обязательным атрибутом для постоянного ношения. Основное отличие в содержании служебной деятельности младших и старших объездчиков заключалось в том, что последним поручались более ответственные задания: освидетельствование заготовок, составление протоколов о лесонарушениях (если сумма ущерба не превышала 25 руб.), выдача лесоотпускных билетов и т.п.

Младшие и старшие объездчики имели одинаковые права и преимущества как лица, состоявшие на государственной службе. Они получали служебные земельные наделы для пашни и покосов (15 десятин), казенное жилье (кордоны), дрова для отопления, огнестрельное оружие, обмундирование и специальные должностные знаки. При этом должны были за свой счет содержать лошадь, поскольку эффективное несение службы, учитывая значительные площади вверенных лесной страже территорий, было возможно только верхом.

Объездчики в основной своей массе являлись выходцами из крестьянской среды и не теряли связи с ней после устройства на службу, продолжая активно заниматься сельскохозяйственным трудом. В связи с этим им предоставлялось право бесплатно пасти скот в пределах своих поднадзорных участков, содержать пасеки, возделывать пашенные и приусадебные участки.

Третья глава Правил, относившаяся к коммерческой стороне функционирования лесохозяйственного механизма, регламентировала порядок продажи древесины на корню для проведения его заготовки силами покупателя. Эта глава традиционно была самой объемной и включала в себя 45 параграфов.

В четвертой главе содержались нормы, определявшие порядок бесплатного снабжения древесиной из кабинетских лесных дач местного крестьянского и иногородского населения. Также предусматривался бесплатный отпуск древесины для так называемых общественных надобностей: на нужды церквей, школ, для починки и исправления дорог, мостов и проч.

Отдельно оговаривалось, что практика бесплатного лесоотпуска применяется до окончания поземельного устройства крестьян (§ 79). В Правилах появилась новая

норма о том, что при наличии у селений лесных участков, входивших в границы их землепользования, снабжение древесиной должно было осуществляться из них. Только при подтвержденном представителем лесной администрации недостатке собственных лесоматериалов крестьянское общество могло рассчитывать на получение древесины из кабинетских дач. Однако подобное разрешение мог дать лишь управляющий Кабинетом, находившийся в Санкт-Петербурге. Процедура бесплатного получения древесины крестьянскими обществами из кабинетских лесных дач была еще более регламентирована.

Порядок составления и выдачи лесоотпускных билетов определялся в пятой главе. Форма билета была несколько видоизменена, но он по-прежнему состоял из трех частей, одна из которых оставалась у должностного лица, выдавшего билет (помощник управляющего имением, лесной смотритель или старший объездчик, в зависимости от стоимости древесины), вторая выдавалась на руки лесозаготовителю, а третья представляла собой приказ объездчику, в котором содержалась информация о том, где и в каком количестве можно осуществить рубку. Бланки лесоотпускных билетов являлись документами строгой отчетности и хранились в имении под личной ответственностью управляющего.

Шестая глава, посвященная охране лесов, по сравнению с предыдущей редакцией Правил стала существенно меньше, прежде всего, за счет исключения из нее всех норм, определявших организацию деятельности лесной стражи.

В седьмой главе содержалась важнейшая новелла, связанная с регламентацией пределов должностных полномочий представителей лесной администрации при рассмотрении дел о лесонарушениях в досудебном порядке. Поскольку закон от 7 апреля 1897 г. был распространен повсеместно, в том числе на казенные и кабинетские леса Западной Сибири, представители лесной администрации получили право вместо судебно-полицейского разбирательства на основе протокола в течение семи дней составлять административное постановление о наложении денежного взыскания на обвиняемого по ст. ст. 155, 156 и 158¹⁻⁵ Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (самовольная порубка и приравненные к ней лесонарушения) [10].

Первоначально полномочия помощников управляющих имениями Алтайского округа в этой сфере были тождественны полномочиям казенных лесничих, а управляющих имениями – управляющих государственными имуществами в губернии или области. Это означало, что администрация имений могла рассматривать дела с суммой ущерба более 5 руб. Эта норма получила закрепление в § 54 «Правил по ведению судебных дел в Алтайском округе» 1900 г. [11, с. 42]. Однако Томский окружной суд вынес определение, в котором не считал возможным уравнивать компетенцию казенной и кабинетской лесной администрации. За управляющими имениями Алтайского округа было оставлено право рассматривать в административном порядке дела о лесонарушениях с суммой ущерба не более 5 руб. Судебное решение не стали оспаривать. Юрисконсульт Кабинета посчитал, что необходимости в расширении прав лесной администрации Алтайского округа не было, поскольку управляющие имениями могли получать от Управления предписания на ведение дел по лесонарушениям, ущерб по

которым превышал 5 руб.¹ Окончательное разграничение произошло после принятия Правил 1908 г. В соответствии с § 117 начальник Алтайского округа был уравнен в правах с начальниками губернских (областных) управлений земледелия и государственных имуществ, а управляющие имениями с казенными лесничими.

Проведенная в Алтайском округе в 1911 г. последняя крупная административно-хозяйственная реформа дореволюционного периода потребовала пересмотра действовавших Правил, новая редакция которых была утверждена в июне 1911 г. [12]. В ней получило нормативное закрепление основное нововведение – замена имений на лесничества, что являлось частью процесса модернизации лесного хозяйства Алтайского округа. Структура Правил подверглась очередному пересмотру и сокращению. Третья редакция являлась самой короткой и содержала всего 74 параграфа, объединенных в восемь глав:

1. Местное управление лесами Алтайского округа (§ 1–14).
2. Лесная стража (§ 15–25).
3. Расходование леса (§ 26–55).
4. Билеты на заготовку и отпуск леса (§ 56–60).
5. Сплав леса (§ 61–62).
6. Побочные в лесах пользования (§ 63–64).
7. Об охране лесов (§ 65–69).
8. О порядке производства дел по нарушениям законов о лесах (§ 70–74).

Для «развития и разъяснения» текста Правил предусматривалось издание «Инструкции по лесной части», в которой более подробно рассматривались именно лесохозяйственные аспекты (§ 74). Кроме того, в 1911 г., еще до утверждения новой редакции Правил, в округе начали действовать несколько нормативных актов, регулировавших различные аспекты функционирования лесной стражи, в результате чего отпала необходимость повторно регламентировать эти вопросы. Речь идет, в частности, об «Инструкции по комплектованию, обучению и регистрации лесной стражи Алтайского округа ведомства Кабинета его императорского величества, вооружению и довольствию ее, а также установлению за ней надзора» и «Правилах постройки домов лесной стражи (кордонов) в Алтайском округе ведомства Кабинета его императорского величества». Также необходимо отметить, что сокращению объема Правил способствовало более широкое использование в тексте ссылок на соответствующие статьи Лесного устава 1905 г. Последнее обстоятельство свидетельствует о продолжавшемся процессе сближения кабинетской и казенной лесохозяйственных систем.

Первая глава была традиционно посвящена организации управления лесами Алтайского округа. Начальник округа по-прежнему являлся центральной фигурой системы лесоуправления, однако в Правилах 1911 г. впервые говорится о заведующем Лесной частью Главного управления Алтайского округа – чиновнике, осуществлявшем «ближайшее наблюдение за всеми отраслями лесного хозяйства». Усложнение правоотношений в лесохозяйственной сфере привело к необходимости делегировать

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 24. Д. 258. Л. 40. об. 41.

часть полномочий начальника округа уполномоченным должностным лицам и структурным подразделениям.

Как мы уже отмечали, важнейшей новеллой Правил 1911 г. стало закрепление новой административно-хозяйственной системы в лице лесничеств (47, с 1914 г. – 57), заменивших имения. Это была классическая схема организации лесного хозяйства, существовавшая в государственных лесах европейской части страны с 1826 г., а в Западной Сибири с 80-х гг. XIX в.

В результате реформы 1911 г. в Алтайском округе появилась новая система лесоуправления: начальник округа – заведующий лесной частью – старшие лесничие – лесничие – помощники лесничих. Старшие лесничие должны были осуществлять контрольно-надзорные функции за деятельностью лесничих, имея в своем ведении район, объединявший несколько лесничеств, схожих в хозяйственном отношении.

Основным звеном системы лесоуправления становились лесничие, перечень их должностных обязанностей был довольно обширным и охватывал все стороны лесохозяйственной деятельности (§ 5). Так, к их обязанностям относилось ведение лесного хозяйства в соответствии с требованиями правил и инструкций, проведение лесоустройства, повышение доходности хозяйственной деятельности, составление лесохозяйственных планов и смет, надзор за деятельностью лесной стражи, подготовка отчетов и заключений, преследование лесонарушений и т.д.

Предусматривалось наличие должностей помощников лесничих, штатная численность которых устанавливалась начальником округа в зависимости от площади лесничества и интенсивности его деятельности, а также должностей вольнонаемных письмоводителей, которые должны были освободить лесничих от каждодневной канцелярской работы. Правила не содержали конкретный перечень должностных обязанностей помощников лесничих, ограничиваясь указанием на то, что они были «обязаны исполнять все поручения лесничего и... поверять на местах действия стражи, принимать все зависящие меры по охране имущества» (§ 9).

На письмоводителей возлагались обязанности по ведению всей «бумажной» работы в лесничестве: делопроизводство, счетоводство и отчетность, а также выдача лесоотпускных билетов в случае отсутствия лесничего. После принятия Правил 1911 г. лесничие отмечали значительное сокращение объемов канцелярской работы и получение большей самостоятельности в решении текущих вопросов, что позволило им «часто быть в лесу» и поставить охрану лесов «под усиленный надзор»¹.

Вторая глава Правил регламентировала деятельность лесной стражи, но только в общих чертах. В десяти параграфах главы содержалась информация о приеме на службу и ее прохождении чинами лесной стражи. Более подробная регламентация содержалась в упомянутых выше инструкциях и правилах, а также в разработанном комиссией, состоявшей из старших лесничих В.А. Андреева, Н.А. Будберга и А.К. Голимонта, «Наказе лесной страже Алтайского округа», утвержденного в марте 1912 г.

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4193. Л. 12.

Безусловной новеллой Правил 1911 г. являлось объединение всех норм, касавшихся различных способов реализации древесины из кабинетских лесных дач, в одну главу (третью) с общим названием «Расходование леса».

Четвертая глава по своему названию и содержанию полностью соответствовала пятой главе Правил 1908 г. и содержала требования по выдаче и оформлению лесоотпускных билетов. Новеллой являлась норма о том, что для отпуска валежного и горелого леса применялась упрощенная форма лесоотпускного билета (§ 58 прим).

Пятая глава, состоявшая всего из двух параграфов, появилась в структуре Правил впервые, что, видимо, было вызвано необходимостью урегулировать порядок сплава лесоматериалов. При этом самостоятельного значения нормы, содержащиеся в главе, не имели, поскольку представляли собой отсылку к соответствующим статьям Лесного устава.

Из двух параграфов состояла и шестая глава, устанавливавшая, что все виды побочного лесопользования (охота, рыбная ловля, сбор плодов, грибов и ягод, сенокосение, пастьба скота, собирание мха, добыча камня, песка и глины) допускались лишь при наличии специальных билетов и уплаты соответствующих пошлин. Появление этой главы в Правилах обусловлено, на наш взгляд, завершившимся процессом землеустройства и разделением кабинетских и крестьянских земельных и лесных наделов. Окружная администрация стремилась оградить собственные лесные дачи от всякого рода несанкционированного пользования, предлагая крестьянам пользоваться дарами леса из собственных наделов или брать их из кабинетских дач, но на платной основе.

Вопросам охраны лесов была посвящена седьмая глава, содержание которой без существенных изменений перешло из Правил предыдущей редакции. Некоторые нормы подверглись чисто технической правке, подразумевавшей замену наименований должностей управляющих имениями и их помощников на лесничих и их помощников. Глава практически полностью была посвящена только одному из направлений лесоохранной деятельности – охране лесов от пожаров. Указывалось, что «местный и ближайший надзор за исполнением правил о предосторожностях от лесных пожаров» являлся обязанностью лесной стражи, при этом подробный перечень обязанностей объездчиков по охране лесов от пожаров содержался в шестой главе «Наказа лесной страже Алтайского округа» 1912 г.

Тушение лесных пожаров в Алтайском округе осуществлялось на общероссийских правилах, закрепленных в Лесном уставе. Основную роль в борьбе с лесными пожарами должны были играть местные крестьяне, призываемые в случае обнаружения пожара из соседних сел и деревень. С начала XX в. в Алтайском округе труд крестьян, прибывавших с расстояния 15 верст и более, оплачивался по специальным «пожарным» таксам, принимаемым губернским управлением [13, с. 361–363]. Порядок расчета с работниками, участвовавшими в тушении пожаров, также определялся нормами Лесного устава, на которые в Правилах содержалась соответствующая ссылка.

В последнем параграфе седьмой главы содержалась норма о запрете пасти скот, косить сено и повреждать молодые деревья в местах, где осуществляется лесоразве-

дение (§ 69). Появление этой нормы напрямую связано с увеличением объемов лесокультурных и лесовосстановительных работ в Алтайском округе во втором десятилетии XX в.

Последняя восьмая глава Правил регламентировала порядок преследования лесонарушений в административном порядке. Изменения по сравнению с предыдущей редакцией носили чисто технический характер и заключались в замене старых наименований должностей новыми. У начальника округа по-прежнему объем полномочий при рассмотрении дел о лесонарушениях в административном порядке соответствовал объему полномочий начальника управления земледелия и государственных имуществ, а алтайские лесничие были уравнены в правах с лесничими казенных лесничеств.

Последняя редакция «Правил по лесной части» действовала в Алтайском округе вплоть до февральской революции 1917 г. В ходе своей последней служебной командировки в Алтайский округ осенью 1916 г. управляющий Кабинетом Е.Н. Волков поднял вопрос о предполагаемом пересмотре Правил, что обосновывалось возможным изменением общероссийского лесного законодательства. К этому времени на рассмотрении Государственной думы находился проект нового Лесного устава, внесенный туда еще в 1913 г. В случае одобрения Думой проекта нового устава потребовалось бы приведение в соответствие с ним локальных нормативных актов, регламентировавших ведение лесного хозяйства Алтайского округа. Однако принятию нового устава помешали сначала Первая мировая война, а затем февральская революция 1917 г.

После ликвидации в России монархии весной 1917 г. управление Алтайским округом было изъято из ведения Кабинета. Лесные ресурсы округа оказались в распоряжении Лесного департамента Министерства земледелия. Это означало, что правовая обособленность Алтайского округа прекратилась, а леса, произраставшие в его границах, приобрели статус казенных. Необходимость в существовании ведомственных «Правил по лесной части» отпала, а все правовые отношения в сфере лесного хозяйства с этого момента должны были регулироваться нормами сохранившего юридическую силу Лесного устава 1905 г. и иных нормативных актов, издававшихся по казенному лесному ведомству.

Таким образом, наличие специализированных «Правил по лесной части» обуславливалось особой ролью, которую играли лесные ресурсы в хозяйственном механизме Алтайского округа в конце XIX – начале XX в. Лесные уставы не содержали статей, посвященных регулированию отношений в сфере лесного хозяйства Алтайского округа. Для преодоления состояния правовой неурегулированности, а также стремясь организовать лесное хозяйство на особых основаниях, кабинетская администрация инициировала принятие ведомственных локальных нормативных актов, в которых отражалась специфика региона.

Структура и содержание Правил на протяжении рассматриваемого периода менялись, что являлось отражением процесса поиска оптимальной модели функционирования лесной отрасли в Алтайском округе. Будучи основой системы нормативного регулирования, «Правила по лесной части» внесли существенный вклад в формирование самостоятельной лесной отрасли Алтайского округа и способствовали ее динамичному развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шелгунов Н.В. История русского лесного законодательства. – СПб.: Типография Министерства государственных имуществ, 1857. – 378 с.
2. Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства. – СПб.: Типография Министерства финансов, 1830.
3. Вереха П., Рудзкий А. Литература русского лесоводства. Систематический указатель отдельных книг, изданных на русском языке до 1878 г. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1878. – 216 с.
4. Лесной устав 1876 г., дополненный вновь вышедшими по 1 марта 1880 г. узаконениями, решениями кассационных департаментов Сената / сост. Д. Шилов. – СПб., 1880.
5. Устав Лесной изд. 1893 г. с высочайше утвержденными мнениями Государственного совета и решениями правительствующего Сената / сост. М.А. Цейль. Изд. 2-е. – СПб., 1898.
6. Лесной устав 1905 г. // Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями и с дополнительными узаконениями по 1 сентября 1910 г. Т. 8. Ч. 1. – СПб., 1911.
7. Правила по лесной части в Алтайском округе 1897 г. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. – 101 с.
8. Тяпкин М.О. Льготные отпуска древесины населению как элемент системы охраны лесов юга Западной Сибири в первой четверти XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 411. – С. 165–170.
9. Правила по лесной части Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В. 1908 г. // Правила и инструкция по лесной части Алтайского округа. – Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1908. – С. 1–36.
10. Об изменении узаконений, касающихся взысканий за лесные проступки и порядка производства дел по означенным нарушениям. Высочайше утвержденное 7 апреля 1897 г. мнение Государственного совета // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 17. № 13935. – СПб., 1900. – С. 157–160.
11. Правила по ведению судебных дел в Алтайском округе ведомства Кабинета Е.И.В. – Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1900. – 115 с.
12. Правила по лесной части Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В. 1911 г. // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Е.И.В. Т. 1. – Барнаул: Типо-Литография управления Алтайского округа, 1913. – С. 427–437.
13. Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. – 496 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Shelgunov N.V. History of Russian forest legislation. – St. Petersburg, 1857.-378 p.
2. The instruction on the management of the forest part in the mining plants of the Uralsky ridge according to the rules of forest science and good economy. – St. Petersburg, 1830.
3. Vereha P., Rudzky A. Russian Forestry Literature. Systematic index of individual books published in Russian before 1878 – St. Petersburg, 1878.-261 p.
4. Forest charter of 1876, supplemented by legalizations newly issued on March 1, 1880, decisions of the cassation departments of the Senate. Comp. D. Shilov. – St. Petersburg, 1880.
5. Charter Forest ed. 1893 with the highest approved opinions of the Council of State and the decisions of the governing Senate. Comp. M.A. Zeil. Ed. 2nd. – St. Petersburg, 1898.
6. Forestry charter of 1905 // Code of laws of the Russian Empire. All 16 volumes with all related extensions and with additional legalization on September 1, 1910 T. 8. Part 1. – SPb., 1911.
7. Rules under the forestry of Altai region, 1897. – St. Petersburg, 1897.-101 p.
8. Тыапкин М.О. Preferential releases of wood to the population as part of the system of forest protection in the South of Western Siberia in the first quarter of the twentieth century // Bulletin of Tomsk State University. – 2016. – No. 411. – P. 165–170.
9. Rules under the forestry of Altai region, 1908 // Rules and instructions for the forest part of the Altai region. – Barnaul, 1908. PP. 1–36.
10. Amendment of legalizations concerning penalties for forest misconduct and the procedure for the execution of cases for the indicated violations. The opinion of the Council of State, approved on April 7, 1897, is complete // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Sobr. 3. T. 17. No. 13935. – SPb., 1900.-P. 157–160.
11. Rules for the conduct of legal cases in the Altai region. – Barnaul, 1900.-115 p.
12. Rules under the forestry of Altai region, 1911 // A collection of rules, orders and circulars in the Altai region. T. 1. – Barnaul, 1913. P. 427–437.
13. Тыапкин М.О. State forest conservation policy in Western Siberia in the 18th – early 20th centuries : monograph. – Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – 496 p.

УДК 341.213.4

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10029

Цыреторов Алексей Иванович
доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: Alex.tsi@mail.ru

Tsyretorov Alexey Ivanovich
associate professor of Department of Criminal
Procedure of the East Siberian Institute of the
Ministry of Internal affairs of the Russia
Candidate of Law Sciences
E-mail: Alex.tsi@mail.ru

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ АССР В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: 1917–1937 ГОД

Введение: отечественный федерализм с момента своего возникновения претерпел ряд содержательных изменений, которые, к сожалению, не всегда носили эволюционный характер. Некоторые нерешенные проблемы и несовершенства отечественного федерализма имеют свои истоки еще на этапе его становления. Необходимость обращения к истории становления федерализма в нашей стране обусловлена тем, что его анализ может дать ключ к решению указанных проблем и способствовать нахождению наиболее оптимальной модели. В статье исследуется история становления федерализма в СССР на примере Бурят-Монгольской АССР в ранний период (с 1917 по 1937 г.).

Материалы и методы: решение исследовательских задач было достигнуто посредством всестороннего анализа действовавшего на тот момент законодательства, в котором были закреплены основы советского федерализма, а также теоретических разработок советских правоведов первой половины XX в. Методология работы включает применение как общенаучных методов (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание), так и специальных методов юридической науки, в том числе историко-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования: проведенное исследование наглядно показывает как формы управления на местах проводились к структурному единообразию, сводились в единую систему и создавались механизмы взаимодействия между центром и регионами.

Выводы и заключения: автор приходит к заключению, что возникшее у центральной власти дискреционное полномочие по рассмотрению всех вопросов, которые она признает подлежащими разрешению, ознаменовало переход от собственно федеративных к «призрачным» федеративным (или федеративным в советской интерпретации) отношениям. Вместе с тем, по мнению автора, эти «призрачные» федеративные отношения способствовали поступательному развитию ряда наций, ранее не имевших своей государственности и получивших некое ее подобие, в рамках которой они могли решать вопросы развития своей культуры.

Ключевые слова: федерация, федеративные отношения, советский федерализм, автономия, федерализация.

BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE SYSTEM OF FEDERAL RELATIONS: 1917–1937

Introduction: domestic federalism has undergone a number of substantial changes since its inception, which, unfortunately, were not always evolutionary in nature. Some unresolved problems and imperfections of domestic federalism have their origins in the stage of its formation. The need to appeal to the history of the formation of federalism in our country is due to the fact that its analysis can provide a key to solving these problems and help to find the most optimal model of federalism. The article explores the history of the formation of federalism in the USSR by the example of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the early period (from 1917 to 1937).

Materials and methods: the achievement of research objectives was achieved through a comprehensive analysis of the legislation in force at that time in which the foundations of Soviet federalism were fixed, as well as the theoretical developments of Soviet jurists of the 1st half of the 20th century. The methodology of the work includes the application of both general scientific methods (analysis, observation, generalization, comparison, description) and special methods of legal science, including historical-legal and formal-legal.

Results of the study: the study clearly shows how the local forms of governance were brought to structural uniformity, brought together into a single system and the creation of mechanisms of interaction between the center and the regions.

Findings and conclusions: the author concludes that the adoption of the Constitution of the RSFSR in 1925 marked the transition from actually federal to “phantom” federal (or federated in the Soviet interpretation) relations. At the same time, according to the author, these “ghostly” federal relations contributed to the progressive development of a number of nations that did not previously have their own statehood and received a certain similarity within which they could solve the problems of developing their culture.

Key words: federation, federal relations, Soviet federalism, autonomy, federalization.

Февральская революция оживила национальное движение, в бурятской среде стали высказываться предложения об учреждении автономных органов самоуправления. Первый общенациональный съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии, состоявшийся в Чите 23–25 апреля 1917 г., избрал Центральную Бурятскую национальную думу (далее – ЦБНД). «Одним из главных решений Центральной Бурятской национальной думы стало постановление о создании бурятской автономии по схеме сомон – хошун – аймак – Бурятский национальный комитет» [8, с. 417]. Эта структура отдаленно напоминала иерархическую лестницу бурятского общественного управления в XVIII в.: улус, или хотон с засулом во главе – союз улусов, или хотонов – холбон, или табин с шуленгой во главе – союз холбонов, или табинов – «поколение» с зайсаном (тайшей) во главе и включала в себя только бурятское население [4, с. 101]. Отметим, что «частая смена власти, политических курсов и лозунгов негативно влияли на практическую работу по формированию бурятской автономии. Родовые верхи, духовенство и национальная интеллигенция в лице Бурнацкома в своей деятельности исходили из общественно-политической обстановки и проводили противоречивую политику и впоследствии Бурнацком объединился с бурятским отделом правительства Забайкальской области и был переименован в Народную думу бурят Восточной Сибири» [8, с. 38].

В ходе Октябрьской революции 25 октября 1917 г. Постановлением II Всероссийского съезда Советов была провозглашена Российская Советская Республика. Второго ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров – высшим исполнительным органом Советской России была принята Декларация прав народов России¹, которая заложила следующие начала: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Третьего января 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа², объявившую Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и вверившую им власть на местах. Советская Республика учреждалась на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик. В документе отмечалось, что, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, 3-й съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советской России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном Правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях. Хотя формулировки, содержа-

¹ Декларация прав народов России от 1 ноября 1917 г. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/dieklaratsiia-prav-narodov-rossii> (дата обращения 01.04.2020).

² Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 3 (16) января 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm> (дата обращения 01.04.2020).

щиеся в данном документе, носили крайне общий, в какой-то мере декларативный характер, по своей сути он инициировал образование федеративного государства. Применение термина «инициировал» означает, что, хотя федерация этим документом не создавалась, поскольку решение вопроса о вхождении в союз оставлялось на усмотрение местных Советов, но был дан импульс для федерализации.

К тому времени формы управления на местах, как указывает М.А. Рейснер, выростали стихийно, в чем он увидел «основу одной чрезвычайно-своеобразной черты советского строя, а именно, начала союзности или федератизма» [18, с. 310]. Приведение их к структурному единообразию, сведение в единую систему и создание механизмов взаимодействия, соответствующих общественно-политическим реалиям нового государства, требовало принятия Основного закона. В качестве одной из попыток выстраивания отношений между центром и местными Советами, предшествовавшей принятию Основного закона, можно назвать резолюцию III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской Республики». Данным актом ВСС установил, что способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве, областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской Республики, определяется немедленно, по образованию областных советских республик ВЦИКом и ЦИК этих республик. Также центральная власть брала на себя роль арбитра в конфликтах между низшими Советами.

Десятого июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов как высший орган советской власти, принял Конституцию РСФСР – первый Основной закон в истории российской государственности, закрепивший принципы организации власти, форму правления, территориальное устройство государства и др.¹ М.А. Рейснер по этому поводу писал: «Советы от начала своего существования пережили своеобразную диалектику. Они начали со слабо развитой республики Советов, где единственным объединяющим цементом была пролетарская диктатура. Во время военного коммунизма они перешли к хозяйственной, технической и административной централизации, переместившей все решающие силы рабочей демократии с мест в правительственный центр» [18, с. 314].

В данный документ была включена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Вся власть в стране вверялась рабочему населению страны, объединенному в Советы. Статья 11 закрепляла право Советов областей с особым национальным составом и бытом объединяться в автономные областные союзы. ВЦИК определялся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом и на него возлагалось общее направление деятельности всех органов советской власти в стране, объединение и согласование законодательной и управленческой деятельности, наблюдение за «проведением в жизнь Советской конституции, постановлений Всероссийских съездов Советов и центральных органов власти».

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: постановление V Всероссийского съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 г. Петроград: Издание Петроградского Совета рабочих и красн. депутатов, 1918. 16 с.

В Конституции были закреплены пределы ведения центральных органов (федерации) и местных советов. Так, компетенция СНК – правительства РСФСР определялась в 8-й главе, предметы ведения Всероссийского съезда Советов и ВЦИК (глава 9) включали все вопросы общегосударственного значения (утверждение бюджета, установление общегосударственных налогов, установление основ организации вооруженных сил, международные отношения, судоустройство и судопроизводство и др.), предметы ведения органов советской власти на местах (глава 12) были закреплены достаточно общими фразами: «разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное значение», хотя и имелись четко установленные полномочия («устанавливать обложение налогами и сборами исключительно на нужды местного хозяйства», «предоставлять права российского гражданства»). Бросается в глаза тот факт, что к предмету ведения центральных органов фактически мог быть отнесен любой вопрос, поскольку в ст. 50 Конституции было закреплено дискреционное полномочие ВСС и ВЦИК по рассмотрению всех вопросов, которые они признают подлежащими их разрешению. Безусловно, дискреционность позволяет правоприменителю осуществлять управленческие воздействия дифференцировано, т. е. учитывая различия и особенности конкретных дел, действовать соразмерно сложившейся обстановке. Тем не менее, наличие этого механизма по сути делало установленное разграничение компетенции между центром и местами в какой-то мере условным.

Автономию начального периода Советов Рейснер характеризует так: «...областные учреждения продолжают издавать свои законы и декреты, нередко противоречащие декретам центральной власти. Только в результате долгой и упорной борьбы удалось центральной власти Советов ввести в рамки первоначальную независимость советских организаций» [18, с. 371]. Одним из ярких примеров того как центр боролся с экстремизмом на местах, можно назвать постановление Совета рабоче-крестьянской обороны (далее – СРКО) от 12 декабря 1918 г. «О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты»¹. В этом документе чрезвычайного военно-хозяйственного органа отмечалась необходимость сплочения советских сил, строжайшая централизация действий, для достижения чего СРКО постановил отменить постановления и распоряжения местных Советских учреждений, которые тормозят деятельность центральной власти в деле продвижения продуктов и людей, стесняют центральную власть в распоряжении общенародной собственностью, и местным Советам вменялось в обязанность исполнять постановления и распоряжения центральной власти «точно и беспрекословно» под страхом привлечения в ответственности «по всей строгости революционных законов».

В целом же, характеризуя ситуацию на постимперском пространстве, можно отметить наличие двух противоположных тенденций – сепаратистской, которая проявилась в провозглашении независимых государств (Финляндия, Польша, Прибалтийские республики) и централистско-федералистской, заключавшейся в стремлении к объединению на различных основаниях. Федеративные отношения на постимперском пространстве строились по двум основным путям: вступление в договорные от-

¹ Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. № 272. 12 дек.

ношения с Советской Россией. При этом условия, содержащиеся в договорах, различались. По этому пути пошли Белоруссия, Грузия, Армения, Украина. В состав исполнительных органов этих республик были включены особые уполномоченные лица. Второй путь предполагал предоставление центральной властью национально обособленным территориям автономии – Башкирской СР, Татарской ССР, Киргизской СР, Туркестанской республике, автономной области Калмыцкого народа и др. Некоторые из этих образований получили статус автономных областей, некоторые стали союзными республиками. Границы этих образований и степень их самостоятельности определялись центральной властью, а высшие исполнительные органы (комиссариа-ты) функционировали по принципу двойного подчинения.

Необходимо отметить, что среди советских правоведов встречалась следующая градация: «в практике национального советского строительства были созданы различные виды федерации. Мы имеем такие основные национальные государственные образования, как автономные области (Карачаевская, Калмыцкая, Мордовская и т.д., всего – 17), автономные республики (Чувашия, Казахстан, Карелия и т.д., всего – 16.), закавказские договорные республики (Грузия, Армения, Азербайджан) и наконец союзные республики (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, УзбССР, ТуркССР, ТаджССР)» [1, с. 16]. В качестве оснований для градации Г.С. Гурвич рассматривал: «революционные возможности той или иной нации, в зависимости от удельного веса ее трудящихся и от объективных материальных ресурсов национальной местности» [6, с. 31–32]. Рассуждая о различиях между ними, автор приходит к выводу, что автономная республика менее нуждается в поддержке, помощи и руководстве центра чем автономная область, ее культурные достижения выше, ее трудящиеся массы сознательнее. Автор задается вопросом: означает ли это «больше автономии», т. е. больше свободы? Нет, ибо национального гнета не существует ни для области, ни для республики, – пишет Г.С. Гурвич. Близка к его мнению позиция В.Г. Филимонова, который указывает на то, что «различие форм автономии, различие форм национальной государственности объясняется тем, что каждая из форм государственности соответствует определенной ступени развития национальности, положению этой национальности в многонациональном государстве» [20, с. 9–10].

Особый путь включения в РСФСР был у Дальневосточной народной республики (ДВР), которая была «по духу Советской республикой, хотя и без Советов» [18, с. 380]. Образование ДВР было провозглашено в Верхнеудинске 6 апреля 1920 г., фактически оно выполняло роль «буферного» государства было подконтрольно Москве, от которой получало разноплановую помощь. «Съезд, состоявшийся в Верхнеудинске с 23 мая по 3 июня 1920 г., вынес решение о желательности объединения в одну автономную единицу как восточных, так и западных бурят, что, однако, было неосуществимо пока территория Бурятии была разделена между РСФСР и ДВР» [10, с. 142]. С.Б. Раднаева указывает, что основным закон Дальневосточной республики учел права бурят, выделив их в самостоятельную Бурят-Монгольскую автономную область, состоящую из 4 аймаков – разрозненных участков компактного проживания бурят, часто расположенных чересполосно с землями русского населения [17, с. 13, 17]. Наряду с этим в январе 1922 г. на территориях, входящих в РСФСР, была образована авто-

номная Монголо-Бурятская область в составе четырех аймаков. Таким образом, на территории компактного проживания бурят существовало две автономии. При этом в литературе отмечается, что «правовое положение Бурят-Монгольской автономной области в составе ДВР было намного определеннее. В отличие от Конституции РСФСР, в которой не закреплялось даже понятие «Бурят-Монгольская область», Конституция ДВР регламентировала автономию бурятского народа. Основные положения государственной автономии вошли в Конституцию ДВР» [15, с. 22–23].

С окончанием гражданской войны на Дальнем Востоке необходимость существования «буферного» государства отпала и решением ВЦИК от 15 ноября 1922 г. ДВР была включена в состав РСФСР, что сделало возможным объединение бурят в одном территориальном образовании. В качестве одной из причин образования Бурят-Монгольской автономной республики называют «наличие у бурят своеобразного хозяйственного уклада и национальных особенностей, требовавших создания таких условий, которые обеспечивали бы возможно более точный учет всех этих особенностей и успешное применение на практике соответствующих методов работы для ликвидации существующего национального неравенства в области хозяйства и культуры» [10, с. 182].

Впоследствии, «по инициативе товарища Сталина, в 1923 г. 30 мая Президиум ВЦИК выносит постановление: объединить в одну Бурят-Монгольскую социалистическую республику автономные области бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока с центром в Верхнеудинске. В июле 1923 г. была получена историческая телеграмма товарища Сталина об объединении двух автономных областей, о присоединении к ним Прибайкальской губернии и о переходе всей полноты власти на территории Республики с 1 августа 1923 г. к Бурят-Монгольскому Революционному комитету»¹. Административным центром республики стал Верхнеудинск, высшая власть осуществлялась республиканским съездом Советов, избравшим Бурят-Монгольский ЦИК, который в свою очередь, назначал исполнительный орган – Совет народных комиссаров. В то же время в литературе отмечается, что «за границами Буреспублики, но в пределах РСФСР остались значительные группы нижнеудинских, ашехабатских (к западу от Оки), улейских и молькинских (по Ангаре), зунгаро-быкотских и унгинских, китойских, верхоленских и хоринских бурят» [12, с. 17]. Тем не менее указанное решение привело к консолидации большей части бурятского народа. «Окончательное свое оформление республика получила в октябре 1923 г., когда была закончена работа Комиссии ВЦИК по установлению границ и размежеванию между Иркутской и Забайкальской губерниями»².

Бурят-Монгольская социалистическая республика включила в себя девять аймаков – уездов, в свою очередь «состоявших из 55 хошунов³ – волостей, и в таком ви-

¹ 15 лет Бурят-Монгольской АССР: политико-экономический сборник, посвященный празднованию 15-летнего юбилея БМАССР. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1938. С. 63.

² Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика: очерки и отчеты. 1923–1924: сборник. Верхнеудинск: Госплан БМАССР, 1925. С. 50.

³ В «История Бурятии: (В 3 т. Т. 3. XX–XI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. на с. 64 содержится иная цифра – 62 хошуна).

де существовала до 1927 г. Впоследствии республика была разделена на 16 аймаков – районов, которые непосредственно составлялись из 374 сомонов – сельских обществ. Из числа сомонов было 140 чисто бурятских, 159 чисто русских, 1 украинский, 16 тунгусских и 68 смешанных» [13, с. 59]. 12 сентября 1923 г. ВЦИК утвердил «Положение о государственном устройстве Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики»¹, которое выступило в качестве конституирующего акта новой автономии и регламентировало деятельность органов власти вплоть до принятия Конституции Бурят-Монгольской АССР в 1937 г. Данный документ определял БМАССР в качестве федеративной части РСФСР и установил ее административный центр – город Верхнеудинск. Были признаны в качестве равноправных на территории БМАССР бурятский и русский языки. Подобный подход к решению вопроса не был чем-то экстраординарным, например, подобным же образом решался вопрос о государственном устройстве Каракалпакской АССР² и Киргизской АССР.³

Государственный аппарат БМАССР был представлен местными Советами, их съездами и исполкомами, Советом народных комиссаров. Для осуществления управления в различных отраслях народного хозяйства были учреждены народные комиссариаты. Часть из них: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия были самостоятельны в своих действиях и несли ответственность как перед ЦИК и Совнаркомом, так и перед ВЦИК. Другая часть отраслевых исполнительных органов: труда, финансов, совет народного хозяйства, рабоче-крестьянская инспекция – находились в непосредственном подчинении одноименных народных комиссариатов РСФСР, являясь по сути их территориальными органами. Бурят-Монгольский военный комиссариат был подчинен окружному военному комиссариату.

Очередной этап развития советского государства ознаменовался принятием Конституции РСФСР 1925 г.⁴ Принятие этого документа было обусловлено необходимостью отразить образование нового государства – Союза Советских Социалистических Республик. В статье 13 была закреплена интересная норма: «РСФСР, исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности... признает право за отдельными национальностями на выделение, по решению их съездов советов, с утверждения верховных органов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в автономные советские социалистические

¹ Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918–1937 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1940. С. 25.

² Об утверждении Положения о государственном устройстве Каракалпакской автономной советской социалистической республики: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 11 мая 1932 г.» // СПС ГАРАНТ (дата обращения 01.04.2020).

³ Об утверждении Положения о государственном устройстве Автономной Киргизской советской социалистической республики: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 марта 1927 г. // СПС ГАРАНТ (дата обращения 01.04.2020).

⁴ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // СПС ГАРАНТ (дата обращения 01.04.2020).

республики и области», которая допускала образование новых автономий на территории РСФСР.

В новой Конституции более подробно раскрывалась компетенция центральных органов. Так, к исключительному ведению Всероссийского съезда Советов было отнесено: установление, дополнение и изменение основных начал Конституции (Основного закона) РСФСР и окончательное утверждение частичных изменений в Конституции РСФСР, принятых сессиями ВЦИК в период между Всероссийскими съездами Советов; окончательное утверждение конституций автономных советских социалистических республик. К ведению ВСС и ВЦИК относилось: общее руководство всей политикой и народным хозяйством РСФСР; установление границ автономных советских социалистических республик, входящих в состав РСФСР, утверждение конституций их, а также разрешение споров между автономными советскими социалистическими республиками и между ними и другими частями Федерации; общее административное разделение территории РСФСР и утверждение краевых и областных объединений; отмена постановлений съездов советов автономных советских социалистических республик и автономных областей, а также других местных съездов советов, нарушающих Конституцию или постановления верховных органов РСФСР.

Глава 4 Конституции была посвящена автономным советским социалистическим республикам и областям. В Конституции определялся состав центральных исполнительных органов автономий: председатель совета народных комиссаров; народные комиссары внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия и социального обеспечения. В состав СНК автономий также включались народные комиссары объединенных народных комиссариатов РСФСР: финансов, труда, внутренней торговли, рабоче-крестьянской инспекции и высшего совета народного хозяйства. При этом допускалось в зависимости от местных условий сокращение количества народных комиссариатов и изменение состава совета народных комиссариатов. Отметим, что последняя норма не была «мертвой», так на 2-й сессии Бурят-Монгольского ЦИК 6–8 сентября 1927 г.¹ было принято решение об упразднении НКВД с передачей его функций создаваемому Административному управлению и объединении Народных Комиссариатов промышленности и торговли в один комиссариат и др. Реорганизация госаппарата обосновывалась необходимостью упрощения его структуры, сокращения расходов на его содержание и уничтожения параллелизма в работе отдельных ведомств. Этот документ устранил неопределённость в правовой основе существования автономий, было закреплено, что основные законы (конституции) автономных советских социалистических республик, а равно дополнения и изменения этих основных законов (конституций) принимаются их съездами советов, представляются на утверждение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и вносятся на окончательное утверждение Всероссийского съезда Советов.

¹ Бурят-Монгольская АССР. Центральный исполнительный комитет. Созыв. Сессия (3; 2). Вторая сессия (6–8 сент. 1927 г.): протоколы и резолюции / Бурят-Монгольский центр. исполн. ком. 3-го созыва. Верхнеудинск: Издание ЦИК Буреспублики, 1927. С. 48.

Как видно из приведенного, какого-либо сдвига в сторону либерализации статуса автономий не произошло, структура их исполнительных органов была регламентирована и некоторые из комиссариатов были по своей природе не самостоятельными органами, а продолжением исполнительных органов центра, по сути – их территориальными органами. Согласно принципу двойного подчинения объединенные народные комиссариаты претворяли в жизнь директивы и были подчинены одноименным комиссариатам РСФСР. Границы автономий могли быть изменены без их согласия.

Таким образом, результаты функционирования советского государства весьма неоднозначны. Мы должны прекрасно понимать, что просто нормативное закрепление государства в качестве федеративного не делает его подлинной федерацией автоматически. Федеративная политика советской власти базировалась на концепции пролетарского интернационализма и диктатуры пролетариата в условиях однопартийного режима и отсутствия плюрализма взглядов. Если на первоначальном этапе, как указывает М.А. Рейснер, Советы и съезды являлись учреждениями, которые действовали «со значительной самостоятельностью и автономностью, в том смысле, что их деятельность до сих пор не подвергалась никаким ограничениям или регламентации и предоставлена почти целиком их автономному решению» [18, с. 416]. Можно сказать, ранняя Советская республика с ее мало связанными Советами не была похожа на федерацию. Впоследствии М.А. Рейснер признает произошедший отход от первоначальной независимости Советов и их превращение в «тесно связанную и объединенную организацию, которая находится под громадным давлением централизации» [18, с. 377–378].

Примечательно, что Ленин в своих письмах этого периода указывал: «ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки “обиженные” националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить. Вот почему в данном случае коренной интерес пролетарской солидарности, а, следовательно, и пролетарской классовой борьбы, требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу, а всегда учитывали обязательную разницу в отношении пролетария нации угнетенной (или малой) к нации угнетающей (или большой)» [14, с. 356–362].

При рассмотрении вопроса о том является ли советский федерализм собственно федерализмом, нам следует учитывать, что «преобразование Российской советской унитарной республики в федерацию – РСФСР... явилось результатом реализации конъюнктурной большевистской политики в борьбе за власть». Как пишет Г.С. Гурвич, «принимая отделение нации и образование независимого государства, Ленин мирится с такого рода разрешением национального вопроса отчасти потому, что создание национальных государств до сих пор являлось одной из исторических тенденций капиталистического развития, отчасти – вследствие конкретной обстановки, сложившейся в Российской империи» [5, с. 29]. Ленинская формула «разъединение для объединения» была обусловлена необходимостью привлечения на свою сторону

национальных окраин, для которых федерация виделась перспективной возможностью для реализации своих прав и не ответить на их требования – значит повлечь вспышки этносепаратизма. Соответственно в целях сохранения единства государства на постимперском пространстве требовалось предоставление национальностям автономий. Так, Э.С. Юсубов полагает [21, с. 121], что только путем федерализации было возможно восстановление территориального единства страны после Октябрьской революции 1917 г., т.е. мотивы обращения большевиков к идеям федерализма были крайне прикладными. А.Е. Прокопьев указывает, что «в самом начале советского периода страна строилась на действительно федеративных принципах, но затем, начиная с 1922 года, ленинские принципы федеративного строительства были нарушены сталинским диктатом, постепенно превратившим формально федеративный СССР в унитарное, по существу, государство» [16, с. 18].

Так были ли отношения между РСФСР и БМАССР федеративными? Для выяснения этого необходимо ответить на два вопроса:

1. Как осуществлялось разграничение полномочий между РСФСР и БМАССР?
2. Могла ли БМАССР каким-либо образом влиять на принятие решений центром?

тром?

Как известно, федерация определяется как форма государственного устройства, для которой свойственно организационно-правовое оформление федеральной власти, власти субъектов федерации и нормативно-правовое разграничение власти между федерацией и ее субъектами. При ответе на первый вопрос важен учет даже не широты полномочий, предоставленных федерацией субъектам, а четкость разделительной линии между ними. Если широта полномочий, предоставленных субъектам, говорит о ценностной системе федерации и во многом зависит от исторических условий ее формирования, вопрос о четкости разграничения этих полномочий, возможности вмешательства центра в дела субъектов федерации – прямо говорит о *реальности* федеративных отношений. Как мы уже указывали выше, к предмету ведения центральных органов фактически мог быть отнесен любой вопрос, поскольку в статье 50 Конституции РСФСР 1918 г. было закреплено дискреционное полномочие ВСС и ВЦИК по рассмотрению всех вопросов, которые они признают подлежащими их разрешению. Международный опыт свидетельствует о возможности вмешательства федерации в дела субъектов (институт федерального вмешательства), но только в экстраординарных ситуациях (чрезвычайные ситуации, кризисные явления, акты агрессии со стороны других государств или вооруженных формирований и т.п.). Но применительно к имеющейся в Конституции РСФСР 1918 г. формулировке центр не был ничем связан и к предмету ведения центральных органов мог быть отнесен фактически любой вопрос, который они сочтут необходимым. Конституция РСФСР 1925 г. наделяла центр полномочием, которое в корне несовместимо с принципами федерализма – одностороннее изменение границы автономий и наряду с этим четко не разграничивала предметы ведения федерации и ее субъектов.

Что же касается организации власти на уровне субъекта, как справедливо указывает Д.А. Ивайловский, «форма автономий, территорий, принципиальные вопросы организации органов власти и управления, основы правового статуса субъектов феде-

рации оформлялись соответствующими правовыми актами ВЦИКа, Совнаркома или их совместными актами» [7, с. 25], соответственно все они могли и быть изменены таким же образом. Итак, можно сказать, что линия, разделявшая пределы ведения федерации и субъектов, была крайне размытой. Подобный подход в большей мере напоминает статус территориальной автономии в составе унитарного государства.

Справедливости ради заметим, что некоторые народы просто не смогли бы самостоятельно создать государство как вследствие отсутствия подобного опыта, так и в силу невысокого уровня культуры. Так, М.П. Карева отмечает, что «чудовищная отсталость в хозяйственном и культурном отношении многочисленных наций и народностей, многие из которых были доведены политикой царизма до угрозы полного вымирания, поголовная неграмотность, забитость являлись очень большим тормозом в деле осуществления национальной политики партии. Эта фактическая отсталость не давала возможности ряду народов использовать полностью предоставленное советской властью национальное равноправие» [11, с. 9].

При ответе на второй вопрос обратимся к разработкам А.С. Яценко, который указывал на то, что «члены федерального государства отличаются от автономных провинций унитарного государства тем, что они не только разделяют с центральной властью, подобно автономным провинциям, осуществление суверенитета на своей территории, но и участвуют в качестве членов федерального государства в самой сущности суверенитета, в образовании воли федерального государства» [22, с. 296]. В РСФСР Бурят-Монгольская республика не могла влиять на решение вопросов федерального значения, фактическая власть в государстве находилась в руках партии, т. е. она не была полноправным субъектом федерации в том смысле, какой в этот термин вкладывает юридическая наука при раскрытии прав субъектов в рамках федеративных отношений – «добровольное объединение и дружное сотрудничество» [6, с. 9–10]. Противопоставление буржуазному принципу равноправия наций в итоге привело к тотальному господству марксистско-ленинской идеологии, излишней централизации, не позволяющими назвать сложившиеся к этому времени отношения между БМАССР и РСФСР, как, впрочем, и с другими частями страны, федеративными. Согласимся с мнением Г.А. Стрельникова, который считает, что: «отдельные национальные республики обладали автономными правами, но они не составляли федеративного союза, в котором его члены равноправно решают общегосударственные дела, сохраняя значительную самостоятельность в определенных сферах государственной жизни» [19, с. 21]. Применительно к БМАССР Ц.Б. Батуев указывает, что «вопросы федеративных отношений автономной республики и центра полностью определялись абсолютной финансовой зависимостью региона (бюджет республики дотировался на 80 %)\», и объясняет централизацию власти, подотчетность органов государственной власти БМАССР союзным и российским органам государственной власти необходимостью всестороннего осуществления контроля за дотационными средствами, планирования, снабжения, распределения, кадровой политики [3, с. 119–122].

В то же время провозглашение федерации, фактически являвшейся унитарным государством или, если можно так сказать, у федерализма в «советской интерпретации» был ряд несомненных достоинств. Во-первых, как мы смогли убедиться, в его

основу были положены высоконравственные идеалы (помощь братской руки, культурное развитие наций), реализация которых привела к беспрецедентному подъему культуры.

В литературе отмечается, что Бурятия являлась одной из самых отсталых окраин Российской империи, царское правительство насильственно сокращало площадь улусного пользования, произведя крупные изъятия бурятских земель, оно стремилось задуть всякое проявление национальной культуры, запрещало издавать газеты и книги на родном языке [9, с. 367]. Справедливо замечено, что вся промышленность дореволюционной Бурят-Монголии была представлена по сути одним кустарным водочным заводом¹. В советской же Бурятии интенсивно развивалось промышленное производство: паровозо-вагоно-строительный завод, механизированный стекольный завод, мельничный комбинат, судовой завод, вольфрамовый комбинат и т.д. К началу 1938 г. по сравнению с 1923 г. только по крупным промышленным предприятиям республики промышленно-производственные фонды выросли в 209 раз. Сельское хозяйство было широко механизировано. Вместо 11 врачей и лам Бурят-Монголия получила систему из 250 медицинских учреждений, стала развиваться бурятская литература, действовали 394 начальных, 69 неполных средних и 22 полных средних школы, 9 техникумов и 3 высших учебных заведения. И это за 20 лет советской власти и 15 лет автономного существования.

Ярким свидетельством происходящих позитивных изменений в социально-культурном положении народа, по нашему убеждению, является повышение уровня грамотности; а в царской России «буряту не давали доступа ни в школу, ни к государственной и общественной деятельности, запрещали издавать литературу и преподавать на родном языке, отсутствие в среде бурят значительных кадров интеллигенции»². В советской Бурят-Монголии согласно статистическим данным по переписи³ 1926 г. среди бурят, проживавших в городских поселениях, уровень грамотности составлял свыше 66 %, в сельской местности – 23 %. К 1938 г. эти показатели составили около 90 %. Центр придавал огромное значение подготовке национальных кадров во всех областях, происходило постепенное выравнивание⁴ их представительства в органах власти. Это не пустые слова. Так, на 3-м съезде Советов БМАССР, проходившем с 25 марта по 3 апреля 1927 г.⁵, в отчете правительства указывалось, что национализация аппарата заключается в том, что в учреждениях, организациях и предприятиях определенное ко-

¹ Здесь и далее по тексту абзаца использованы статистические данные из: 15 лет Бурят-Монгольской АССР: политико-экономический сборник. 101 с.

² Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика: очерки и отчеты. 1925. С. 37.

³ Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник, 1927–1930 / Гос. плановая комиссия. БМАССР. Верхнеудинск, 1931. С. 19, 27.

⁴ См., напр.: Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика: очерки и отчеты. 1924–1925: сборник. Верхнеудинск, 1925. С. 280.

⁵ Бурят-Монгольская АССР. Съезд Советов (3). Третий съезд Советов Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики (25 марта – 3 апр. 1927 г.). Верхнеудинск: Управление делами ЦИК и СНК Буреспублики, 1927. С. 17.

личество должностей должно быть занято бурят-монголами, «...поэтому мы встали перед необходимостью создания национальных кадров». Примечательно, что на этом же съезде Советов БМАССР был заслушан доклад о проекте Конституции БМАССР, после заслушивания которого съезд постановил одобрить данный проект, поручив ЦИКу окончательную редакцию с последующим внесением ее на утверждение ВЦИК. К сожалению, о бурятском конституционализме, как о практике организации государственной и общественной жизни на основе Конституции – Основного закона, можно было вести речь лишь по прошествии почти 10 лет.

В этой связи вклад советской власти в социально-экономическое и культурное развитие Бурятии не переоценим, и стало это возможным лишь благодаря включению ее в систему пусть и в значительной мере «призрачных», но крайне эффективных для поступательного развития национальных меньшинств федеративных отношений.

Во-вторых, советский федерализм в значительной мере отражал особенности географического распределения этносов и предоставил ряду наций, ранее не имевших своей государственности, некое ее подобие, в рамках которых, как мы смогли убедиться, они могли решать вопросы развития своей культуры, а осуществляемый ими поиск национальной идентичности почти не угрожал государственной целостности на том этапе развития.

В-третьих, в ряде вопросов советская власть показывала примеры гибкости. Свидетельством тому является советская сложносоставная законодательная (нормативная) модель. Например, на территории Бурят-Монгольской АССР действовал «свой» Лесной кодекс¹, который учитывал специфику территории. В качестве следующего примера: постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» предусматривало возможность изменения или дополнения данного документа сообразно «местным бытовым условиям»². Применительно к БМАССР постановлением ВЦИК от 05 мая 1925 г.³ в УК РСФСР была установлена уголовная ответственность за: принуждение женщины, достигшей брачной зрелости, к вступлению в брак со стороны родителей, опекунов или родственников против ее воли (каралось лишением свободы до двух лет) (ст. 228); (ст. 229) вступление в брак с лицом мужского или женского пола, не достигшим половой зрелости, или принуждение к заключению такого брака со стороны родителей, опекунов или родственников; (ст. 230) уплата калыма (выкупа за невесту), вносимого по обычаям коренного населения Бурятско-Монгольской Автономной ССР, женихом, его родичами или родственниками родителям, родичам или родственникам невесты скотом, деньгами или другим имуществом и устанавливающего против ее воли обязательство выдать невесту замуж именно за этого жениха (лишение свободы или принудительные работы на

¹ Лесной кодекс Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики: (утв. постановлением II сессии ВЦИК X созыва от 7 июля 1923 г.). Введен в действие на территории Бурят-Монгольской АССР // Бюл. 1924. № 26. 10 с.

² О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924)] // СПС ГАРАНТ (дата обращения 01.04.2020).

³ О дополнении Уголовного Кодекса РСФСР для Бурят-Монгольской Автономной ССР: постановление ВЦИК от 05.05.1925 // СПС ГАРАНТ (дата обращения 01.04.2020).

срок до одного года). Принятие калыма каралось тем же наказанием и, кроме того, штрафом в размере калыма, т. е. в дополнении к УК РСФСР для Бурят-Монголии были криминализированы архаичные и варварские обычаи, которые на большинстве территории страны уже не практиковались, но, вероятно, встречались. Благодаря этой модели был возможен учет местных особенностей. С другой стороны, нормативная база, исходящая от центра, свидетельствовала о высокой централизации властных полномочий и могла рассматриваться как элемент недоверия автономии.

Очередной исторический этап Бурят-Монгольской АССР берет свой отсчет с 11 августа 1937 г., когда была утверждена Конституция (Основной закон) Бурят-Монгольской АССР. Этот этап был омрачен передачей шести бурятских аймаков в состав Иркутской и Читинской областей, что затруднило консолидацию бурятского этноса, разорвало культурно-хозяйственные и экономические связи единого народа. Это решение никоим образом не коррелировало с заявленными правами народов на самоопределение и именно в нем ярко проявилась «призрачность» советского федерализма, беспомощность автономии перед центром. Как метко заметил Б. Базаров, «после этого активное национально-государственное строительство было свернуто, утвердился курс на унификацию и интернационализацию всех сторон общественной жизни многонационального государства» [2, с. 6–7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алымов А.А. Советский федерализм и демократический централизм / А. Алымов и С. Студеникин // Сов. гос-во. – 1933. – № 1–2. – С. 13–20.
2. Базаров Б.В. К проблеме государственности монгольских народов: судьба бурятской автономии // Власть. – 2013. – № 8. – С. 4–8.
3. Батуев Ц.Б. Создание органов государственной власти в Бурят-Монгольской АССР // Власть. – 2010. – № 3. – С. 119–122.
4. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М.Н. Богданов; с доп. ст. Б.Б. Барадина и Н.Н. Козьмина; под ред. [и с предисл.] проф. Н.Н. Козьмина; Бурят-монг. науч. о-во им. Доржи Банзарова. – Верхнеудинск: Бурят-монгольское изд-во, 1926. – 229 с.
5. Гурвич Г.С. К вопросу о федерализме // Революция права. – 1928. – № 3 (май – июнь). – С. 19–37.
6. Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе // Советское право. – 1924. – № 3. – С. 3–39.
7. Ивайловский Д.А. Государственно-территориальное устройство Российской Федерации (особенности Российского федерализма). Развитие федеративных отношений на примере Республики Бурятия. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999. – 132 с.
8. История Бурятии: В 3 т. Т. 3: XX–XXI века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.
9. История Бурят-Монгольской АССР: В 2 т. Т. 1 / гл. ред. А.П. Хаптаев. – Улан-Удэ, 1954. – 496 с.
10. История Бурятской АССР: В 2 т. Т. 2 / гл. ред. А.П. Хаптаев. – Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1959. – 643 с.

11. Карева М.П. Сталинская Конституция и социалистическая федерация // Сов. гос-во и право. – 1952. – № 2 (февраль). – С. 7–19.
12. Козьмин Н.Н. Бурятия в географическом и хозяйственном отношении. – Верхнеудинск, 1924. – 33 с.
13. Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская АССР: географический и хозяйственный очерк.— Иркутск; Верхнеудинск: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1928. – 70 с.
14. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. 5-е изд. Т. 45. – М., 1970.
15. Митупов К. Б-М., Палхаева Е.Н. Становление национальной государственности бурятского народа в 20–30-е гг. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. – Вып. 4. – Улан-Удэ. – 2002. – С. 22–35.
16. Прокопьев А.Е. Федерализм: анализ правовых теорий и опыта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.— М., 2003. – 26 с.
17. Раднаева С.Б. Национальная политика Дальневосточной Республики: 1920–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 24 с.
18. Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР: В 3 ч.– М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 419 с.
19. Стрельников Г.А. Федеративные отношения: становление, развитие, тенденции. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 128 с.
20. Филимонов В.Г. Развитие взглядов большевистской партии по национально-государственному строительству и их реализации в практике государственного строительства Российской Федерации // Научная конференция аспирантов: тезисы докладов / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М., 1952. – С. 7–11.
21. Юсубов Э.С. Некоторые проблемы теории российского федерализма // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 117–123.
22. Яценко А.С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – 841 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alymov A.A. Soviet federalism and democratic centralism / A. Alymov and S. Studenikin // Soviet State. – 1933. – No. 1–2. – P. 13–20.
2. Bazarov B.V. On the problem of statehood of the Mongolian peoples: the fate of the Buryat autonomy // Power. – 2013. – No. 8. – P. 4–8.
3. Batuev Ts.B. The creation of public authorities in the Buryat–Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic // Power. – 2010. – No. 3. – P. 119–122.
4. Bogdanov M.N. Essays on the history of the Buryat-Mongolian people / M.N. Bogdanov; with add. Art. Bb Baradina and N.N. Kozmina; Ed. [and foreword] prof. N.N. Kozmina; Buryat Mong. scientific island of them. Dorji Banzarova. – Verkhneudinsk: Buryat-Mongolian publishing house, 1926. – 229 p.
5. Gurvich G.S. To the question of federalism // The revolution of law. – 1928. – No. 3 (May – June). – P. 19–37.
6. Gurvich G.S. The principles of autonomy and federalism in the Soviet system // Soviet Law. – 1924. – No. 3. – P. 3–39.

7. Ivaylovsky D.A. State–territorial structure of the Russian Federation (features of Russian federalism). The development of federal relations on the example of the Republic of Buryatia. – Ulan-Ude: Publishing House of VSTU, 1999. – 132 p.
8. The history of Buryatia: in 3 vols. T. 3 XX–XXI centuries. – Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2011. – 446 p.
9. The history of the Buryat–Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic: in 2 vol. T. 1 / Ch. ed. A.P. Haptaev. – Ulan-Ude, 1954. – 496 p.
10. History of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic: in 2 vol. of Vol. 2 / Ch. ed. A.P. Haptaev. – Ulan-Ude: Buryat, Prince. Publishing House, 1959. – 643 p.
11. Kareva M.P. The Stalinist Constitution and the Socialist Federation // Soviet State and Law. – 1952. – No. 2 (February). – P. 7–19.
12. Kozmin N.N. Buryatia in geographical and economic terms. – Verkhneudinsk, 1924. – 33 p.
13. Kozmin N.N. Buryat–Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic: geographical and economic essay. – Irkutsk; – Verkhneudinsk: Buryat-Mongolian State Publishing House, 1928. – 70 p.
14. Lenin V.I. Complete Works (5th edition). Vol. 45. – M., 1970.
15. Mitupov K. B.-M., Palkhaeva E.N. The formation of national statehood of the Buryat people in the 1920-30 s. // Bulletin of the Buryat University. Ser. 4: Vol. 4. – Ulan-Ude.-2002.–P. 22–35.
16. Prokopyev A.E. Federalism: analysis of legal theories and experience: author. dis. ... Ph. D.–M., 2003.– 26 p.
17. Radnaeva S.B. National policy of the Far Eastern Republic: 1920–1922: author. dis. ... cand. East. sciences. – Ulan-Ude, 2010. – 24 p.
18. Reisner M.A. State of the bourgeoisie and the RSFSR: at 3 h. – Moscow; Petrograd: state Publishing House, 1923. – 419 p.
19. Strelnikov G.A. Federative relations: formation, development, trends. – M.: Editorial URSS, 2001. – 128 p.
20. Filimonov V.G. The development of the views of the Bolshevik Party on nation–state building and their implementation in the practice of state building of the Russian Federation // Postgraduate Scientific Conference: Abstracts / All–Union Institute of Legal Sciences of the USSR Ministry of Justice. – M., 1952. – P. 7–11.
21. Yusubov E.S. Some problems of the theory of Russian federalism // Russian Journal of Law. – 2009. – No. 4. – P. 117–123.
22. Yashchenko A.S. The theory of federalism: The experience of the synthetic theory of law and the state. – Yuriev: Printing house of K. Mattisen, 1912. – 841 p.

УДК 343.3

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10030

Безбородов Дмитрий Анатольевич
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного
права Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета
прокуратуры РФ
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: dasansb@mail.ru

Bezborodov Dmitry Anatolyevich
professor of the Department of Crimi-
nal Law, Criminology and Penal Law
of the St. Petersburg Law Institute
(branch) of the University of the Prose-
cutor's Office of the Russian Federa-
tion, candidate of legal sciences, asso-
ciate professor
E-mail: dasansb@mail.ru

Родимкина Екатерина Владимировна
главный эксперт-специалист отдела междуна-
родной правовой помощи Главного управления
Министерства юстиции Российской Федерации
по Санкт-Петербургу
E-mail: Ek.Rodimkina@yandex.ru

Rodimkina Ekaterina Vladimirovna
chief expert of the department of inter-
national legal assistance of the Main
Directorate of the Ministry of Justice of
the Russian Federation in St. Petersburg
E-mail: Ek.Rodimkina@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ,
ПЕНСИЙ, СТИПЕНДИЙ, ПОСОБИЙ И ИНЫХ ВЫПЛАТ
(СТАТЬЯ 145.1 УК РФ)**

Введение: в настоящей статье анализируется правовое положение и статус субъекта преступной невыплаты заработной платы, обосновывается узость закрепленного законодателем перечня субъектов указанного противоправного деяния, приводятся аргументы в пользу расширения круга субъектов преступления, предусмотренного ст.145.1 УК РФ.

Методы и материалы: в исследовании использованы общенаучные методы познания, направленные на обобщение и унификацию отечественного правоприменения в сфере реализации уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат по признакам субъекта преступления.

Результаты исследования: предложены критерии квалификации преступной невыплаты заработной платы по признакам субъекта преступления. Дополнены и конкретизированы отдельные критерии оценки, сформулированные на основе выявленных противоречий в оценочных показателях, применяемых субъектами уголовной юстиции.

Выводы и заключения: результаты исследования определяют дальнейшие направления совершенствования правоприменения в сфере реализации уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст.145.1 УК РФ). Использование на практике сформулированных предложений с учетом устранения выявленных противоречий позволит принимать обоснованные решения при квалификации подобного рода преступлений.

Ключевые слова: трудовые права граждан, конституционные права, невыплата заработной платы, руководитель организации, уполномоченное лицо, оплата труда, уголовная ответственность.

FEATURES OF THE SUBJECT OF NON-PAYMENT OF WAGES, PENSIONS, SCHOLARSHIPS, ALLOWANCES AND OTHER PAYMENTS (ARTICLE 145.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Introduction. This article analyzes the legal status and the status of the subject of criminal non-payment of wages, proves the narrowness fixed by the legislator of the list of subjects specified wrongful acts are arguments in favor of widening the circle of subjects of the crime provided by article 145.1 of the criminal code.

Methods and materials. The study uses General scientific methods of knowledge aimed at generalizing and unifying domestic law enforcement in the field of criminal liability for non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments based on the characteristics of the subject of the crime.

Research result. The criteria for qualification of criminal non-payment of wages based on the characteristics of the subject of the crime are proposed. Certain evaluation criteria formulated on the basis of revealed contradictions in the evaluation indicators used by the subjects of criminal justice were supplemented and specified.

Findings and conclusions: The results of the study determine further directions for improving law enforcement in the sphere of criminal liability for non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments (article 145.1 of the criminal code of the Russian Federation). Using the formulated proposals in practice, taking into account the elimination of identified contradictions, will allow making informed decisions when classifying such crimes.

Key words: labor rights of citizens, constitutional rights, non-payment of wages, head of organization, authorized person, remuneration of labor, criminal liability.

Наиболее значимые права и свободы граждан нашли свое закрепление в Конституции Российской Федерации ¹. Этот основополагающий нормативно-правовой акт определил в качестве необходимых различные категории социальных, политических

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

и экономических прав граждан. За нарушения конституционных прав граждан предусмотрены наиболее серьезные правовые последствия – уголовная ответственность.

Так, преступлениям против конституционных прав и свобод граждан посвящена отдельная 19 глава Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹. Положения главы призваны защитить различные категории прав граждан. Отдельного внимания заслуживает ситуация нарушения трудовых и социальных прав. Подобное внимание обусловлено не только особой значимостью объекта уголовно-правовой охраны, социально ориентированной политикой государства, международными требованиями к качеству защиты прав граждан, но и наличием возрастающего объема задолженности по оплате труда. Указанный критерий лежит в основе оценки степени общественной опасности противоправного деяния. Так, согласно информации Генеральной прокуратуры РФ «на 1 января 2020 г. ... суммарная задолженность по заработной плате составила 2114,2 млн рублей» [1]. Кроме того, росту задолженности способствуют неблагоприятная экономическая обстановка (падение курса национальной валюты, применение санкционных мер в отношении некоторых отраслей экономики, последующий за этим экономический кризис и, как следствие, сокращение секторов государственной поддержки организаций, закрытие предприятий различной профильной направленности и т.д.), отсутствие сбалансированной политики государства в сфере обеспечения трудовых прав граждан, элементарная правовая неграмотность граждан и т.д. При этом не стоит забывать, что «любая деятельность субъектов, являющихся участниками экономической деятельности, связана с риском... Степень такого риска определяется компетентностью руководителя, возможностью рассчитать вероятные неблагоприятные последствия» [2]. Так, даже опытные участники производственных отношений иногда сталкиваются с рисками, которые было трудно предусмотреть, переживают периоды кризиса.

Перечисленные явления предопределили появление в уголовном законодательстве РФ ст. 145.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. Позитивные начала, которые заложены в данной уголовно-правовой норме, были обусловлены рядом социально-правовых факторов. Во-первых, повышенной общественной опасностью такого рода деяний, об этом наглядно свидетельствуют такие ее показатели, как характер и степень. Так, например, характер опасности предопределен значимостью объекта преступного посягательства — конституционно закрепленной обязанности защиты трудовых и иных социальных прав граждан, свойствами потерпевшего от преступления, а также особенностями вины при совершении данного общественно опасного деяния. Во-вторых, распространенностью подобного рода эксцессов — невыплата заработной платы и иных социально значимых выплат, к сожалению, в настоящее время не является прецедентом, а представляет собой достаточно распространенное явление, о чем наглядно свидетельствуют уже приведенные статистические данные. Так, например, отметим, что факт невыплаты заработной платы зафиксирован в каждом из субъектов РФ [1].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Там же. 1996. № 25. Ст. 2954.

В-третьих, следует констатировать, что существующая в настоящий момент уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 145.1 УК РФ, несмотря на очевидные достоинства, не лишена недостатков юридической техники, носящих конструктивный характер. В-четвертых, недостатки законодательной техники при конструировании ст. 145.1 УК РФ с неизбежностью повлекли за собой трудности в толковании и, следовательно, применении данной уголовно-правовой нормы — проблемы касаются установления всех без исключения признаков состава преступления.

Одним из ключевых моментов в ситуации нарушения конституционных прав граждан указанной категории выступает фигура субъекта преступной невыплаты. Этот элемент является криминообразующим признаком анализируемого состава преступления. Так, согласно диспозиции ч. 1 ст. 145.1 УК РФ законодателем определено, что к уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий стипендий, пособий иных выплат может быть привлечен руководитель организации, работодатель — физическое лицо, руководитель филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации.

Обращаясь к ситуации невыплаты заработной платы, отметим, что в соответствии с положениями ч. 1 ст. 273 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ)¹ руководителем организации выступает физическое лицо, которое в соответствии с федеральным, региональным, местным законодательством, а также локальными нормативными актами юридического лица осуществляет свои управленческие (в том числе и представительские) функции. При этом его представительская функция заключается «в совершении от имени организации действий по реализации ее прав и обязанностей, возникающих из гражданских, трудовых, налоговых и иных правоотношений (полномочий собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом организации, правообладателя исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности... и т.д.)».

Таким образом, работодатель, выполняя представительские функции, является материально ответственным лицом за последствия совершаемых им юридически значимых действий. Полномочия руководителя подтверждаются доверенностью, как правило, выданной представительным органом организации (будь то учредитель, собрание акционеров и проч.), должностной инструкцией, заключенным трудовым договором, а также локальными актами организации, например, уставом организации, приказом о назначении на должность, штатной численностью и т.д. Установление должностного положения виновного лица обязательно, в противном случае следует говорить об отсутствии состава преступления.

Разнообразны в этом плане и примеры судебной практики. Так, например, гражданин К.М. приговором суда первой инстанции был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, и приговорен к штрафу в размере 80 тыс. рублей. Согласно материалам дела К.М. осуществлял руководство предприятием в соответствии с выданной ему учредителем доверенностью и при наличии реальной возможности не производил выплату заработной платы сотрудникам пред-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). тт. 3.

приятия. В результате обжалования в кассационном порядке указанный приговор был отменен, а уголовное дело прекращено в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [9]. Суд кассационной инстанции установил, что в соответствии с уставом предприятия единоличным исполнительным органом является генеральный директор или лицо, исполняющее его обязанности. Однако согласно материалам дела «информации о том, что К.М. являлся генеральным директором организации, в материалах уголовного дела не приводилось, а факт того, что К.М. исполнял руководство предприятием как директор, не только не доказывался какими-либо сведениями, но по факту опровергался уставом общества, а доверенность давала право К.М. вести определенные в самой доверенности финансовые операции, которая не возлагала на него обязанности по выплатам заработной платы» [9].

Анализируя правовое положение и особенности полномочий руководителя – физического лица, отметим, что, по общему правилу, одно физическое лицо является и учредителем организации, его представительным и единственным исполнительным органом. Статус указанного лица, как правило, детально регламентируется учредительными документами организации.

Согласимся с позицией, представленной в научной литературе, согласно которой в ситуации неоднократного перехода полномочий между руководителями организации к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ привлекается тот управленец, в период пребывания на должности которого невыплата заработной платы составила период, указанный в диспозиции ст. 145.1 УК РФ, в противном случае указанное лицо не может выступать в качестве субъекта данного преступления.

При этом заметим, что в примере, когда генеральный директор организации отдал распоряжение на осуществление выплат, а, предположим, руководитель финансового отдела не исполнил данное распоряжение и израсходовал средства на иные нужды, состав указанного преступления усматривается в действиях исключительно последнего [10].

Кроме этого, обратим внимание на ситуацию, когда официальным руководителем выступает одно лицо, но фактически управление организацией исходит от другого лица (например, фактического владельца имущества предприятия, кредитора и т.д.). Так, в данном контексте показательным является пример судебной практики, согласно которому М. предложил К. купить ООО «...», учрежденное и возглавляемое М. К. согласился на сделку и во исполнение своей части сделки «передал М. задаток и попросил М. остаться в ООО «...» номинальным директором до момента перерегистрации данного общества на К. После этого М. составил по просьбе К. доверенность, согласно которой тот мог управлять обществом, а именно заключать договоры, открывать новые счета, вести финансовую деятельность общества, заключать трудовые договора, увольнять работников, представлять интересы общества в разных инстанциях.

Судом установлено, что после этого М. практически не принимал участия в управлении ООО «...», лишь помогал К. оформлять договоры на оказание охранных услуг, заключал их, подписывал акты выполненных работ, т. е. помогал ему оформлять документы и подписывал их. Кроме того, М. передал право пользования расчетным счетом по доверенности К., при этом денежных средств М. на счете не касался.

М. также передал в 2014 г. всю документацию К., но официально уволился с ООО «...» с 15.07.2015 г., когда был назначен директором К. Далее, лишь в ноябре 2015 г. К. переоформил общество как учредитель на свое имя» [9]. В результате суд квалифицировал действия К. по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ – невыплата заработной платы, то есть полная невыплата свыше двух месяцев заработной платы, совершенная из корыстной заинтересованности руководителем организации [5].

Интересным также представляется рассмотрение вопроса об уголовной ответственности арбитражных (конкурсных) управляющих. Стоит отметить, несмотря на то, что указанная категория лиц не закреплена в положении ст. 145.1 УК РФ арбитражные управляющие (как их разновидность – конкурсные управляющие) могут выступать субъектами невыплаты заработной платы. В соответствии с ч. 1 ст. 5 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» после даты принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательные платежи, возникшие после упомянутой даты признаются текущими платежами. Указанные текущие платежи не входят в реестр требований кредиторов, а исполняются исходя из очередности, предусмотренной ст. 134. ФЗ «О банкротстве». Так, согласно п. 2 ч. 2 ст. 134 ФЗ «О банкротстве» «во вторую очередь удовлетворяются требования об оплате труда лиц, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору, требования о выплате выходных пособий¹.

Таким образом, исходя из рассмотренных выше положений, можно сделать вывод о том, что выплата заработной платы, выходных пособий и иных, предусмотренных трудовым законодательством РФ выплат погашается в режиме второй очереди текущих платежей.

Обращаясь к процедуре банкротства, отметим следующее. При введении каждой из процедур банкротства организации арбитражный суд своим решением утверждает арбитражного управляющего. Последний является обобщающим понятием и практически представлен временным управляющим, внешним или конкурсным управляющим. При этом у каждого из управляющих возникает некоторый объем полномочий (сообразно проводимой ими стадией) предусмотренный соответствующим законодательством о банкротстве.

Так, например, временные управляющие не обладают должным набором полномочий и не являются субъектами по ст. 145.1 УК РФ. Руководитель организации продолжает осуществлять свои полномочия, так как в п. 1 ст. 64 Федерального закона № 127-ФЗ установлено, что введение наблюдения не является основанием для отстранения руководителя должника и иных органов управления должника, которые продолжают осуществлять свои полномочия с некоторыми ограничениями. То же усматривается и в случае финансового оздоровления предприятия. На это обращают внимание и в научной литературе. Так, Е.Г. Быкова и С.А. Яшков подчеркивают тот факт, что «поскольку в ходе процедуры наблюдения или финансового оздоровления

¹ Данные по задолженности заработной платы на 1 января 2020 года. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/8.htm (дата обращения 01.05.2020).

временный управляющий или административный управляющий осуществляет контроль за деятельностью органов управления должника, лишь ограничивая в определенной мере их правоспособность, [6] то эти арбитражные управляющие не могут рассматриваться в качестве исполнителей преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ» [3].

Вместе с тем на стадии внешнего управления выбирается и утверждается на должность арбитражного управляющего конкретное лицо, которое заменяет собой руководителя организации, полномочия которого прекращаются.

На стадии конкурсного производства с даты утверждения конкурсного управляющего до даты прекращения производства по делу о банкротстве или заключения мирового соглашения, или отстранения конкурсного управляющего последний осуществляет полномочия руководителя должника и иных органов управления должника.

Таким образом, конкурсный и внешний управляющий в некоторых моментах выполняют организационно-правовые и административно-хозяйственные функции руководителя предприятия и могут выступать субъектом уголовно-правовых отношений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ. Так, помимо полномочий руководителя организации, на управляющего возлагаются и соответствующие обязанности, предъявляются необходимые к занимаемому статусу требования (например, требование о своевременном предоставлении статистической отчетности). Одной из упомянутых обязанностей руководителя является своевременная и полная выплата вознаграждения за труд лицам, работающим в организации по трудовому договору (контракту). Отметим, что подобной позиции придерживается и Верховный суд РФ [7].

Еще одной спорной ситуацией служит пример с учредителем, который в ситуации невыплаты заработной платы уволил действующего директора, но не принял необходимых мер к назначению нового управляющего. Можно ли говорить об уголовной ответственности указанного учредителя по ст. 145.1 УК РФ? На наш взгляд, видится верным утверждение, согласно которому следует говорить об отсутствии в приведенном случае субъектного состава ст. 145.1 УК РФ. Так, учредитель не является уполномоченным на выплату лицом, ввиду чего его нельзя привлечь к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ.

Кроме того, следует отметить, что уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ подлежит лицо, которое специально уполномочено органом управления организации на совершение действий по выплате заработной платы, а также лицо, фактически (не на основании учредительных документов) осуществляющее предпринимательскую деятельность или выполняющее обязанности руководителя организации, в том числе через подставное лицо. Важным моментом здесь выступает наличие обязанности по оплате труда и реальная экономическая возможность выплаты.

Отдельно следует обозначить вопрос признания (непризнания) юридического лица в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. Так, некоторые представители научного сообщества открыто выступают за положительное решение упомянутого вопроса [5]. В качестве аргументации они приводят положительный опыт зарубежных стран (США, страны Европы), специфику невыплаты заработной платы (масштабы невыплат и количество потерпевших лиц). На наш взгляд,

говорить о юридическом лице как о субъекте противоправного деяния говорить преждевременно и несколько некорректно. Так, на сегодняшний день юридическое лицо не может быть признано в качестве субъекта указанного противоправного деяния, так как в уголовном законе четко определен субъект преступления, которым выступает только физическое лицо (ст. 19 УК РФ), из чего следует, что юридическое лицо не способно к выражению психического отношения к содеянному. Следует согласиться с Б.В. Волженкиным, который еще в конце двадцатого века указывал на разумность разграничения субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности. Так, преступление рассматривается им как волевой поведенческий акт, совершение которого возможно только физическим лицом, обладающим сознанием и волей. Упомянутый акт содержит в себе все элементы состава преступления, что представляет собой единственное основание для привлечения к ответственности сообразно положениям уголовного закона. При этом, если реализовать противоправное поведение возможно только физическому лицу, то ответственность могут нести и юридические лица. Отметим, что указанная возможность предполагает ряд обязательных к выполнению условий [4].

Именно в силу данного обстоятельства вопрос об уголовной ответственности юридического лица в России (в ситуации невыплаты заработной платы, в частности) остается открытым и носит дискуссионный характер. Однако не вызывает сомнений тот факт, что при введении упомянутого института серьезному изменению и пересмотру подлежат не только институты общей части уголовного права (институты преступления и наказания), но и уголовно-процессуальное законодательство РФ.

Анализируя ситуации преступной невыплаты пенсий, стипендий и иных предусмотренных законом выплат, отметим, что указанные законодателем требования к субъекту преступления относятся в равной степени ко всем виновным лицам независимо от вида объекта уголовно-правовой охраны. Так, например, субъектом преступления по ч. 1 ст. 145.1 УК РФ может быть признан руководитель центра занятости, который отвечает за выплату пособий по безработице, глава регионального департамента по социальной защите населения в случае невыплаты назначенного пособия малоимущим, главный бухгалтер колледжа, в обязанности которого входит выплата стипендий и иных мер материального стимулирования обучающимся и т.д.

Тема нарушения трудовых и социальных прав граждан не теряет своей актуальности в настоящее время. В целях защиты конституционных прав граждан законодателем введена в действие ст. 145.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. Одним из ключевых моментов при анализе положений ст. 145.1 УК РФ выступает вопрос установления субъекта преступной невыплаты. Вопрос является одним из ключевых при рассмотрении возможности привлечения виновного за невыплату лица к уголовной ответственности в силу наличия ряда специфических требований к положению виновного лица. Так, невыплата может быть признана преступной только в ситуации, когда на виновного законом, трудовым/коллективным договором, должностной инструкцией или иным локальным актом возложена обязанность по оплате труда сотрудников организации. В иных случаях следует говорить о соучастии в

условиях невыплаты заработной платы. Действия иных причастных к невыплате лиц следует оценивать с позиций института соучастия, как действия пособника, подстрекателя или организатора с учетом положений ст. 33 УК РФ. Кроме того, отметим, что к уголовной ответственности в настоящее время привлекаются только физические лица. Указанное положение закреплено законодателем в ст. 19 УК РФ. Вопрос об ответственности юридических лиц остается открытым, носит дискуссионный характер, и в случае принятия данной правовой концепции повлечет серьезные изменения уголовного и уголовно-процессуального блоков законодательства РФ.

Требования к субъекту преступной невыплаты имеют универсальный характер и не изменяются в зависимости от вида выплат. Кроме того, подчеркнем, что представленный в ч. 1 ст. 145.1 УК РФ перечень субъектов преступной невыплаты носит ограниченный характер и лишь частично удовлетворяет современным потребностям правоприменения. Так, в ситуации преступного бездействия, помимо указанных в анализируемой статье лиц, к уголовной ответственности могут быть привлечены иные уполномоченные на осуществление соответствующих выплат лица (будь то бухгалтер или начальник финансового отдела). Более того к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ могут быть привлечены лица, фактически осуществляющие оплату труда (речь идет о ситуации с номинальным директором и фактическим управленцем, собственником имущества юридического лица), а также конкурсные и внешние арбитражные управляющие (в случае банкротства предприятия).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Безбородов Д.А. Квалификация преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ // Актуальные вопросы прокурорской деятельности: лекции / О. Н. Коршунова [и др.]; под ред. Г. В. Штадлера. – СПб: Санкт-Петербург. юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации – С. 130–140.
2. Быкова Е.Г., Яшков С.А. К вопросу о признании арбитражного управляющего субъектом преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ // Уголовное право. – 2019. – № 2. – С. 23–26.
3. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». – СПб., 1998.
4. Панкратова О.В. Вопросы дифференциации ответственности при назначении наказания за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат // Вестник КРУ МВД России. - 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-differentsiatsii-otvetstvennosti-pri-naznachenii-nakazaniya-za-nevuplatu> (дата обращения 20.03.2020).
5. Шаталов Е.А., Седнев Р.И. Проблемы квалификации невыплаты заработной платы и иных установленных законом выплат // Рос. юстиция. – 2019. – № 6. – С. 25–28.
6. Шматенко А. Субъекты криминальных банкротств // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 82–87.

7. Обзор судебной практики Верховного суда РФ за первый квартал 2013: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 3 июля 2013 г.) // Бюл. Верховного суда РФ. – 2013. – № 10.

8. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 27 дек. 2010 г. № 22–16358. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/3999156> (дата обращения 25.03.2019).

9. Приговор судебного участка №5 г. Ноябрьска Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 апр. 2017 г. по делу № 1–13/2017. URL: sudact.ru/magistrate/doc/yZFE3ID0oqlq/ (дата обращения 23.03.2020).

10. Приговор судебного участка № 70 Куйтунского района Иркутской области от 2 мая 2017 г. по делу № 1–25/2017. URL: sudact.ru/magistrate/doc/ePntO2JwBYWm/ (дата обращения 20.03.2020).

11. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 18.09.2018 № 7-1144/2018 по делу № 12–171/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 20.03.2020).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Bezborodov D. A. Qualification of a crime under article 145.1 of the criminal code of the Russian Federation. Current issues of Prosecutor's activity: lectures / O. N. Korshunova et al.; edited by G. V. Stadler. – Saint Petersburg: Saint Petersburg law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation, Pp. 130–140.

2. Bykova E. G., Yashkov S. A. On the issue of recognition of the arbitration Manager as a subject of a crime under article 145.1 of the criminal code of the Russian Federation. Criminal law.– 2019.– No. 2.– P. 23–26 (in Russian).

3. Volzhenkin B. V. Criminal liability of legal entities: Series «Modern standards in criminal law and criminal procedure».–Saint Petersburg, 1998.

4. Pankratova O. V. Questions of differentiation of responsibility when assigning punishment for non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payment // Bulletin of Crewe of the Ministry of interior of Russia. – 2009. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-differentsiatsii-otvetstvennosti-pri-naznachenii-nakazaniya-za-nevyplatu> (accessed 20.03.2020).

5. Shatalov E. A., Sednev R. I. Problems of qualification of non-payment of wages and other payments established by law // The Russian justice.–2019. No. 6. – Pp. 25–28.

6. Shmatenko A. Subjects of criminal bankruptcy//Criminal law.– 2014.–No. 1. Pp. 82–87.

7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2013: approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 3, 2013) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2013. No. – 10.

8. Cassation determination of the judicial Board on criminal cases of the Moscow city court of December 27, 2010, No. 22-16358. URL: <http://судебныерешения.RF/bsr/case/3999156> (date accessed: 25.03.2019).

9. The verdict of the court plot no. 5 g. Noyabrsk of the Yamalo-Nenets Autonomous district of April 24, 2017 in case no. 1-13/2017. URL: sudact.ru/magistrate/doc/yZFE3IDOOqlq/ (accessed: 23.03.2020).

10. The verdict of the court plot no. 70 Kuytunskiy district of the Irkutsk region from may 2, 2017 in case, no 1-25/2017. URL: sudact.ru/magistrate/doc/ePntO2JwBYWm/ (accessed: 20.03.2020).

11. Decision of the Saint Petersburg city court of 18.09.2018 no. 7-1144/2018 in the case no. 12-171 / 2018. URL: <https://sudact.ru/> (accessed: 20.03.2020).

Ермакова Ольга Владимировна
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Барнаульского юри-
дического института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Ermakova Olga Vladimirovna
associate professor of the department of
criminal law and criminology Barnaul law
institute military of interior of Russia, police
lieutenant colonel, candidate of law sciences,
associate professor E-mail: erma-
kova_alt@mail.ru

Шаганова Ольга Михайловна
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Барнаульского юри-
дического института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: olga.shaganova@yandex.ru

Shaganova Olga Mishailovna
associate professor of the department of
criminal law and criminology Barnaul law
institute military of interior of Russia, police
lieutenant colonel, candidate of law sciences
E-mail: olga.shaganova@yandex.ru

СЛОЖНОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИ- ЗНАКОВ СОСТАВА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Введение: в статье рассматриваются отдельные вопросы толкования признаков, необходимых для квалификации преступления по ст. 245 УК РФ. В частности, авторы детально анализируют такие понятия, как увечье, жестокое обращение с животными. Отдельное внимание уделяется проблемам установления преступной цели в виде причинения боли и (или) страданий. Полученные выводы подтверждаются проанализированными материалами судебной практики.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, а также отдельные федеральные законы, регламентирующие осуществление охоты. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и другие). Кроме того, использовались частнонаучные методы познания – логико-формальный, статистический и системного анализа.

Результаты исследования позволили представить комплексное толкование объективных и субъективных признаков состава жестокого обращения с животными, имеющее неопределимое значение для унификации судебной практики.

Выводы и заключения: проанализированные признаки состава жестокого обращения с животными позволили разработать правила квалификации и применения правил идеальной совокупности с иными преступлениями.

Ключевые слова: преступления против общественной нравственности, жестокое обращение с животными, животные, жестокое обращение.

DIFFICULTIES OF THE INTERPRETATION OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIGNS OF THE COMPOSITION TREATMENT OF ANIMALS

Introduction: The presented article researches some questions of interpretation of elements which are necessary for qualification of the crime in accordance with Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particularly the authors analyze such terms as injury, animal cruelty, animal in detail. Special attention is paid to the problems of establishing the criminal aim in the form of causing pain and (or) suffering. The conclusions are confirmed by analyzed materials of court practice.

Materials and Methods: the legal framework of the research was formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, as well as special federal laws regulating the hunting. The methodological base of the research was a universal dialectical method of cognition of social and legal phenomena, general scientific research approaches (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural approach and others). In addition, we used special scientific cognitive methods – logical-formal and statistical methods, a method of system analysis.

Results: the research presents a comprehensive interpretation of the objective and subjective characteristics of criminal cruelty to animals, which is invaluable for the unification of judicial practice.

Findings and conclusions: the analyzed characteristics of criminal cruelty to animals have allowed to develop rules for the qualification of such crimes and apply the rules due to a criminal act corresponding to more than one definition.

Key words: crimes against social morality, animal cruelty, animals, cruel treatment.

Состав жестокого обращения с животными с момента его закрепления в нормах Особенной части УК РФ вызывал множество вопросов толкования его признаков. Именно поэтому правоприменительные органы, осуществляя квалификацию данного преступления, зачастую сталкивались со сложностями направления таких уголовных дел в судебные органы.

При этом стремление законодателя усовершенствовать законодательную регламентацию исследуемой уголовно-правовой нормы, выразившееся в изменении федеральным законом от 20.12.2017 г. № 412-ФЗ диспозиции ст. 245 УК РФ, по нашему мнению, еще в большей степени усугубило проблемы правоприменения.

В частности, следует выделить следующие вопросы, возникающие при толковании объективных и субъективных признаков состава жестокого обращения с животными:

1. В научной литературе достаточно дискуссионным является вопрос относительно содержания понятия «животные».

Авторы научных публикаций задаются вопросами: «будет ли считаться жестоким обращением с животным раздавливание подошвой обуви улиток? Если включать в понятие животных исключительно млекопитающих и птиц, то неясным остается вопрос, например, травли крыс» [10].

В биологии (зоологии) понятие «животное» наделено широким значением и означает вид живых организмов, способных к передвижению и обладающих гетеротрофностью (т.е. питающихся органическими соединениями).

В рамках уголовного закона исследуемое понятие используется в главе 26 «Экологические преступления», а именно в ст. 258.1. При этом законодатель разделяет в единой диспозиции понятия «животные» и «водные биологические ресурсы». Аналогичное деление имеет место в ст. 256 и 258 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за незаконную добычу данных предметов, с той лишь разницей, что в рамках незаконной охоты законодатель не использует понятие «животные», конкретизируя их такими разновидностями, как птицы и звери. Проведенный анализ экологических преступлений позволяет сделать вывод, что в УК РФ, по сравнению с биологией, исследуемое понятие используется в более узком значении путем включения в его содержание только птиц и зверей.

Однако в главе 25 УК РФ, закрепляющей состав жестокого обращения с животными, деление предмета преступления на различные разновидности и обособление водных биологических ресурсов не предусмотрено.

Соответственно, ограничение предмета преступления в ст. 245 УК РФ только птицами и зверями исключает уголовную ответственность при совершении таких действий в отношении рыб, змей, черепах и иных живых организмов.

В научной литературе представленная трактовка предмета обосновывается тем обстоятельством, что только высшие живые организмы, относящиеся к царству зверей, могут испытывать боль [5].

По нашему мнению, с целью решения поставленного вопроса необходимо проанализировать те общественные отношения, которые охраняются составом жестокого обращения с животными.

Исходя из названия главы 25 УК РФ, жестокое обращение с животными посягает на общественную нравственность, под которой понимаются качества человека, проявляющиеся в отношении к людям и природе, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.д. [3].

Соответственно, исходя из смыслового содержания общественных отношений, объединенных термином «нравственность», следует вывод, что законодатель охраняет от преступных посягательств действия в отношении любых представителей животного мира.

Однако с целью унификации построения норм уголовного закона в рамках ст. 245 УК РФ следует использовать прием законодательной техники, аналогичный составам экологических преступлений, предполагающий разделение животных (птиц и зверей) и водных биологических ресурсов.

2. Для описания объективной стороны законодатель использует такое понятие, как «жестокое обращение», обладающее не ясным содержанием.

Следует отметить, что данное понятие встречается в ст. 156 УК РФ в рамках состава неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Однако и в этом случае его содержание вызывает дискуссии в научной литературе. К тому же авторами указывается на недопустимость применения аналогии жестокого обращения с детьми по отношению к животным [10].

По нашему мнению, понятие жестокое обращение в рамках ст. 245 УК РФ, безусловно, имеет определенную специфику, однако определенные разработки ученых применительно к преступлениям против личности, все же имеют огромное значение. В частности, следует отметить, что аналогично составу преступления, предусмотренному ст. 156 УК РФ, формами жесткого обращения в ст. 245 УК РФ могут выступать как действие, так и бездействие.

Анализ судебной практики, а также научной литературы позволил выделить возможный спектр действий, образующих жестокое обращение: удары руками, ногами, в результате которых причиняются различные переломы (открытые, закрытые); ожоги; проникающие ранения [9, с. 21–22]; умышленное обливание животных кипятком [6, с. 151]; дрессировка, соединенная с применением насилия; травля одним животным другого; скотоложство или зоофилия; сожжение заживо; умышленный наезд на животного [1, с. 235] и т.п.

В правоприменительной деятельности, помимо указанных выше действий, относящихся к жестокому обращению, распространены случаи, когда животное сбрасывают с высоты.

Например, суд квалифицировал действия П. по ст. 245 УК РФ за то, что она в присутствии малолетних Б. и Р., схватив кота, принадлежащего К., находящегося в коридоре, зашла в квартиру и, открыв окно, выкинула кота из окна на землю. Данные умышленные действия П. повлекли гибель кота¹.

Другим распространенным примером является утопление животного.

Так, А., имея умысел на жестокое обращение с животным, поймала собаку, принадлежащую Б., принесла ее на берег реки и посадила в найденный на берегу реки мешок. Затем мешок завязала и выбросила в реку. В результате действий А. собака погибла. Суд посчитал А. виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ².

Признание актов бездействия жестоким обращением с животным имело место в следующих случаях: оставление животного на улице при неблагоприятных погод-

¹ Архив Лесозаводского районного суда Приморского края за 2018. Дело № 1-99/2018. URL: http://судебные_решения.рф/34339136/extended (дата обращения 19.06.2019).

² Архив Торжокского городского суда Тверской области за 2016 г. Дело № 1-7/2016. URL: <http://судебныерешения.рф/12727813/extended> (дата обращения 19.06.2019).

ных условиях (буран, жара, мороз), лишение его воды или пищи, оставление в непригодных помещениях. Однако для того чтобы привлечь лицо к ответственности по ст. 245 УК РФ за вышеуказанные действия, необходимо выяснить имело ли оно обязанность заботиться о животном [4].

Приведем следующий пример. К., получив грант на развитие крестьянско-фермерского хозяйства, приобрел овец романовской породы. В конце января 2016 г. К., действуя умышленно, преследуя корыстную цель на избавление от несения материальных расходов на содержание животных, принадлежащих ему и содержащихся в помещении фермы, уехал за пределы области, при этом достоверно зная, что корм отсутствует, вода для поения в загоны не подается, электричество и тепло в здании фермы также отсутствует, не известив об этом Департамент сельского хозяйства области. В результате отсутствия корма, воды, тепла и электричества в здании фермы животные длительное время испытывали страдания, муки холода, голода и жажды, что вызвало истощение, а также их массовый падеж и смерть. Суд признал К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, и назначил ему наказание в виде 180 часов обязательных работ¹.

Таким образом, к жестокому обращению в форме действия либо бездействия могут относиться любые деяния, повлекшие гибель или увечье животного.

Вызывает интерес позиция отдельных судов, которые вменяют идеальную совокупность ст. 258 и ст. 245 УК РФ, если виновные лица используют оборудование или выбирают способ отлова животных, причиняющих им мучительные страдания и последующую гибель.

Так, М., имеющий охотничий билет без установленного срока действия, но не имеющий необходимых для осуществления законной охоты путевки и разрешения на добычу охотничьих ресурсов, предложил Ш., не имеющему охотничьего билета, путевки и разрешения на добычу охотничьих ресурсов, совершить с применением петель металлических незаконную охоту на особой косули сибирской. При этом М. и Ш. осознавали, что избранный ими способ охоты является негуманным, запрещенным законом и в случае поимки в петли металлические причинит страдания данным животным и, как следствие, их мучительную смерть. М. и Ш., изготовив самодельные металлические петли для незаконной охоты, прибыли на автомобиле к месту производства незаконной охоты. М. установил три петли рядом с приманкой (солонцом), Ш. в свою очередь установил две петли рядом с другой приманкой (солонцом). После этого последние отправились домой. Через некоторое время в местах, где М. и Ш. ранее установили петли металлические, в каждую из них попали 2 самца особи косули сибирской, которые погибли в результате асфиксии от петель. Суд М. и Ш. признал виновными по ст. 245 и 258 УК РФ².

Полагаем, что в представленном случае, умысел виновных направлен не на причинение боли и (или) страданий сибирским косулям, а на их добычу способом и в

¹ Архив судебного участка № 46 Верховажского района Вологодской области за 2017 г. Дело № 1-36/2010. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 19.06.2019).

² Архив Усть-Удинского районного суда Иркутской области за 2018 г. Дело № 1-51/2018. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения 19.06.2019).

месте облегчающим поимку. Следовательно квалифицировать содеянное необходимо только по ст. 258 УК РФ «Незаконная охота».

Следует отметить, что в научной литературе отсутствует единство мнений по данному вопросу.

Так одни ученые предлагают отдельные способы незаконной охоты причислять к жестокому обращению с животными. Например, В.Н. Китаева причисляет охоту негуманными способами с применением калечащих орудий и средств к жестокому обращению с животными [4]. М.В. Талан указывает, что как жестокое обращение может рассматриваться использование запрещенных способов добычи животных: с помощью ногозахватывающих капканов, взрывчатых, химических веществ, электротоков, газов [11].

Другая группа ученых считает, что квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 245 и ст. 258 УК РФ, можно только в том случае, когда при незаконной охоте присутствует малолетнее лицо, осознающее общественную опасность и противоправность совершаемых виновным лицом действий, так как жестокое обращение с животным в процессе охоты, приведшее животное к смерти, может привести к психологической травме малолетнего [8, с. 95].

По нашему мнению, точка зрения о необходимости квалификации по совокупности преступлений и в теории, и на практике возникла в результате положений, содержащихся в нормативных правовых актах, регулирующих правила охоты.

Так, в ст. 2 ФЗ РФ от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ закрепляется принцип об использовании охотничьих ресурсов с применением орудий охоты и способов охоты, соответствующих требованиям гуманности и предотвращения жестокого обращения с животными, в том числе при подготовке и дрессировке собак охотничьих пород. В п. 51 приказа Минприроды России от 16.11.2010 № 512 «Об утверждении Правил охоты»² одним из требований к отлову и отстрелу охотничьих животных является исключение способов, допускающих жестокое обращение с животными.

Однако стоит учитывать, что полностью смешивать понятия различных нормативных правовых актов нельзя, поскольку сфера их применения абсолютно разная.

Если жестокое обращение с животными осуществляется с помощью оружия, то в каждом случае необходимо ставить вопрос о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст.ст. 222–223.1, 226 УК РФ.

Если способ совершения преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, связан с использованием сильнодействующих, ядовитых либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, то необходима совокупность ст. 245 и 234, 234.1 УК РФ.

¹ Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

² Об утверждении Правил охоты: приказ Минприроды России от 16 нояб. 2010 г. № 512 // Рос. газ. 2011. № 39.

Достаточно сложным представляется вопрос идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 245 и 167 УК РФ.

Так, в комментарии к Уголовному кодексу РФ под редакцией А.В. Бриллиантова описывается возможность применения правил совокупности только в тех случаях, когда животное является собственностью какого-либо лица [5].

В судебной практике в ряде случаев при причинении вреда животным квалификация по ст. 167 УК РФ вообще не рассматривается. Например, в определении кассационной инстанции И. был оправдан по ч. 1 ст. 245 УК РФ с той аргументацией, что действия по жестокому обращению с собаками при совершении хищения, повлекшие их гибель с целью устранения препятствий, самостоятельным умыслом не охватывались¹. При этом суд, исходя из представленных в определении материалов, не рассматривает возможность квалификации данных действий по ст. 167 УК РФ.

Однако, по нашему мнению, даже в случае принадлежности животного конкретному человеку, совокупность преступлений будет иметь место только тогда, когда умысел лица направлен на жестокое обращение с животным. Соответственно, если виновный проникает в жилище с целью хищения имущества, а для облегчения доступа он применяет снотворное к собаке, причиняя тем самым ее гибель или увечье, содеянное не может квалифицироваться по ст. 245 УК РФ.

В этой части следует привести в качестве верного определение Верховного суда РФ, в соответствии с которым был оправдан по ст. 245 УК РФ Б., который при попытке совершения вооруженного нападения проник в дом и отравил немецкую овчарку². Следует оговориться, что такая квалификация была бы, по нашему мнению, не верной при умышленном использовании виновным яда, причиняющего особые страдания животному и осознании данным лицом свойств и последствий применяемого вещества. Поэтому при причинении увечья либо смерти животному, находящемуся в чьей-либо собственности, требуется квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 245 и 167 УК РФ, только при осведомленности принадлежности этого животного конкретному человеку, осознании вредоносных свойств препарата и его влияния на организм животного, а также умысла причинения животному именно тех последствий, которые наступают от действия конкретного вещества.

3. Состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, сконструирован по типу материального, т.е. обязательным признаком выступают преступные последствия, с наступлением которых законодатель связывает момент окончания преступления. При этом из двух альтернативных последствий, закрепленных в диспозиции статьи, только одно – гибель животного – отличается определенностью. В свою очередь такое последствие, как увечье животного вызывает сложности в понимании. Подобная неопределенность негативно сказывается на возможности установлении оконченого преступления [12].

¹ Определение Верховного суда РФ от 12.03.2002 № 41-кпо01-156 URL: <http://sudbiblioteka.ru> (дата обращения 19.06.2019).

² Обзор судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2010 г. // Информационно-правовое обеспечение «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения 19.06.2019).

В частности, остается не ясным возможно ли для уяснения понятия увечья использовать те последствия, которые характеризуют тяжкий вред здоровью человека, а также другие виды вреда здоровью?

Исходя из этимологического значения, термин «увечье», означает телесное повреждение, которое наносит ущерб функциям организма, приводящее даже к возможной смерти [2, с. 101]. Следовательно, содержание данного преступного последствия должно включать только такие повреждения, которые опасны для жизни животного. А принимая во внимание, что последствия, сопряженные с опасностью для жизни, закреплены в составе умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, толкование увечья должно основываться на той же характеристике, которая представлена в ст. 111 УК РФ.

Подтверждение данному утверждению можно увидеть в судебной практике, где в большинстве случаев увечьем признаются следующие повреждения:

- 1) отсутствие правого глазного яблока¹;
- 2) деформация височной кости черепа;
- 3) слепота²;
- 4) травма грудного отдела;
- 5) раны морды;
- 6) травмы кожного покрова³.

Оценивая проанализированную судебную практику, следует отметить, что большинство повреждений, признаваемых увечьем, соответствуют этимологическому значению данного термина, предполагающему опасность для жизни животного. Однако в ряде случаев суды не детализируют повреждения, используя обобщенные формулировки. Подобное замечание касается, например, таких повреждений, как травмы кожного покрова, которые по своему характеру могут иметь различную степень тяжести. Следовательно, судам необходимо в приговоре более детально описывать характер причиненных повреждений, доказывая их опасность для жизни животного.

Кроме того, те правила и критерии определения степени тяжести вреда здоровью, которые в настоящее время действуют в отношении человека, нельзя признать приемлемыми для животных. Например, такие последствия, как потеря слуха, речи и т.д.

Соответственно, считаем обязательным при производстве предварительного расследования привлекать специалистов-ветеринаров, которые бы решали вопрос о том, опасно ли причиненное повреждение для жизни животного. При положительном решении данного вопроса такое повреждение следует признавать увечьем, а действия квалифицировать по ст. 245 УК РФ.

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 4 г. Ельца Елецкого городского судебного района Липецкой области. Дело №1-34/2015. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения 19.06.2019).

² Там же.

³ Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Курильского района. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения 19.06.2019).

Необходимо отметить, что использование в качестве доказательства заключения ветеринарного фельдшера либо его допрос имеет место в единичных примерах судебной практики.

Например, С. осужден по ч. 1 ст. 245 УК РФ за нанесение гвоздодером ударов по голове и туловищу животного, причинивших увечье. Факты повреждений согласно постановлению о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, подтверждаются актом ветеринарного фельдшера¹.

По другому уголовному делу К. повесил собаку за веревку, задушив ее. В судебном заседании были исследованы показания специалиста – ветеринарного врача, которая по фотографическим снимкам определила повреждения собаки².

По нашему мнению, следует признать подобную практику необходимой и использовать возможности и познания специалистов в лице ветеринаров по каждому уголовному делу, чтобы исключить сложности в оценке увечья животного, являющегося альтернативно-обязательным последствием в соответствии с ч. 1 ст. 245 УК РФ.

В научной литературе указывается, что если жестокое обращение с животными, заключающееся в нарушении правил их содержания, обращения с ними, использования животных в быту, на производстве и в научных исследованиях, зрелищных мероприятиях и т.д., не повлекли указанных последствий, такие деяния выпадают из сферы регулирования законодательства [7].

Думается данное утверждение верно только в той части, когда речь идет о наличии неконкретизированного умысла. В том же случае, если умысел конкретизирован и его наличие не вызывает вопросов у правоприменительных органов, наступление преступных последствий не препятствует вменению стадии покушения на жестокое обращение с животными.

4. Достаточно проблемным с практической точки зрения видится включение в диспозицию ст. 245 УК РФ цели в виде причинения боли и (или) страданий, поскольку, во-первых, понятия боли и страданий являются оценочными, которые устанавливаются в каждом конкретном случае на основании мнения потерпевшего. Каким образом установить наличие болевых ощущений у животного остается не ясным. Содержательная характеристика страданий в рамках ст. 245 УК РФ вообще в уголовном законе не определена. Несмотря на то, что в рамках ст. 117 УК РФ понятие страданий выступает в двух разновидностях: физическое и психическое, применительно к составу жестокого обращения с животными его содержание необходимо понимать исключительно в узком смысле, ограничивая физической составляющей, что объясняется невозможностью установления психических страданий у животного.

Таким образом, действующая редакция состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, вызывает сложности толкования объективных и субъективных признаков, что объясняется использованием в уголовном законе таких оценочных понятий, как «жестокое обращение», «увечье», а также включением в число обязатель-

¹ Постановление и.о. мирового судьи. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения 19.06.2019).

² Приговор 35-го гарнизонного военного суда г. П-Камчатского. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения 19.06.2019).

ных признаков субъективной стороны в виде преступной цели либо мотива совершения преступления. В связи с чем считаем необходимым разъяснить указанные оценочные понятия в постановлении Пленума Верховного суда РФ, а также исключить указание на цель совершения преступления из диспозиции ст. 245 УК РФ, что позволит унифицировать судебную практику и исключить различные подходы толкования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авдеева Л.В. Уголовно-правовая характеристика жестокого обращения с животными // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – № 3 (104). – С. 232–240.
2. Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 495 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения 19.06.2019).
4. Китаева В.Н. Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 268–278.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. // СПС Консультант плюс (дата обращения 19.06.2019).
6. Миллеров Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2006. – 198 с.
7. Осокин Р.Б. О необходимости совершенствования норм об ответственности за жестокое обращение с животными // Российская юстиция. – 2016. – № 2. – С. 71–74.
8. Осокин Р.Б. Отграничение жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений, смежных с ним по составу // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 2. – С. 91–97.
9. Плешаков А., Щерба С. уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Советская юстиция. – 1991. – № 2. – С. 21–27.
10. Савельева А.П. Уголовно-правовое противодействие жестокому обращению с животными: проблемы и пути решения // Актуальные проблемы науки и практики. – 2017. – № 3. – С. 100–104.
11. Талан М.В. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан.–М.: Статут, 2012. // СПС Консультант плюс (дата обращения 19.06.2019).
12. Яременко Н.Е., Майоров А.В. Перспективы российского законодательства в области противодействия жестокому обращению с животными // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 3 (10). – С. 72–77.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Avdeeva, L.V. Criminal characteristics of cruel treatment of animals // Bulletin of the RSUH. Series: Economy. Management. Law. - 2013. – № 3 (104). – P. 232–240.
2. Large legal dictionary. – M.: INFRA–M, 2001. – 495 p.

3. Efremova, T. F. New dictionary of the Russian language. Defining and word-building dictionary. – М.: Russkiy yazyk, 2000 [Electronic resource] URL: <https://www.efremova.info> (date of reference 06.19.2019).
4. Kitaeva, V.N. Some aspects of combating cruel treatment of animals // All-Russian Criminological Journal. – 2016. – V. 10. – № 3. – P. 268–278.
5. Comment to the Criminal Code of the Russian Federation / Ed. by A.V. Brilliantov. – М.: Prospekt, 2015 // Legal reference system ConsultantPlus (date of reference: 06.19.2019).
6. Millerov, E.V. Protection of morality by criminal law: diss. ... Ph.D. – Rostov-on-Don, 2006. – 198 p.
7. Osokin, R.B. About the need to improve the rules on liability for cruelty to animals // Rossyskaya justiziya. – 2016. – № 2. – P. 71–74.
8. Osokin, R.B. The delimitation of criminal cruelty to animals from crimes and offenses related to them in composition // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – № 2. – P. 91–97.
9. Pleshakov, A., Shcherba, S. Criminal liability for cruelty to animals // Sovetskaya justiziya. – 1991. – № 2. – P. 21–22.
10. Savelieva, A.P. Legal action against criminal abuse of animal: problems and solutions // Actual problems of science and practice. – 2017. – № 3. – P. 100–104.
11. Talan, M.V. Criminal law of Russia. Special part: Textbook / Ed. by F.R. Sundurov, M.V. Talan.–М.: Statut, 2012 // Legal reference system ConsultantPlus (date of reference 06.19.2019).
12. Yaremenko, N.E., Mayorov, A.V. Prospects for Russian legislation in the field of combating cruelty to animals // Law and order: history, theory, practice. – 2016. – № 3 (10). – P. 72–77.

Ишигеев Владимир Степанович
профессор кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института
МВД России
заслуженный юрист Республики Бурятия,
профессор, доктор юридических наук
E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

Ishigeyev Vladimir S.
professor of the Department of Criminalis-
tics East-Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs Russia, Honored lawyer of
the republic of Buryatia, professor,
dr. legal sciences
E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

Романова Нелли Львовна
заведующая кафедрой уголовного права
Восточно-Сибирского филиала Российского
государственного университета правосудия
кандидат юридических наук
заслуженный юрист Иркутской области
E-mail: nellyromanova@mail.ru

Romanova Nelli Lvovna
candidate of juridical sciences associate
professor of the Department of Criminal
Law of the East-Siberian Branch of Russian
State University of Justice, honored lawyer
of Irkutsk region,
E-mail: nellyromanova@mail.ru.

Лапша Вадим Леонидович
аспирант кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Байкальского государственного университета
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Lapsha Vadim L.
Graduat student, Chair of Criminal Law,
Criminology and criminal process,
Baikal State University,
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СТАТЬИ 210¹ УК РФ)

Введение: в статье рассматриваются особенности структуры «криминального мира» с позиции уголовного закона. В этой связи подчеркивается практическая необходимость и актуальность законодательного определения понятия, используемого при применении новой нормы ст. 210¹ УК РФ, в том числе в отношении лидеров разных криминальных групп. Отмечается, что в высших кругах криминальной среды существует свое деление лиц по определенным признакам в связи, с чем указывается на дискуссионность определения лица, указанного в исследуемой статье, применительно к низшим слоям преступного общества. Кроме того, определение роли каждого из лиц в криминальной среде без их общего определения, не предусматривает уголовную ответственность данных лиц на занятие ими своего положения в рассматриваемом аспекте.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составило уголовное законодательство РФ. Применялись современные общенаучные методы познания социальных процессов и явлений.

Результаты исследования: исследовав дискуссионную норму с позиции теории и практики применения уголовного закона, авторы обосновывают собственную точку зрения о необходимости практического разъяснения понятия, составляющего основу новой нормы (ст. 210¹ УК РФ) в целях ее эффективного применения.

Выводы и заключения: полученные авторами результаты исследования могут послужить научным обоснованием при толковании понятия, используемого в ст. 210¹ УК, а также и при составлении разъяснения высшего судебного органа в части основного понятия, выражающего уголовно-правовой запрет. Также выявленные авторами дискуссионные положения нормы в рассматриваемом аспекте могут послужить основой для последующих научных исследований в части устанавливаемого уголовным законом запрета.

Ключевые слова: уголовный закон, криминальная субкультура, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, субъект преступления, уголовная ответственность.

CRIMINAL THE SUBCULTURE AND ITS ROLE IN DETERMINING THE HIGHEST PROVISIONS IN CRIMINAL HIERARCHY (ISSUES QUALIFICATIONS IN THE ARTICLE 210¹ THE RUSSIAN CRIMINAL CODE).

Introduction: The article discusses the features of the structure "criminal of the world" with the position of the criminal law. In this regard, practical emphasized the need and actuality legislative definition of the concept used in the application of the new rules article 210¹ UK Russia, including in respect of the leaders of the criminal different groups. It is noted that in higher circles criminal environment there is his division individuals at certain characteristics in connection with than indicated on discussion definition of the face of the specified in investigated article in relation to nishie the layers criminal companies. In addition, the definition of the role of each of individuals in criminal environment, without their general definition not provides for criminal liability data individuals for lesson them its position in the considered aspect.

Materials and methods: regulatory framework of the study made up: criminal law of the Russian Federation. Was used modern general scientific methods of knowledge social processes and phenomena. Held analysis . R. the result of the study was the fact that the author given the modern state innovations in criminal law leads reasonable, own research point of view on the need practical clarification of the concept component the basis of the new rules (article 210¹ UK Russia) in order her effective use.

Results of the study: examined the discussion normal with the position of the theory and practice of the use of the criminal law, the authors justify their own point of view on the need practical clarification concepts, component the basis of the new rules (article 210¹ UK Russia) in order her effective use.

Findings and conclusions: received by the authors of the results of the study can serve as scientific justification when interpretation used in (article 210¹ UK Russia) , as well as and when compiling clarification of the supreme court on in part the main concepts, expressing criminal legal ban. Also identified by the authors discussion the provisions of the norm in the considered aspect can serve as the basis for subsequent scientific research in part set criminal law ban.

Key words: criminal law, criminal the subculture, face, occupying the highest position in criminal hierarchy, the subject of a crime, criminal liability

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46 в УК РФ введена уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии – ст. 210¹, тем самым законодатель признал наличие «преступного профессионального мира», где имеются лица, занимающие высшее положение в преступном сообществе. Таким образом, исходя из законодательного определения данной нормы, можно говорить о специальном субъекте, который должен обладать определенными признаками, для того чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности (а именно, субъект должен занимать высшее положение в преступной иерархии).

По справедливому мнению И. В. Смольковой, «состав преступления представляет собой законодательное описание преступления. При оформлении составов законодатель всегда исходит из сущности и содержания общественно опасного деяния, что выражается в формулировках составов» [5, с. 72]. Таким образом, состав преступления, рассматриваемый как совокупность установленных уголовным законом юридических признаков, правильнее элементов, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление, сегодня является единственным основанием уголовной ответственности.

В настоящее время в России нет документа, определяющего правовое положение лиц в преступной иерархии, а также комментария Верховного суда, определяющего данный статус.

Каким образом практические работники правоохранительных органов и суда должны определить высшее положение субъекта в «преступной иерархии»?

На этот вопрос отвечает известный криминолог Л. М. Прокументов: «без осуществления специального криминологического, социально-психологического исследования без самих преступников и преступной среды это не представляется возможным» [1, с. 14].

Именно «криминальная субкультура преступного мира» определяет правовой статус лиц, их жизнь и поведение в преступной среде. Уголовно-криминальные обычаи и традиции стали своеобразными законами, объективно способствовавшими организованности профессиональных преступников.

Именно неформальные законы криминальной среды и стали своеобразным базисом организованной преступности в бывшем СССР и неотъемлемыми ее элементами появились воры в законе – специфическое объединение, характерное для России и стран СНГ, своеобразное сословие в преступной иерархии, занимающее высшее положение, определяющее идеологию преступности.

Следует заметить, что словосочетание «вор в законе» употребляли неверно, так как в уголовной среде они именуется просто – вор, свой честняга, а в обращении друг к другу – брат. Словосочетание употребляется работниками правоохранительных органов, в художественной, публицистической литературе.

Дореволюционные криминалисты А. Ф. Кошко, В. И. Лебедев и другие не применяли его.

Появление словосочетания «воров в законе», по мнению ветеранов уголовного отдела и системы ФСИН, а также доктора юридических наук А.И. Гурова, относится к 30-м гг. XX в., так как в этот период в местах лишения свободы в связи с репрессиями произошли изменения в структуре заключенных.

Наиболее многочисленной категорией осужденных, имеющих определенные традиции, правила поведения, свою идеологию, были воры – профессионалы, которых еще с дореволюционных времен выделяли от политических и захватчиков власти в исправительных колониях. Наиболее авторитетных из них стали именовать ворами-законниками.

По данным криминологов [2; 4] прием в сообщество воров является сложной процедурой. Принимали тех, кто имел судимость, пользовался авторитетом в уголовной среде, прошел своеобразный «кандидатский стаж» (будущего кандидата в воры называют «стремящимся»), собирал соответствующие рекомендации [1].

Также «криминальная субкультура» определяет правовой статус лиц, имеющих отношение к преступной среде. В основе правового положения придерживающихся традиций и обычаев «преступного мира» лежат соответствующие «страты», действующие в местах лишения свободы и одновременно в условиях свободы. На вершине пирамиды находится «вор», на втором месте «смотрящий», затем «мужики», «шестерки», «опущенные». В отсутствие вора в местах лишения свободы, а также на определенной территории его обязанности по соблюдению правил, обычаев, осуществлению «правосудия» возлагаются на «смотрящего», назначаемого «вором в законе» из числа осужденных, придерживающихся «криминальной субкультуры», которые в этот период проходят своеобразный кандидатский стаж для избрания на высшую ступень преступной иерархии.

Напрашивается вопрос: является ли «смотрящий» при отсутствии вора в местах лишения свободы или на определенной территории лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии?

Несмотря на то, что в России активно ведется борьба с криминальной идеологией, разоблачаются мифы и легенды о лидерах преступной среды, криминальная субкультура и преступный мир активно вторгаются в молодежную субкультуру. Так, с 2015 г. в ряде регионов страны активно распространяется движение «АУЕ» (арестантский уклад един), которое полностью копирует страты, присущие исправительным колониям, где имеются «воры», «смотрящие», «шестерки», «опущенные».

В настоящее время наблюдается тенденция назначения «смотрящим» лиц, ранее не судимых, не отбывавших наказание в местах лишения свободы, но являющихся лидерами молодежной среды.

В 2018 г. группа молодежи с криками «АУЕ» во главе со «смотрящим» Жданчиком в г. Петровск-Забайкальский совершила нападение на воинский эшелон, часовой применил оружие, в результате чего Жданчик был убит.

В социальных сетях Забайкальского края обсуждался вопрос: кто же теперь местную молодежь будет под контролем держать.

Напрашивается вопрос: является ли «смотрящий» Жданчик лидером, занимающим высшее положение в «преступной иерархии»?

В самом низу криминальной пирамиды располагается многочисленная и забитая категория «обиженных или опущенных» [1, с. 182]. Это лица, подвергнутые насильственному гомосексуализму, несовершеннолетние, в отношении которых применяются развратные действия, а также иные лица, совершившие проступки, запрещенные в криминальной субкультуре осужденных.

Среди данной категории осужденных также существует определенная стратификация, аналогичная общей криминальной субкультуре, где есть свои авторитеты («главпетухи отряда»), «шерстяные», «борзые», «опущенные» и т.д. Они приспосабливают блатные законы и традиции к своей среде, устанавливают новые правила. По жестокости и бескомпромиссности их нормы поведения значительно превосходят общеуголовные правила.

Напрашивается вопрос: относится ли лидер «отверженных» к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии?

Лидеры данной среды являются основными участниками при совершении насильственных половых преступлений, выделяют членов своей группировки другим осужденным для удовлетворения половых потребностей, а также принимают заказы на совершение убийств и других преступлений («торпед-исполнителей»).

В настоящее время в местах лишения свободы сложилась группировка из числа опущенных мусульман, являющихся последователями радикального ислама, не признающих криминальную субкультуру, возглавляемая «старшим по мечети». Столкновения между ваххабистами «из джамаатов» и лидерами, придерживающихся общеуголовных традиций, уже были [5].

Относятся ли лидеры «ваххабистов» к занимающим высшее положение в «преступной иерархии»?

В связи с появлением в УК РФ ст. 210¹ необходимо постановление Пленума Верховного суда РФ, разъясняющее понятие – занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, а также внесение дополнения в ст. 33 УК РФ, где предусмотреть наряду с «организаторами» «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»; определить возможности доказывания современными средствами данного состава.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гуров А. И. Красная мафия. – М., 1995. – 328 с.
2. Ишигеев В. С. Криминальная субкультура мест лишения свободы и ее взаимосвязь с организованной преступностью // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Вып. 2. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. – С. 74–83.
3. Ишигеев В. С. Исламский экстремизм в местах лишения свободы как объект исследования и противодействия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 1 (84). – С. 178–181.

4. Прокументов Л. М. Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участия (в ней) // Уголовная юстиция. – 2016. – № 1 (7). – С. 10–15.

5. Смолькова И.В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 428 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gurov A. I. Red mafia. – Moscow, 1995. – 328 p.

2. Ishigeev V. S. Criminal subculture of places of deprivation of liberty and its relationship with organized crime // Problems of fighting organized crime and corruption. Issue 2. – Irkutsk: bsuep Publishing house, 2004. – Pp. 74–83 (in Russian).

3. Ishigeev V. S. Islamic extremism in places of deprivation of liberty as an object of research and counteraction // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.–2018– Vol. 84. – No.1 – Pp. 178-181 (in Russian).

4. Prozumentov L. M. Criminal-legal problems of counteraction to the organization of a criminal community (criminal organization) or participation (in it) // Criminal justice. – 2016. – Vol. 7. – No 1. – Pp. 10–15.

5. Smolkova I. V. The accused's Confession of guilt: evidentiary and legal significance: monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2017. – 428 p.

Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

УДК 343.84

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10033

Кашуба Юрий Анатольевич

профессор кафедры уголовно-исполнительного права
Академии ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
E-mail: koshianatol@yandex.ru

Kashuba Yuri Anatolyevich

professor of the department of penal law
FKOU VO Academy of the Federal penal
service of Russian Federation
doctor of law, professor
E-mail: koshianatol@yandex.ru

Соколов Александр Анатольевич

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России
E-mail: sasha_sokol95@mail.ru

Sokolov Alexander Anatolyevich

FKOU VO Academy of the Federal penal
service of Russian Federation
adjunct of the faculty of training of scientific
and pedagogical personnel
E-mail: sasha_sokol95@mail.ru

ВИДЫ ИНЫХ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Введение: в статье рассматриваются различные основания освобождения от отбывания наказания, предусмотренные законом, подпадающие под понятие «иные». Отдельно отмечаются основания, на которые ранее не обращалось должного внимания.

Материалы и методы: анализируются источники права, затрагивающие вопросы применения иных оснований освобождения от отбывания наказания, их доктринальное и официальное толкование, судебная практика. Сравняются различные правовые позиции относительно природы и содержания иных оснований освобождения от отбывания наказания. С целью систематизации знаний, полученных в ходе исследования, а также для более четкого, структурированного подхода к изучению института иных оснований освобождения от отбывания наказания в дальнейшем они обобщаются и классифицируются на основе имеющихся в науке подходов.

Результаты исследования могут быть использованы в научной, учебной и практической деятельности. Предложенная классификация позволит в дальнейшем закономерно и обоснованно применить соответствующую правовую норму.

Выводы и заключения: институт иных оснований освобождения от отбывания наказания недостаточно рассмотрен в современной юридической науке. С целью устранения существующих пробелов и коллизий в правовом регулировании исследуемой группы норм требуются изменения в некоторые нормативно-правовые акты, регулирующие освобождение от отбывания наказания.

Ключевые слова: иные основания освобождения от отбывания наказания, классификация иных оснований освобождения, освобождение от отбывания наказания, освобождение от наказания; обратная сила закона, коллизии в уголовно-исполнительном праве.

TYPES OF OTHER GROUNDS FOR EXEMPTION FROM SERVING A SENTENCE AND THEIR CLASSIFICATION

Introduction: this article discusses various grounds for exemption from serving a sentence provided by law, which fall under the concept of "other". Special attention is paid to the grounds that were not previously paid due attention.

Materials and methods: the author analyzes the sources of law that affect the application of other grounds for release from serving a sentence, their doctrinal and official interpretation, and judicial practice. Various legal positions are compared regarding the nature and content of other grounds for release from serving a sentence. In order to systematize the knowledge obtained in the course of the research, as well as for a more clear, structured approach to the study of the institute of other grounds for release from serving a sentence in the future, other grounds for release from serving a sentence are generalized and classified on the basis of available scientific approaches.

The results of the research can be used in scientific, educational and practical activities. The proposed classification will make it possible to legally and reasonably apply the relevant legal norm in the future.

Findings and conclusions: the institute of other grounds for release from serving a sentence has not been sufficiently considered in modern legal science. In order to eliminate the existing gaps and conflicts in the legal regulation of the studied group of norms, changes are required in some normative legal acts regulating the release from serving a sentence.

Key words: other grounds for exemption from serving a sentence, classification of other grounds for exemption, exemption from serving a sentence, exemption from punishment, retroactive force of law, conflicts in penal law.

Уголовно-исполнительные правоотношения в РФ регулируются нормами смежных отраслей права. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее – УИК РФ) нормой права, соединяющей в себе отсылочный и бланкетный способ изложения, является ст. 172, а именно п. «ж», предписывающий для освобождения от отбывания наказания применять «иные основания, предусмотренные законом». Формулировка обязывает правоприменителя знать не только законы во всех областях права, затрагивающих интересы лиц, осужденных за совершение преступления, но и подзаконные нормативные акты (прежде всего, имеется в виду освобождение от отбывания наказания при приведении приговора в соответствие с изданием правового акта, улучшаю-

щего положение лица, например, Постановление Правительства РФ (далее – ПП РФ) от 07.02.2006 № 76). Сделать такой вывод представляется возможным ввиду соответствующей судебной практики, например, Определение надзорной инстанции Верховного суда РФ от 18.11.2013 г. № 29-Д13-8. Ранее исправительно-трудовым законодательством выделялось освобождение «по другим основаниям, предусмотренным законом», например, ст. 98 ИТК РСФСР, ст. 108 ИТК Украинской ССР, ст. 107 ИТК Киргизской ССР и др. [3, с. 55]. Указанные основания, на наш взгляд, недостаточно разработаны в юридической литературе, поэтому актуальным является анализ указанной группы норм.

Законно и обоснованно применить правовую норму помогают специальные разъяснения. В юридической науке предусмотрено несколько видов толкования: официальное (аутентичное и легальное) и неофициальное (обыденное, компетентное и доктринальное) [7, с. 548]. Применительно к рассматриваемой норме права, существующего официального толкования в виде постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – ПП ВС РФ), таких как ПП ВС РФ от 21.04.2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», ПП ВС РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», ПП ВС РФ от 11.01.2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих производство в надзорной инстанции», ПП ВС РФ от 20.12.2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», а также иных федеральных законов и подзаконных нормативно-правовых актов недостаточно для конкретизации института иных оснований освобождения от отбывания наказания. Существующие доктринальные разъяснения в виде комментариев к УИК РФ, на наш взгляд, имеют несистемный характер и требуют дополнения, расширения, приведения к общему виду.

Так, под иными основаниями освобождения от отбывания наказания ученые выделяют следующие [4]:

- 1) изменение уголовного закона, которое улучшает положение осужденного (ст. 10 УК РФ);
- 2) освобождение от отбывания оставшейся неотбытой части наказания лиц, к которым ранее была применена отсрочка отбывания наказания (ч. 3 ст. 82 и ч. 3 ст. 82.1 УК РФ);
- 3) постановление прокурора об освобождении из мест лишения свободы лица, содержащегося там без законных оснований (ч. 2 ст. 33 федерального закона от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» – далее ФЗ «О прокуратуре РФ»);
- 4) отмена приговора с прекращением уголовного дела (гл. 18 УПК РФ) [5, с. 321];
- 5) освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ);
- 6) освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ).

Представляется возможным согласиться с С.И. Кургановым по вопросу, касающемуся освобождения несовершеннолетних от наказания, и добавить в перечень иных оснований освобождения от отбывания наказания такой институт, как применение мер воспитательного характера после вступления в законную силу приговора суда (ст. 92 УК РФ), основания для которого могут возникнуть вследствие пересмотра категории совершенного преступления (ст. 15 УК РФ) уже в процессе отбывания наказания [6, с. 104]. Отдельно следует отметить подход в определении условного осуждения как специфического вида освобождения от фактического отбывания наказания [3, с. 57]. Данный институт в последние годы часто подвергается критике, в связи с этим меняется его теоретическое значение. Представляется возможным воспринимать его как условное неприменение наказания и относить также к иным основаниям освобождения от отбывания наказания.

Изучение норм различных отраслей права позволяет сделать вывод, что в юридической литературе малоупотребительно соотношение с иными основаниями, предусмотренными законом таких институтов, как освобождение от отбывания наказания вследствие изменения приговора, определения, постановления суда (ч. 3 ст. 401¹⁶ УПК РФ) со снижением сроков наказания до пределов отбытого (п. 2 ч. 6 ст. 302 УПК РФ); освобождение от отбывания наказания при пересчете сроков содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу (ст. 72 УК РФ), освобождение от отбывания наказания военнослужащим (ст. 148 УИК РФ). Следует отметить, что вышеперечисленные нормы права также могут применяться на стадии отбывания наказания и фактически являются видами иных оснований освобождения от отбывания наказания.

Пункт «ж» ст. 172 УИК РФ устанавливает, что названные в нем условия не являются исчерпывающими, следовательно, фактически содержат открытый перечень оснований освобождения от отбывания наказания. Вышеуказанные пробелы в правовом регулировании (недостаточный объем официального толкования, отсутствие единообразия доктринальных разъяснений в виде комментариев к УИК РФ) позволяют сделать вывод о необходимости классификации иных оснований освобождения от отбывания наказания. Представляется, что классификация иных оснований освобождения от отбывания наказания в дальнейшем поможет устранить рассмотренную межотраслевую коллизию и позволит правильно и точно применять рассматриваемые группы норм. Авторами представлен новый подход к рассмотрению такой классификации.

Исследование оснований освобождения от отбывания наказания занимались такие ученые, как С.В. Данелян, С.И. Зельдов, А.С. Михлин, Ю.М., Ткачевский и др. С учетом их работ предлагаем выделить следующие критерии классификации иных оснований освобождения.

1. Различные способы толкования норм права позволяют предложить первый критерий для классификации – *вид нормативно-правового акта*, предусматривающий основание для освобождения от отбывания наказания, что обусловливается формулировкой исследуемой нормы. Термин «закон», используемый в п. «ж» ст. 172 УИК РФ, содержит конкретные признаки документа, имеет узкое значение. Обратим внимание непосредственно на УИК РФ (ст. 148 гл. 21), УК РФ (глава 12), Кодекс об админи-

стративных правонарушения РФ (при введении в него деяния, ранее содержавшего в себе признаки уголовного преступления, например, федеральным законом от 03.07.2016 № 326-ФЗ введена ст. 6.1.1, предусматривающая административную ответственность за деяния, ранее содержащие признаки состава преступления (ст. 116 УК РФ), в связи с данным фактом необходимо освобождение от отбывания уголовного наказания лиц, осужденных по данной статье в соответствии со ст. 10 УК РФ). Особо отметим правовые акты, не являющиеся законами: ПП ВС РФ, разъясняющее для судов вопросы применения конкретных законов в их деятельности; ПП РФ, регулирующие общественные отношения и устанавливающие условия функционирования государственных органов и общества. Например, при увеличении предельного размера наркотических средств, именуемого крупным, вступает в действие такое основание освобождения от отбывания наказания, как обратная сила закона (ст. 10 УК РФ) [1, с. 51] (Кассационное определение ВС РФ от 5.06.2014 г. № 18-Д14-14, Кассационное определение ВС РФ от 3.04.2014 г. № 29-УД14-1, Определение ВС РФ от 22.10.2007 г. № 83-Д07-18).

2. Следующим критерием классификации выступает возможность такого освобождения в зависимости от соответствующей *временной стадии их применения*. Следует различать освобождение на стадии назначения наказания и на стадии отбывания наказания. Указанные стадии прослеживаются в УК РФ (глава 12 «Освобождение от наказания») и УИК РФ (глава 21 «Освобождение от отбывания наказания»). Стоит отметить, что фактическое содержание некоторых положений указанных институтов может отличаться от названия соответствующих статей кодексов. Так, например, освобождение от наказания, предусмотренное для применения до начала исполнения приговора (отсрочка от отбывания наказания), применяется в отношении мужчины, уже отбывающего наказание, в связи с изменением правового статуса данного лица, а именно, если он стал единственным родителем ребенка в возрасте до 14 лет.

Закрепленное в УПК РФ положение об освобождении от отбывания наказания даже без фактического помещения осужденного в места отбывания наказания, например, при лишении свободы, принудительных работах (п. 4 ст. 311, ч. 3 ст. 308, п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) позволяет сделать вывод, что законодатель не придерживается четкого определения «освобождение от наказания» и «освобождение от отбывания наказания». Представленный подход к классификации позволит в дальнейшем использовать его для устранения межотраслевых коллизий указанного института.

3. Основания освобождения от отбывания наказания подразделяются некоторыми учеными на *условные и безусловные, предусмотренные УИК РФ* [8, с. 9; 2, с. 51]. В первом случае освобождение применяется в отношении лиц на определенных условиях, а во втором – независимо от их поведения и поступков. Соглашаясь с таким разделением, можно добавить, помимо видов оснований, предусмотренных УИК РФ, и основания, предусмотренные иным законом (например, ст. 10 УК РФ – безусловное, ст. 83 УК РФ – условное).

4. Выделяется критерий классификации, определяющий *полное или частичное освобождение от отбывания наказаний*. К первому относится окончание уголовно-исполнительных правоотношений между освобождаемым и учреждениями и органа-

ми, исполняющими наказание. К такому основанию следует отнести и освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора (ст. 83 УК РФ). Человек в связи с определением соответствующего суда становится абсолютно свободным. В отношении него отменяются какие-либо правовые последствия. Частичным же освобождением можно считать, например, освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ). Лицо юридически освобождается от отбывания наказания, но при этом может подвергаться принудительным мерам воспитательного воздействия.

5. *Наличие последствий освобождения от наказания* также является критерием классификации. Представляется возможным выделять основания освобождения от отбывания наказания, не влекущие наличие судимости, и требующие применения данного уголовно-правового института. К первым, например, относятся реабилитация осужденного, которая, по мнению Л.К. Айвар [5, с. 321], является видом иного основания освобождения от отбывания наказания, и применение обратной силы закона. Судимыми же считаются лица, освободившиеся из мест лишения свободы по другим основаниям.

6. Отмечается еще один критерий, основанный на использовании смежных понятий «право» и «законный интерес» [6, с. 99]. Важным является тот факт, что в правоотношениях субъективное право (осужденного), с одной стороны, порождает юридическую обязанность (администрации учреждений) – с другой, в отличие от законного интереса, где присутствует усмотрение (администрации). Правоприменителю необходимо знать, при наступлении каких обстоятельств государственные органы обязаны подать ходатайство, возбудить производство и в итоге освободить лицо, отбывающее наказание, для недопущения нарушения его прав. Согласно данному критерию – *обязательности исполнения* – виды оснований освобождения от отбывания наказания подразделяют на: обязывающие и принятые к рассмотрению правоприменительными органами. К первому виду относятся, например, освобождение от отбывания наказания по представлению прокурора (ч. 2 ст. 33 ФЗ «О прокуратуре РФ»), освобождение от отбывания наказания при пересчете сроков содержания под стражей в СИЗО (ст. 72 УК РФ). Второй вид представлен освобождением лица – родителя (которому была предоставлена отсрочка отбывания наказания) ребенка, достигшего четырнадцатилетнего возраста (ч. 3 ст. 82 УК РФ). Следует также отметить освобождение осужденного от отбывания наказания вследствие вступления в законную силу закона, улучшающего его положение (ст. 10 УК РФ). Указанная норма имеет прочную конституционную основу и носит императивный характер [10, с. 37]. Данный тезис также находит свое закрепление в Постановлении Конституционного суда РФ № 4 от 2006 г. [9]. Однако в действующем законодательстве (ст. 397 УПК РФ) это основание является законным интересом, так как рассматривается по ходатайству осужденного (учреждения и органы, исполняющие наказание, имеют право подать представление, однако их прямая обязанность отсутствует). Приведенный факт, на наш взгляд, порождает возможность нарушения прав граждан и требует более детального рассмотрения и соответствующего изменения в уголовно-процессуальном законе.

Поскольку законодатель фактически оставляет открытым перечень оснований освобождения от отбывания наказания по иным основаниям и применяет ограничительное толкование понятия «закон», приводящее к межотраслевым коллизиям, то с учетом предлагаемой нами классификации возможна новая редакция п. «ж» ст. 172 УИК РФ: «иные основания, предусмотренные правовыми актами».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Горелик А.С. Освобождение от отбывания наказания. – М.: ПРИ, 2007. – 116 с.
2. Данелян С.В. Освобождение от отбывания наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации (теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006. – 180 с.
3. Кашуба Ю.А. Иные основания освобождения от отбывания наказания // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4. – С. 55–59.
4. Комментарий к УИК РФ (Постатейный) / под общ. ред. В.И. Селиверстова. – М.: Проспект, 2011. – 448 с.; Постатейный научно-практический комментарий к УИК РФ / под общ. ред. А.Я. Гришко; науч. ред. С.Я. Лебедев. – М.: Илекса, 2005. – 676 с.; Комментарий к УИК РФ / Ю.В. Белянинова, С.В. Великанова, Л.В. Дудкина. – М.: Экзамен, 2006. – 576 с.
5. Комментарий к УИК РФ / под общ. ред. И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2006. – 448 с.
6. Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 192 с.
7. Марченко М.Н. Дерябина Е.М. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. – 2-е изд. / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М.: Проспект, 2012. – 720 с.
8. Михлин А.С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – 152 с.
9. Постановление Конституционного суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «...в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // СПС Гарант (дата обращения 10.10.2019). – 36–40.
10. Соколов А.А. Некоторые вопросы применения обратной силы закона в отношении лиц, отбывающих уголовное наказание // Юрист Юга России и Закавказья. – 2019. – № 4. – С. 36–40.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gorelik A. S. Release from serving a sentence. – Moscow: PRI, 2007. – 116 p.
2. Danelyan S. V. Exemption from serving a sentence in the criminal legislation of the Russian Federation (theoretical, legislative and law enforcement aspects): dis. ... PhD in law. – Makhachkala, 2006. – 180 p.
3. Kashuba Yu. A. Other grounds for exemption from serving a sentence // Man: crime and punishment. – 2016. – No. 4. – С. 55–59.

4. Comment to the PEC of the Russian Federation (article-by-Article) / ed., doctor of law, Professor V. I. Seliverstov. – M.: Prospect. 2011. – 448 p.; Article-by-Article scientific and practical comment to the PEC of the Russian Federation / under the General ed. of doctor of law, Professor A. Ya. Grishko; scientific. edited by doctor of legal Sciences, Professor S. I. Lebedev. – M.: Ilex, 2005. – 676 p.; Comment to the PEC of the Russian Federation / team of authors Belyaninov Yu. V., Velikanova S. V., Dudkina L. V. – M.: Exam, 2006. – 576 p.

5. Review by the PEC of the Russian Federation / under the General editorship of doctor of legal Sciences, Professor I. L. Trunov. – Moscow: Eksmo, 2006. – 448 p.

6. Kurganov S. I. Punishment: criminal-legal, criminal-Executive and criminological aspects. – Moscow: TK Welby, Prospect, 2008. – 192 p.

7. Marchenko M. N. Deryabina E. M. Theory of state and law: educational and methodological guide. – 2nd ed. – Moscow: Prospect, 2012. – 720 p.

8. Mikhlin A. S. Problems of early release from serving a sentence. – Moscow: Institute of the Ministry of internal Affairs of the USSR, 1982. – 152 p.

9. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 20.04.2006 № 4–P "... in connection with the complaints of citizens A. K. Aizhanov, Yu. N. Alexandrov and others" // Access from the SPS Garant (accessed 10.10.2019)

10. Sokolov A. A. Some questions of applying the retroactive force of the law in relation to persons serving criminal sentences // Jurist of the South of Russia and Transcaucasia. – 2019. – No. 4.

Курсаев Александр Викторович
главный эксперт-специалист
Договорно-правового департамента
МВД России (г. Москва)
кандидат юридических наук
E-mail: kursaev@list.ru

Kursaev Alexander Viktorovich
chief expert-specialist of the Contract and
legal Department of the Ministry of internal
Affairs of Russia (Moscow)
candidate of law
E-mail: kursaev@list.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЗАВЕРШЕННОСТИ ДЕЯНИЯ

Введение: в статье рассматриваются правила квалификации использования рабского труда с учетом признания данного преступления оконченным/неоконченным. Раскрываются обстоятельства, при которых использование рабского труда может быть признано оконченным деянием. Предлагаются меры по дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за использование рабского труда с учетом времени совершения преступления.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют международное публичное право и уголовное законодательство Российской Федерации.

Методологической основой исследования послужили современные общенаучные методы познания социальных явлений и процессов (диалектический, индуктивный, дедуктивный, формально-юридический, сравнительно-правовой).

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные о количестве преступлений, зарегистрированных по ст. 127² (Использование рабского труда) УК РФ, материалы судебной практики Верховного суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции.

Результаты исследования позволяют сформулировать правила, при которых использование рабского труда может квалифицироваться в качестве оконченного преступления. Анализируются вопросы квалификации рассматриваемого деяния в качестве длящегося или продолжаемого преступления. Дается оценка подневольности как юридического состояния, являющегося конститутивным элементом преступления. Сформулированы предложения по совершенствованию рассматриваемой уголовно-правовой нормы с учетом длительности преступного посягательства. Рассуждения основываются на примерах из судебной практики, рекомендаций представителей юридической науки и могут быть использованы в процессе изучения уголовного права, криминологии и в правоприменительной деятельности.

Выводы и заключения: на основе анализа нормативных правовых актов и судебно-следственной практики делается вывод о значении протяженности во времени

использования рабского труда на квалификацию содеянного. Критерий времени обуславливает оценку преступного посягательства не только с позиций оконченного/неоконченного преступления, но и при оценке деяния в качестве преступного.

Ключевые слова: рабский труд, время совершения преступления, оконченное преступление, длящееся преступление, продолжаемое преступление.

QUALIFICATION OF THE USE OF SLAVE LABOR DEPENDING ON THE COMPLETION OF THE ACT

Introduction: the article discusses the rules of qualification of the use of slave labor, taking into account the recognition of this crime completed/unfinished. The circumstances under which the use of slave labor can be recognized as a finished act are disclosed. Measures are proposed for further differentiation of criminal liability for the use of slave labor, taking into account the time of the crime.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by public international law and criminal legislation of the Russian Federation.

The methodological basis of the study was the modern General scientific methods of cognition of social phenomena and processes (dialectical, inductive, deductive, formal-legal, comparative-legal).

The empirical basis of the study was statistical data on the number of crimes registered under article 127² (use of slave labor) of the criminal code, materials of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and courts of General jurisdiction.

The results of the study: allow us to formulate the rules under which the use of slave labor can be qualified as a finished crime. The article analyzes the issues of qualification of the considered act as a continuing or continuing crime. The assessment of servitude as a legal state, which is a constitutive element of the crime, is given. The proposals on improvement of the considered criminal law norm taking into account duration of criminal encroachment are formulated. Arguments are based on examples from judicial practice, recommendations of representatives of legal science and can be used in the process of studying criminal law and criminology and in law enforcement activity.

Findings and conclusions: on the basis of the analysis of normative legal acts and judicial and investigative practice, the conclusion is made about the significance of the length of time of the use of slave labor for the qualification of the offense. The time criterion determines the assessment of the criminal offense not only from the standpoint of the completed / unfinished crime, but also in assessing the act as criminal.

Key words: slave labor, the time of the crime, a completed crime, ongoing crime, the offense continued.

В Российской Федерации, несмотря на ее постулирование в качестве демократического и правового государства, сохраняются отдельные социальные явления, не характерные для современного общества и представляющие собой пережиток истории. Одним из таких феноменов является рабство и работорговля, негативные тенденции развития которых побудили законодателя к введению в 2003 г. за данное деяние, характерное для эпохи Древнего мира и Средневековья, уголовной ответственности путем дополнения уголовного закона отдельным составом преступления (ст. 127² УК РФ). По данным ГИАЦ МВД России, в Российской Федерации не было ни одного года, когда бы не регистрировалось данное преступление, что свидетельствует о распространенности случаев использования рабского труда и обоснованности установления уголовно-правового запрета за него:

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Зарегистрировано преступлений	8	20	19	35	10	8	15	17
Осуждено лиц	5	10	15	22	14	13	9	11
Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Зарегистрировано преступлений	17	13	7	4	21	6	1	4
Осуждено лиц	11	14	21	9	2	5	4	3

В ст. 127² УК РФ установлена уголовная ответственность за использование рабского труда, т. е. личного труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в том случае, если лицо по не зависящим от него факторам не может отказаться от выполнения работ (услуг).

Важным элементом правильной квалификации данного преступления является установление момента его завершения, при котором виновный полностью выполняет объективную сторону деяния. Названное положение обусловлено содержащимся в ч. 1 ст. 29 УК РФ требованием о том, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Преобладающей в уголовно-правовой науке является точка зрения, что состав использования рабского труда относится к числу формальных, в которых преступление считается оконченным в момент совершения деяния (действия или бездействия). В таком случае момент окончания преступления, предусмотренного ст. 127² УК РФ, обычно определяется как начало использования подневольного труда человека или как начало использования труда человека, находящегося в состоянии рабства, независимо от продолжительности эксплуатации [4, с. 115].

Развивая данный тезис, А. Галахова и Ю. Акимова отмечают, что использование рабского труда следует считать оконченным преступлением с момента, когда порабощенный человек начал принудительно трудиться. Достижение рабом каких-либо результатов трудовой деятельности (получение продукции), а равно использование результатов труда виновным на квалификацию содеянного не влияет, так как данные обстоятельства находятся за пределами состава преступления. Момент окончания

преступления с этими обстоятельствами не связывается [1, с. 28].

Однако в отношении анализируемого состава преступления крайне важным является установление подневольного состояния потерпевшего. Наличие состояния полневольности в отношении потерпевшего лица заключается в том, что выполнение работ или оказание услуг не зависит от собственной воли потерпевшего, который не может отказаться от их выполнения, при том, что названные работы (услуги) осуществляются по поручению виновного. Причины подневольного состояния находятся вне зависимости от воли и возможности собственного выбора со стороны потерпевшего (невозможность возвращения долга, отсутствие средств к нормальному существованию и т.п.).

В частности, профессор А.А. Арямов верно отмечает, что использование рабского труда предполагает как минимум совершение двух обязательных действий: 1) установление и обеспечение неизменности рабского состояния потерпевшего (за исключением случаев, когда установление такого состояния образует самостоятельный состав преступления, например, покупка человека); 2) присвоение результатов труда (услуг) человека, находящегося в рабстве. Оно может быть выражено как в форме непосредственного потребления такого труда (например, использование услуг проститутки, находящейся в рабстве, использование рабов на строительстве собственного дома и т.д.), так и в форме извлечения прибыли от рабского труда (например, от продажи товаров, произведенных лицами, находящимися в рабстве, и т.д.) [6, с. 392–393].

Отсутствие совокупности вышеуказанных обстоятельств исключает возможность квалификации деяния по ст. 127² УК РФ как использование рабского труда.

Так, приговором Медвежьегорского районного суда Республики Карелия от 20 октября 2010 г. по п. «а» и «в» ч. 2 ст. 127² и ч. 2 ст. 286 УК РФ осужден С. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Карелия, частично отменяя указанный приговор, отметила, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 127² УК РФ, состоит в использовании труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, когда лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). В российской норме об использовании рабского труда в качестве преступления понимается исключительно использование труда лица на положении раба. Вместе с тем С. в отношении опекаемых не осуществлял полномочия, присущие праву собственности. Находящиеся в психоневрологическом интернате больные в силу имеющихся у них психических заболеваний не могли отказаться от выполнения работ, не могли правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Причины невозможности отказа от выполнения работ не были в данном случае связаны с физическим или психическим насилием над потерпевшими, а явились следствием наличия у них психических заболеваний. Судебная коллегия приговор суда изменила, исключила осуждение С. по ст. 127² УК РФ, поскольку его действия по данному эпизоду обвинения не образуют состава преступления и полностью охватываются ч. 1 ст. 286 УК РФ.

С учетом вышеизложенного момент окончания использования рабского труда связан с фактическим использованием виновным рабского труда, если потерпевший

не может отказаться от выполнения работ или оказания услуг по причинам, не зависящим от его волеизъявления. Результативность трудовой деятельности со стороны подневольного лица, равно как количество затраченного им по требованию рабовладельца времени, не относятся к обстоятельствам, влияющим на квалификацию содеянного. Данный вывод обусловлен тем, что наличие воздействия на подневольного, подавляющего его волю, которое привело к осуществлению им принудительной трудовой деятельности, уже само по себе представляет серьезную общественную опасность, свидетельствующую о посягательстве на свободу труда и личную свободу потерпевшего. Названное деяние в силу указанных причин выступает в качестве достаточного основания для привлечения виновного к уголовной ответственности.

В связи с этим следует признать правомерным и криминологически обоснованным конструирование основного состава преступления по ст. 127² УК РФ в качестве формального.

На основании вышеизложенного следует согласиться с мнением И.С. Алихаджиевой и А.А. Жинкина о том, что в случае, если лицо – раб не приступил к труду, содеянное квалифицируется по правилам неоконченного преступления, поскольку для признания преступления окончанным недостаточно только факта принуждения. В качестве обязательного признака состава следует рассматривать и извлечение из потерпевшего выгоды в виде реального использования его трудовых возможностей. Требование об использовании труда подневольного человека обуславливает необходимость квалификации принуждения, не доведенного до конца по обстоятельствам, не зависящим от виновного, как покушения на использование рабского труда, т. е. по ч. 3 ст. 30 и ст. 127² УК РФ [8, с. 372].

При описании использования рабского труда используется стоимостный термин «труд», который в экономической теории связан с получением выгод материального, в том числе денежного характера. Однако применительно к ст. 127² УК РФ выгода может иметь и личный характер, например, в случае сексуальной эксплуатации потерпевшего со стороны виновного или третьих лиц.

Несмотря на то, что рассматриваемый состав преступления, связанный с использованием рабского труда, является по конструкции объективной стороны формальным, в юридической литературе ставится вопрос о возможности его длительного существования во времени, что выражается в отнесении его к числу длящихся или продолжаемых преступлений.

Так, А.А. Жинкин указывает, что «сам факт рабского труда независимо от срока эксплуатации признается окончанным преступлением. Преступление является длящимся и характеризуется непрерывным осуществлением его состава» [2, с. 20]. Аналогичного мнения придерживается и А.В. Хабаров [7, с. 152]. Учитывая, что основу длящегося преступления составляет непрерывно продолжающаяся реализация состава преступления после наступления момента его юридического окончания, данный тезис представляется верным.

А. Галахова и Ю. Акимова принципиально не возражая против определения использования рабского труда в качестве длящегося преступления, все же полагают, что с таким же успехом можно вести речь и о продолжаемом характере этого состава

преступления (например, когда одного и того же раба привлекают к труду периодически либо каждодневно, давая время для приема пищи и отдыха). В таком случае использование рабского труда одновременно является и длящимся, и продолжаемым посягательством, не образуя совокупности преступлений [1, с. 28].

Понимание использования рабского труда как длительного по времени преступления согласуется с определением рабства как состояния или положения человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них (п. 1 ст. 1 Конвенции относительно рабства, подписанной в Женеве 25 сентября 1926 г.). Наличие терминов «состояние», «положение» указывает на продолжительность по времени данных отношений, что они не исчерпываются однократным актом, выраженным в форме действия или бездействия.

В то же время такая полисемантичность в отношении использования рабского труда в качестве длящегося или продолжаемого преступления может привести не только к судебным ошибкам, но и имеет важное значение в оценке самого преступления.

Выделение длящихся и продолжаемых преступлений в уголовном праве объясняется тем, что в уголовном праве разграничиваются понятия «время совершения преступления» и «момент окончания преступления».

Как отмечает Н.Г. Иванов, моментом окончания длящегося преступления в юридическом смысле является момент совершения противоправного действия (бездействия), когда в содеянном уже имеется состав преступления, фактически же такое преступление окончено, когда виновный явился с повинной или преступление было пресечено [3, с. 404–405].

Указанный вывод следует из постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям»: длящимся преступлением является действие, влекущее за собой непрерывно осуществляемое преступное состояние или же как длительное несовершение действий, требуемых законом, под страхом уголовного преследования, а продолжаемым – преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление.

При использовании рабского труда на виновного какая-либо специальная обязанность нормативно не возлагается (в отличие, например, от уклонения от прохождения военной и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ), где обязанность прохождения военной или альтернативной гражданской службы предусмотрена отдельной ст. 59 Конституции Российской Федерации). В то же время действует общеправовая обязанность по соблюдению прав, свобод и законных интересов другого лица, в том числе право на свободу труда, личную свободу и свободу передвижения.

Исходя из этого, как было разъяснено Верховным судом СССР в названном постановлении, окончанием длящегося преступления будет момент прекращения преступного состояния, причем как в результате действий виновного, так и наступления каких-либо событий, препятствующих совершению преступления. Из этого понимания момента окончания длящегося преступления и следует исчислять срок давности по нему.

Таким образом, несмотря на отсутствие специальной обязанности по соблюдению правовых норм, использование рабского труда характеризуется наличием состояния подневольности для потерпевшего. Исходя из этого использование рабского труда представляет собой правовое состояние. В случае привлечения виновного лица к уголовной ответственности оканчивается именно преступное состояние, тогда как само преступление окончено гораздо раньше, раньше и имеется совокупность всех признаков состава преступления, необходимых и достаточных для привлечения к ответственности.

При продолжаемом же преступлении виновный совершает несколько тождественных противоправных актов, каждое из которых в отдельности является противоправным (например, несколько актов кражи деталей велосипеда в целях его сборки из похищенных деталей).

В случае же использования рабского труда таких тождественных противоправных актов нет, а имеет место правовое состояние.

В связи с этим мы полагаем, что использование рабского труда является только длящимся преступлением и относить его к разряду продолжаемых является неверным.

Часть 3 ст. 127² УК РФ в отличие от основного состава содержит материальный состав преступления и предусматривает наступление уголовной ответственности в случае общественно опасных последствий, выраженных в форме причинения по неосторожности смерти, тяжкого вреда здоровью потерпевшего или иных тяжких последствий.

Если причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшего не вызывает особых затруднений в судебно-следственной практике, то содержание иных тяжких последствий применительно к составу использования рабского труда требует дополнительного уяснения.

Иные тяжкие последствия представляют собой оценочное понятие, что требует их установления в каждом конкретном случае. Поэтому квалификация наступивших последствий в качестве тяжких для целей ч. 3 ст. 127² УК РФ должна учитывать все обстоятельства конкретного дела, касающиеся как объективной стороны, так и личности потерпевшего.

В качестве возможных примеров иных тяжких последствий в юридической литературе предлагается рассматривать смерть, самоубийство или психическое расстройство родственников потерпевшего, самоубийство потерпевшего, тяжкую болезнь близких родственников потерпевшего, обусловленную разлукой с ним, значительное ухудшение материального положения семьи потерпевшего, заболевание алкоголизмом, наркоманией, ВИЧ-инфекцией [4, с. 112].

Соответственно, деяние будет являться оконченным с момента наступления указанных последствий.

В качестве резерва для возможного совершенствования юридической конструкции ст. 127² УК РФ следует рассматривать то обстоятельство, что в нем не дифференцирована ответственность в зависимости от продолжительности использования рабского труда. В.А. Номоконов отмечает, что в российском

уголовном законодательстве время совершения преступления понимается в двух аспектах. Время может пониматься как продолжительность, длительность какого-либо деяния, измеряемая в единицах времени (ст. ст. 145¹, 337 УК РФ). Во втором случае время представляет собой определенный период, в течение которого происходит что-либо (ст. ст. 141, 142 УК РФ) [5, с. 367].

Время совершения преступления может оказывать существенное влияние как на признание деяния в качестве преступного, так и на характер и степень общественной опасности преступного посягательства.

Нам представляется целесообразным дифференцировать ответственность по ст. 127² УК РФ с учетом длительности эксплуатации рабского труда. Указанное обусловлено тем, что продолжительность преступного деяния в виде действий виновного по оказанию негативного непосредственного влияния на потерпевшего свидетельствует о большей общественной опасности деяния. Продолжительность преступного воздействия свидетельствует о большей интенсивности деяния, что является основанием либо для криминализации деяния, либо для конструирования квалифицированного состава. В качестве возможных примеров можно привести ст. 145¹ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» УК РФ, в которой продолжительность невыплаты социального платежа является конструктивным признаком состава, ст. 337 «Самовольное оставление части или места службы» УК РФ, где продолжительность неявки (более или менее 10 суток, а также свыше одного месяца) учитывается для квалификации деяния по основному, квалифицированному или особо квалифицированному составу.

В связи с этим полагаем возможным дополнить ч. 2 ст. 127² УК РФ новым квалифицированным составом, установив повышенную ответственность за использование рабского труда продолжительностью свыше 180 дней.

Указанная законодательная новелла позволит учитывать длительность преступного воздействия на потерпевшего при назначении наказания за использование рабского труда.

Таким образом, правильное понимание времени совершения преступления в составе использования рабского труда имеет важное значение для квалификации данного преступления и соблюдения принципа субъективного вменения в отношении виновного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Галахова А., Акимова Ю. Актуальные вопросы использования рабского труда // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 24–28.
2. Жинкин А.А. Торговля людьми и использование рабского труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – 25 с.
3. Иванов Н.Г. Курс уголовного права. Общая часть. – М.: Проспект, 2020. – 784 с.
4. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В.М. Лебедева: отв. ред. А.С. Галахова. – М.: Городец, 2009. – 1168 с.

5. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 1133 с.
6. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2014. – 680 с.
7. Хабаров А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Ч. 1. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. – 517 с.
8. Энциклопедия уголовного права. Т. 14: Преступления против свободы, чести и достоинства личности.– СПб.: Изд. В.Б. Малинина, 2010. – 630 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Galakhova A., Akimova Yu. Topical issues of the use of slave labor // Criminal law. – 2007. – No. 4. – P. 24–28.
2. Zhinkin A.A. Trafficking in human beings and the use of slave labor: abstract. Cand. the faculty of law. Sciences. – Krasnodar, 2006. – 25 p.
3. Ivanov N.G. course of criminal law. Common part. – Moscow: Prospect, 2020. – 784 p.
4. Special part of the Criminal code of the Russian Federation: commentary, judicial practice, statistics / Under the General editorship of V.M. Lebedev: resp. ed. A.S. Galakhova. – Moscow: Gorodets, 2009. – 1168 p.
5. A full course of criminal law / Under the editorship of A.I. Korobeev. Т. I: Crime and punishment. – SPb.: Law center Press, 2008. – 1133 p.
6. Crimes against the person in the criminal law of Belarus, Russia and Ukraine / Rev. editor A.I. Chuchaev. – Moscow: Prospect, 2014. – 680 p.
7. Khabarov A.V. Criminal law of the Russian Federation. Special part. Part 1. – Tyumen: Publishing house of the Tyumen state University, 2005. – 517 p.
8. Encyclopedia of criminal law. Т. 14: Crimes against freedom, honor and dignity of the person. – SPb.: Ed. V.B. Malinina, 2010. – 630 p.

Ларионова Елена Юрьевна
начальник кафедры информационно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института
МВД России
доктор химических наук, доцент
E-mail: lari555@mail.ru

Larionova Elena Yuryevna
Head of the Department of Information
and Legal Disciplines of the East-Siberian
Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia
Doctor of chemistry, Associate Professor
E-mail: lari555@mail.ru

Фидель Екатерина Сергеевна
преподаватель кафедры иностран-
ных языков и культуры речи
Восточно-Сибирского института
МВД России
E-mail: Smile24Kate@gmail.com

Fidel Ekaterina Sergeevna
Lecturer, Department of Foreign Languages
and Speech Culture of the East-Siberian
Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia
E-mail: Smile24Kate@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Введение: коррупционные проявления представляют повышенную общественную опасность, поскольку они приводят к укреплению организованной преступности, ее сращиванию с государственным аппаратом. В статье осуществлено прогнозирование преступлений коррупционной направленности с применением методов математического моделирования, что обуславливает практическую значимость исследования и его прикладной характер.

Материалы и методы: методологическую основу работы составляют статистические подходы, методы аппроксимации и интерполяции, примененные для анализа статистических данных отчетов, представленных в традиционной табличной форме, не отражающей аналитические зависимости исследуемых показателей.

Результаты исследования: в статье рассмотрен метод интервального прогнозирования, в рамках которого проведена аппроксимация динамики коррупционных преступлений с помощью трендовых моделей различного уровня по данным отчетов ГИАЦ МВД России за 2003–2019 гг.

Выводы и заключения: показано что, для аппроксимации процессов динамики преступлений временного ряда наиболее предпочтительно использование многофакторной полиномиальной функции. Вместе с тем аппроксимацию процессов кор-

рупционной направленности предпочтительно осуществлять только с использованием многофакторной полиномиальной модели не ниже полинома третьей степени.

Ключевые слова: коррупционные преступления, социальные явления, криминологические показатели, статистические методы, аппроксимация, прогнозирование, трендовые модели.

APPLICATION OF MATHEMATICAL MODELING METHODS FOR FORECASTING CRIMES OF CORRUPTION DIRECTION

Introduction: corrupt practices have an increased social danger, since they lead to the strengthening of organized crime, its merging with the state apparatus. In this work, forecasting corruption-related crimes is using mathematical modeling methods, which determines the practical significance of the study and its applied nature.

Materials and methods: the methodological basis of the work is composed of statistical approaches, approximation and interpolation methods used to analyze statistical data of reports presented in a traditional tabular form that does not reflect the analytical dependencies of the studied indicators.

Results of the study: in this article we consider the method of interval forecasting, in terms of which the dynamics of corruption crimes was approximated using trend models of various levels according to the reports of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2003–2018.

Findings and conclusions: it is shown that, to approximate the processes of the dynamics of crimes of the time series, it is most preferable to use a multivariate polynomial function. At the same time, it is preferable to approximate corruption-oriented processes only using a multivariate polynomial model not lower than a polynomial of the third degree.

Key words: corruption crimes, social phenomena, criminological indicators, statistical methods, approximation, forecasting, trending models.

Коррупция – сложное социальное явление появившиеся еще в глубокой древности, которое в настоящее время продолжает царствовать в современном мире, нанося ущерб материальным и духовным ценностям человечества. За весь период существования коррупции с ней ведется непрерывная борьба [1, 4, 5].

Сегодня как защиту от коррупционных посягательств можно рассматривать основные конституционные права и свободы гражданина, представленные в Конституции Российской Федерации: принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19), неприкосновенность частной жизни (ст. 23), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), на образование (ст. 43).

31 июля 2008 г. Президентом РФ утверждается Национальный план противодействия коррупции, которым было предусмотрено принятие федерального закона «О

противодействию коррупции». Данный закон был подписан Президентом РФ 25 декабря 2008 г. Далее издается целый пакет антикоррупционных указов, определивших порядок представления, проверки и публикации сведений о доходах и имущественном положении государственных служащих, а также общие принципы их служебного поведения.

Отдельное внимание хотелось бы уделить принятой указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Коррупция в Стратегии рассматривается как одна из основных угроз государственной и общественной безопасности. Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности в Стратегии обозначены:

- усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности;
- совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями;
- развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом;
- повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации;
- эффективность защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности.

Еще один не менее значимый документ – это указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. N 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». Все мероприятия, включенные в Национальный план, направлены на решение задач, таких как:

- совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции; совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг;
- совершенствование порядка осуществления контроля за обеспечением полноты и прозрачности представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;
- повышение эффективности просветительских, образовательных и ряда других мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих;
- популяризация в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания;
- совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере бизнеса; повышение эффективности международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия коррупции.

Коррупционные проявления представляют особую опасность, поскольку они приводят в конечном итоге к укреплению организованной преступности, сращиванию ее интересов с интересами коррумпированных должностных лиц. В целях укрепления

антикоррупционной дисциплины в органах внутренних дел на базе Указа Президента РФ от 29 июня 2018 г. в Министерстве внутренних дел России также сформирован и действует план МВД России по противодействию коррупции на 2018–2020 годы. План насыщен мероприятиями, определяющими основные позиции Национального плана противодействия коррупции.

В целом коррупционные преступления можно отнести к социальным и экономическим явлениям. Как правило, статистические данные, описывающие подобные процессы, представлены в отчетах в табличной форме, которая не отражает аналитические зависимости исследуемых показателей. В этом случае для научного анализа и прогноза массового социального явления или процесса наиболее предпочтительным оказывается использование статистических методов, которые позволяют получать научно обоснованные выводы из данных наблюдений и экспериментов [2, с. 36, 3]. В частности, сегодня активно используются такие статистические методы, как аппроксимация [6, с. 3], интерполяция [7, с. 19] и прогнозирование [8; 10, с. 27].

Таким образом, коррупция является сложным социальным явлением, на физическом плане отвечающим злоупотреблениям служебным положением, но в конечном итоге приводящим к возникновению угроз в области государственной и общественной безопасности. Основной задачей данной работы является аппроксимация и прогнозирование динамики коррупционных преступлений с помощью трендовых моделей различного уровня.

Аппроксимация – научный метод, позволяющий функциональную зависимость, оформленную в виде таблицы, представить в аналитической форме. Иначе определение параметров аналитической функции, описывающей набор точек, полученных в результате эксперимента. Далее с помощью полученной аналитической формулы можно найти значения этой функции внутри данного интервала, такой процесс называется интерполяцией.

При анализе экспериментальных и статистических данных часто используются трендовые модели, представляющие собой математическую функцию вида $y = f(x)$, график которой отражает общую тенденцию ряда данных. Прогнозирование на основе тренда применимо лишь при выполнении условий:

- сохранения законов, лежащих в основе развития прогнозируемых процессов (любые социальные процессы обладают некоторой инерционностью, поэтому можно полагать, что на небольшом интервале времени общая тенденция развития процесса существенно не изменится);
- данные о прогнозируемом объекте представительны и достоверны.

Интервальное прогнозирование процессов строится на базе набора статистических данных. В качестве модели представления этих данных можно взять временной ряд для моделирования случайного процесса. Под случайным или стохастическим процессом понимают семейство случайных величин индексируемых некоторым параметром, играющим роль времени и координаты. Временной ряд рассматривается как одна из возможных реализаций случайного процесса на некотором ограниченном промежутке индексируемого параметра. В нашем случае – времени.

Разделяют два вида временных рядов: непрерывные и дискретные. В непрерывных рядах множество значений исследуемого параметра представляет собой континуум, тогда как в дискретных рядах – дискретное множество. На практике это означает, что в непрерывных временных рядах исследуемый параметр можно выразить как некоторую функцию от времени, а в дискретных имеем дело с набором измерений в некоторые моменты времени. Таким образом, можно выделить два основных способа построения дискретных временных рядов:

- выборка из непрерывного временного ряда, соответствующая конечному набору моментов времени;
- результат накопления некоторой переменной в течение фиксированных промежутков времени – интервальные временные ряды.

Поскольку в случае непрерывного временного ряда фиксирование результатов измерений все равно происходит дискретным образом, то в целом на практике работают только с дискретными временными рядами.

Временные ряды являются очень удобным механизмом описания процессов, работающих по принципу черного ящика, т. е. анализировать данные, предметная область которых плохо изучена или неизвестна. Самый простой способ анализа исследуемого процесса – это предварительно проанализировать графическое изображение временного ряда или трендовую модель, график которой отражает общую тенденцию ряда данных. Рассмотрим несколько типов трендов.

Самый простейший тренд – линейная аппроксимация, которая описывает равномерное изменение показателя во времени. Уравнение линейного тренда имеет вид (1):

$$y = a \pm b, \quad (1)$$

где a – характеризует угол наклона прямой, b – координата пересечения оси абсцисс.

Модель линейной функции в прогнозировании используют очень часто для оценивания коэффициентов, пересчета при появлении новой информации или адаптации модели. Так же в этой модели выполняют прогнозы и считают доверительные интервалы, а затем на основе полученных знаний и навыков переходят к изучению более сложных моделей.

Второй тип линии тренда – экспоненциальный, уравнение которого имеет вид (2):

$$y = c \cdot e^{bx}, \quad (2)$$

где b и c – константы, e – основание натурального логарифма.

В данном случае такой вид тренда используют для описания либо быстро возрастающих, либо быстро убывающих рядов. Однако применение экспоненциальной и степенной аппроксимаций невозможно, если данные содержат отрицательные и нулевые значения.

Следующая – степенная аппроксимация, характеризует монотонное возрастание и убывание величины, общее уравнение которой имеет вид (3):

$$y = c \cdot x^b, \quad (3)$$

где b и c – константы.

Логарифмическая аппроксимация идеально подходит, если величина сначала быстро растет или убывает, а затем стабилизируется (4). Вид этой функции представлен в формуле 4:

$$y = c \cdot \ln x + b, \quad (4)$$

где b и c – константы, \ln – функция натурального логарифма.

Полиномиальная аппроксимация (5) характеризует переменное возрастание и убывание функции, а степень самих полиномов определяется количеством максимумов и минимумом (5):

$$y = b + c_1x + c_2x^2 + c_3x^3 + \dots + c_nx^n, \quad (5)$$

где $b, c_1, c_2, c_3, \dots, c_n$ – константы;

$y = b + c_1x$ (полином первой степени);

$y = b + c_1x + c_2x^2$ (полином второй степени);

$y = b + c_1x + c_2x^2 + c_3x^3 + \dots + c_nx^n$ (полином n – степени).

Все рассмотренные выше типы трендов использованы для исследования динамики коррупционных преступлений.

В таблице 1 представлены данные о состоянии преступлений коррупционной направленности (II) и преступлений, совершенных с извлечением дохода в крупных размерах (I), полученные из данных отчетов ГИАЦ МВД России за 2003–2018 гг. [9].

Таблица 1

Общие сведения о состоянии преступности по данным отчетов ГИАЦ МВД России за 2003–2019 гг.

Всего преступлений	Аналитический период				
	2003	2005	2010	2012	2014
Совершенных с извлечением дохода в крупных размерах (I)	221379	208976	314990	308759	733490
Коррупционной направленности (II)				49513	32204
	Аналитический период				
	2015	2016	2017	2018	2019
Совершенных с извлечением дохода в крупных размерах (I)	838282	789979	754525	713387	747586
Коррупционной направленности (II)	32455	32924	29634	30495	30991

Таблица 2

Тип аппроксимации и виды аппроксимирующих функций, величина достоверности аппроксимации (R^2), полученные с помощью трендовых моделей для набора статистических данных **I**

Тип аппроксимации	Вид функции	R^2	$F_{рас}$	Прогноз 2020	
1 Линейная	$y = 72805x + 162706$	0,71	8,5	968061	
2 Экспоненциальная	$y = 202060e^{0,1628x}$	0,74	10,6	1211197	
3 Степенная	$y = 172533x^{0,6975}$	0,80	11,3	960623	
4 Логарифмическая	$y = 308252\ln(x) + 97538$	0,74	8,1	855722	
5	Полиномиальная $n=2$	$y = -11342x^2 + 197568x - 86819$	0,82	12,3	714347
	Полиномиальная $n=3$	$y = -3209x^3 + 41607x^2 - 46640x + 188516$	0,87	30,3	438744
	Полиномиальная $n=4$	$y = 1537,8x^4 - 37042x^3 + 289199x^2 - 723290x + 716303$	0,93	39,9	965220
	Полиномиальная $n=5$	$y = 315,02x^5 - 7125,3x^4 + 50115x^3 - 100644x^2 + 19329x + 265818$	0,95	57,0	3892087

Таблица 3

Тип аппроксимации и виды аппроксимирующих функций, величина достоверности аппроксимации (R^2), полученные с помощью трендовых моделей для набора статистических данных **II**

Тип аппроксимации	Вид функции	R^2	$F_{рас}$	Прогноз 2020	
1 Линейная	$y = -2207,3x + 42860$	0,54	1,8	21381	
2 Экспоненциальная	$y = 42183e^{-0,057x}$	0,57	2,0	24135	
3 Степенная	$y = 43725x^{-0,218}$	0,72	4,8	26593	
4 Логарифмическая	$y = -8479\ln(x) + 44357$	0,71	4,3	43149	
5	Полиномиальная $n=2$	$y = 1006,6x^2 - 10260x + 54940$	0,78	5,6	45122
	Полиномиальная $n=3$	$y = -388,67x^3 + 5670,6x^2 - 26196x + 68932$	0,89	17,3	-
	Полиномиальная $n=4$	$y = 235,8x^4 - 4161,5x^3 + 26051x^2 - 68506x + 95611$	0,97	148,5	141204
	Полиномиальная $n=5$	$y = -107,46x^5 + 2385,1x^4 - 20102x^3 + 79782x^2 - 148560x + 136140$	0,99	148,5	21381

Расчеты показывают, что величина коэффициента достоверности аппроксимации, определяющего степень приближения трендовой модели исходным данным, для статистической совокупности **I** и типов аппроксимации **1–4** не превышает 0,80. Линейная и логарифмическая модели дают степень достоверности на уровне $\sim 0,70$. Не-

сколько лучшие приближения к описанию динамики преступлений, совершенных с извлечением дохода в крупных размерах, дают степенная и логарифмическая модели аппроксимации с коэффициентом достоверности на уровне $\sim 0,80$. В случае использования полиномиальной функции ($n = 2-5$), порядок которой выше трех, величина показателя R^2 приближается к единице. Расчетное значение критерия Фишера для статистической совокупности **I** (табл. 2) превышает его табличное значение 12,2 (при уровне значимости $\alpha=0,01$) только для полиномиальных моделей ($n = 2-5$).

Таким образом, для аппроксимации процессов динамики преступлений временного ряда **I** (2003–2019 гг.) наиболее предпочтительно использование многофакторной полиномиальной функции. График аппроксимации динамики преступлений, совершенных с извлечением дохода в крупных размерах, на уровне полинома шестой степени представлен на рис. 1.

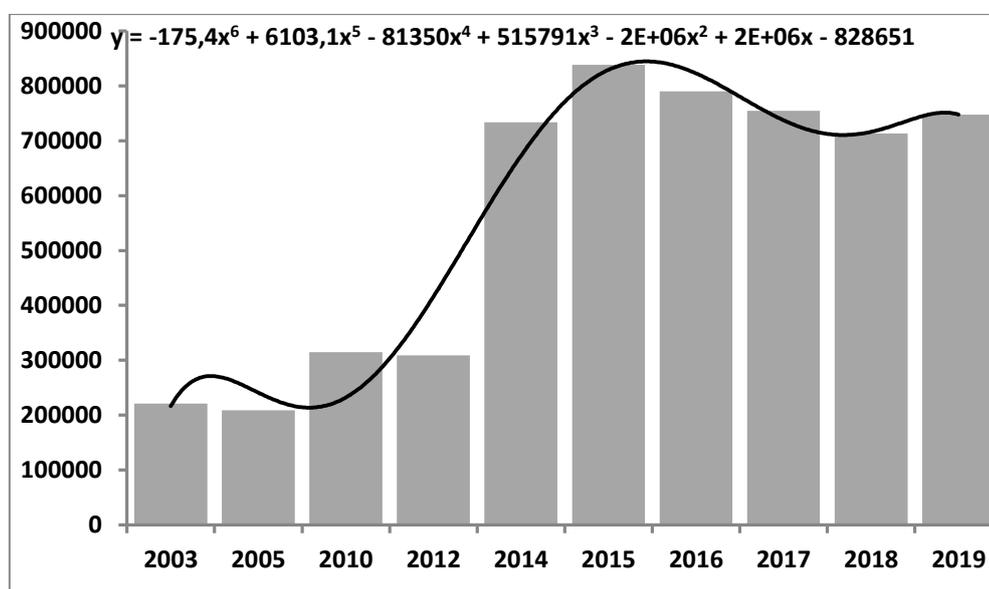

Рис. 1. Аппроксимация динамики преступлений, совершенных с извлечением дохода в крупных размерах, на уровне полинома шестой степени

Для статистической совокупности **II** наименьшая степень достоверности аппроксимации исследуемых процессов наблюдается с использованием линейной и экспоненциальной моделей, величина коэффициента R^2 не превышает $\sim 0,60$ (табл. 3). Несколько лучшие прогнозы дают степенная и логарифмическая модели аппроксимации с коэффициентом достоверности на уровне $\sim 0,8$. И вновь приближение данного показателя к единице наблюдается только на уровне полиномиальных моделей. Расчетное значение критерия Фишера для статистической совокупности **II** (табл. 3) превышает его табличное значение 7,71 (при уровне значимости $\alpha=0,05$) только для полиномиальных моделей ($n = 3-5$).

Вновь только в случае использования полиномиальной функции с порядком выше трех величина достоверности аппроксимации приближается к единице. При использовании полинома пятой степени коэффициент достоверности составляет 0,99 (табл. 2).

На рис. 2 представлен пример трендового прогнозирования динамики преступлений, совершенных с извлечением дохода в крупных размерах, с использованием полинома второй степени

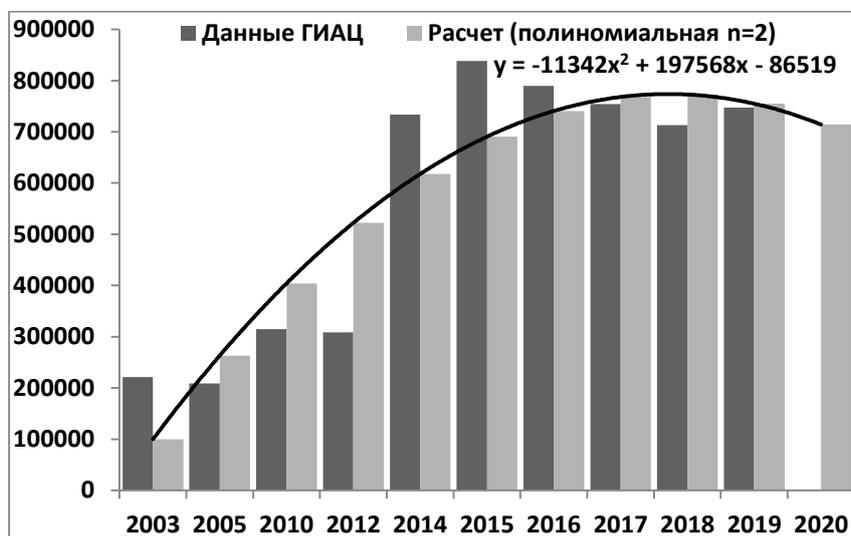

Рис. 2. Полиномиальная аппроксимация динамики преступлений, совершенных с извлечением дохода в крупных размерах, на уровне полинома второй степени

В целом применение полученных моделей (1–4) для прогнозирования процессов I дает устойчивое увеличение количества преступлений в прогнозируемых периодах, тогда как для преступлений коррупционной направленности II устойчивое уменьшение. Использование моделей полиномиальной функции разных порядков для прогнозирования процессов динамики преступлений не дает устойчивых результатов (табл. 2, 3) и требует дополнительного исследования.

Таким образом, аппроксимацию динамики процессов коррупционной направленности можно осуществлять только с использованием многофакторной полиномиальной модели на уровне полинома третьей степени и выше. Прогнозирование процессов с использованием предложенных моделей не дает устойчивых результатов и требует дополнительного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. – М.: Экономика, 2013. – 304 с.
2. Демаков В.И. Правовая статистика: практикум / В.И. Демаков, Ю.Э. Голодков, Е.Ю. Ларионова, Е.Е. Ровина. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. – 79 с.
3. Коимшиди Г.Ф. Выборочный метод в научных исследованиях (методы математической статистики в социологии и криминологии): учебное пособие / Г.Ф. Коимшиди, И.А. Черникова. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 47 с.
4. Кузовков Ю.В. История коррупции в России. – М.: Анима-Пресс, 2013. – 539 с.

5. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. – М.: Анима–Пресс, 2010. – 632 с.
6. Малышева Т.А. Численные методы и компьютерное моделирование. Лабораторный практикум по аппроксимации функций: учебно-метод. пособие. – СПб.: Университет ИТМО, 2016. – 33 с.
7. Пригарин С. М. Численный анализ (интерполяция, численное дифференцирование и интегрирование): учебное пособие. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. – 90 с.
8. Садовникова Н.А. Анализ временных рядов и прогнозирование / Н.А. Садовникова, Р.А. Шмойлова. – М.: МФПУ Синергия, 2016. – 152 с.
9. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2003–2019 гг. – М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России.
10. Цыгичко В.Н. Прогнозирование социально-экономических процессов. – М.: КД Либроком, 2017. – 240 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Andrianov V.D. Corruption as a global problem: history and modernity / V.D. Andrianov. – М.: Economics, 2013. – 304 p.
2. Demakov V.I. Legal statistics: workshop / V.I. Demakov, Yu.E. Golodkov, E.Yu. Larionova, E.E. Rovin. – Irkutsk: Federal State Funded Educational Institution of Higher Education in the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – 79 p.
3. Coimshidi G.F. The selective method in scientific research (methods of mathematical statistics in sociology and criminology): a training manual / G.F. Coimshidi, I.A. Chernikov. – М.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. – 47 p.
4. Kuzovkov Yu.V. History of corruption in Russia. – М.: Anima-Press, 2013. – 539 p.
5. Kuzovkov Yu.V. World history of corruption. – М.: Anima-Press, 2010. – 632 p.
6. Malysheva T.A. Numerical methods and computer modeling. Laboratory workshop on approximation of functions: Textbook.–method. allowance. – SPb.: ITMO University, 2016. – 33 p.
7. Prigarin S. M. Numerical analysis (interpolation, numerical differentiation and integration): textbook. allowance / S. M. Prigarin. – Novosib. state un-t. – Novosibirsk: CPI NSU, 2018. – 90 s.
8. Sadovnikova N.A. Analysis of time series and forecasting / N.A. Sadovnikova, R.A. Shmoilova. – М.: MFPU Synergy, 2016.– 152 p.
9. The state of crime in Russia for January–December 2003–2019 – М.: FКУ "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
10. Tsygichko V.N. Prediction of socio-economic processes / V.N. Tsygichko. – М.: CD Librocom, 2017. – 240 p.

Сизова Виктория Николаевна
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России
кандидат юридических наук
E-mail:svnn@inbox.ru

Sizova Victoria Nikolaevna
leading researcher at the research center of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Candidate of Law Sciences
E-mail:svnn@inbox.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Введение: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с обоснованностью включения в систему российского уголовного законодательства института уголовной ответственности юридических лиц. В качестве ключевых проблем выносятся вопрос о выделении конкретных юридических лиц, которые могли бы стать субъектами уголовной ответственности в случае принятия соответствующего законодательного решения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, касающиеся определения понятий «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», выявить категорию юридических лиц, которые должны подлежать уголовной ответственности.

Выводы и заключения: сформулировано определение понятия «уголовная ответственность юридических лиц», разработана классификация субъектов уголовной ответственности из числа юридических лиц с учётом современных тенденций, а также сравнительно-правового исследования.

Ключевые слова: уголовное законодательство, юридические лица, уголовная ответственность, субъект уголовной ответственности и субъект преступления.

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY LEGAL ENTITIES

Introduction: The article deals with topical issues related to the validity of including the Institute of criminal liability of legal entities in the system of Russian criminal legislation. The issue of identifying specific legal entities that could become subjects of criminal liability in the event of a relevant legislative decision is considered as a key breakdown.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation and criminal legislation. The methodological basis of the research was the General dialectical method of scientific knowledge, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of comparison, analysis, generalization and description.

Results: allowed to clarify certain provisions concerning the definition of the concepts "subject of crime" and "subject of criminal responsibility", to identify the category of legal entities that should be subject to criminal liability.

Findings and conclusions: the definition of the concept of "criminal liability of legal entities" is formulated, the classification of subjects of criminal liability from among legal entities is developed, taking into account modern trends, as well as comparative legal research.

Key words: criminal legislation, legal entities, criminal liability, subject of criminal liability and subject of crime.

Исследование вопросов, связанных с целесообразностью включения в систему российского уголовного законодательства института уголовной ответственности юридических лиц, позволяет сделать вывод, что такое законодательное решение на сегодняшний день выглядит не только обоснованным с точки зрения современного уровня развития социально-экономических отношений, но и логически обусловленным теми международными договорами, участником которых является Российская Федерация, и, следовательно, несет обязанности, вытекающие из их положений, в том числе напрямую касающиеся уголовной ответственности юридических лиц. Однако об этом автором уже говорилось в более ранних работах, посвященных данной проблеме. В настоящей же статье будет предпринята попытка рассмотрения одного из актуальных вопросов института уголовной ответственности юридических лиц – исследование категориального аппарата, являющего собой первоочередную проблему, от решения которой зависит дальнейший путь развития анализируемого института.

Так, учёными, занимающимися изучением вопросов уголовной ответственности юридических лиц, в своих работах указывается на взаимозависимость категории «юридическое лицо» от некоторых других уголовно-правовых категорий. Например, говорится о том, что оно (юридическое лицо) равно как и физическое лицо выступает носителем гражданско-правовых обязательств [1], т. е. наделено правом приобретать гражданские права и выполнять возложенные на него гражданские обязанности.

Также в юридической литературе применительно к институту уголовной ответственности юридических лиц указывается на необходимость разделения понятий субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности. В частности, утвер-

ждается, что субъектом совершения виновного общественно опасного преступного деяния может являться лишь физическое лицо, при этом быть привлеченным к уголовной ответственности за его совершение может и юридическое лицо [12].

На это же обстоятельство указывали и другие ученые в области уголовно-правовой науки. Так, по мнению Б.В. Волженкина, необходимо различать категории субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности, поскольку субъектом преступления всегда является лишь лицо физическое, в то время, как к уголовной ответственности вполне может быть привлечено и лицо юридическое [4, с. 25–26].

Также отмечается, что каких-либо обстоятельных различий в категориях «субъект уголовной ответственности» и «субъект преступления» не имеется, поскольку данные определения могут быть сведены к определяемым уголовно-правовыми установлениями особенностям и признакам правоисполнителя [8].

Однако, по нашему мнению, указанные категории обладают весьма существенными различиями: говоря о субъекте уголовной ответственности, имеется в виду правоисполнитель, которому под угрозой уголовного закона воспрещено совершение преступного деяния; говоря о субъекте преступления, речь следует вести о правоисполнителе, который уже нарушил тот или иной законодательный запрет. Эти особенности в понимании субъекта уголовной ответственности и субъекта преступления необходимо учитывать в правотворческой и правоприменительной деятельности с целью результативного воплощения в действительность аспекта социально-правовой обусловленности уголовно-правовых установлений, направленных на недопущение совершения преступных деяний со стороны правоисполнителя.

Сказанное является одним из актуальных вопросов института уголовной ответственности юридических лиц в рамках настоящего исследования. Следующий не менее важный вопрос – выделение конкретных юридических лиц, могущих стать субъектами уголовной ответственности в случае принятия соответствующего законодательного решения.

Как правило, в юридической литературе к таким лицам некоторые авторы относят различного рода организации, соответствующие закрепленным гражданско-правовыми нормами признакам юридического лица; иностранные организации, имеющие свои представительства в России, и извлекающие прибыль в связи с осуществлением своей деятельности; объединения и союзы, созданные на основе политических, профессиональных и т.п. интересов; государственные органы, наделенные полномочиями юридического лица [1, с. 87].

Другие авторы, напротив, в качестве субъектов уголовной ответственности называют организации, обладающие определенным спектром прав и обязанностей, прошедшие регистрацию как юридическое лицо, при этом не являющиеся органами государственной власти либо относящиеся к органам местного самоуправления. Более того предлагается выделять специальных субъектов уголовной ответственности в коллективных образованиях, имеющих отраженные в положениях устава полномочия по выполнению конкретного рода деятельности, в процессе осуществления которой и было совершено преступное деяние. При этом специальные субъекты классифицируются по видам с учетом осуществляемой самой организацией деятельности [10, с. 137].

С.Г. Деминым указывается, что категория юридического лица применима к предприятиям, учреждениям, коммерческим и некоммерческим структурам. При этом указанные субъекты являются не только юридическим лицом, но и своеобразным правовым субъектом, понятие которого представляется гораздо шире, поскольку обладание признаком юридического лица отражает лишь некоторую их специфику, не охватывая весь тот спектр функций, которые они реализуют в процессе своей деятельности. Акцент делается на возможность отнесения к статусу юридического лица конкретно взятого индивидуального физического лица, не обязательно обладающего коллективным признаком [6, с. 112].

Отметим, что современными гражданско-правовыми нормами выделяются коммерческие и некоммерческие организации, являющиеся юридическими лицами. Так, положениями Гражданского кодекса РФ в качестве коммерческих обозначаются организации, осуществляющие деятельность, направленную на извлечение прибыли, что само по себе является целью их деятельности, с последующим распределением данной прибыли (это и хозяйственные общества, кооперативы и т.п.)¹.

Относительно понятия «некоммерческой организации» следует отметить, что положениями гражданского законодательства их перечень не является исчерпывающим, хотя в законе и есть указание на возможность их появления только в законодательно определенных формах (общественные и религиозные организации, фонды и т.п.)², а положениями федерального законодательства их виды могут быть расширены, например, товариществом собственников жилья; садовым товариществом, профсоюзом и т.п.

Представляется, что вопрос признания в качестве субъекта преступного деяния коммерческих организаций однозначно может быть решен положительно. Ведь такая тенденция существует и в зарубежном уголовном законодательстве, например в Германии [11]. Нет сомнений в том, что участие коммерческих организаций в разнообразных направлениях финансовой деятельности имеет целью получение финансовой выгоды, что может представлять собой угрозу нарушения нормативных правовых норм и совершения преступных деяний в отношении личности, общества, государства или других юридических лиц.

Однако остаётся открытым вопрос, связанный с привлечением в качестве субъектов преступных деяний некоммерческих организаций, о формах которых в соответствии с гражданско-правовыми установлениями говорилось ранее. В юридической литературе авторами указывается, что данный вопрос должен быть решен положительно и некоммерческие организации необходимо признавать субъектом уголовной ответственности, исходя из положений законодательных актов и материалов судебной практики [6, с. 118].

По нашему мнению, субъектом преступления во всех без исключения случаях должна являться организация, имеющая статус юридического лица, вне зависимости от того является ли она коммерческой либо некоммерческой.

¹ Пункт 1 ст. 50 Гражданского кодекса РФ (федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ).

² Пункт 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ.

Некоторые авторы предлагают исключить из круга юридических лиц, возможно подлежащих привлечению к уголовной ответственности, некоммерческие организации, относящиеся по своему организационно-правовому устройству к учреждениям. В качестве пояснения дается указание на то, что под учреждением следует понимать органы государственной и муниципальной власти и управления, а также государственные (муниципальные) и частные организации образования и науки, медицины, физической культуры и т.п., чей правовой статус регламентируется специальными законодательными нормами. Также делается вывод о том, что государство не может наказывать само себя посредством привлечения к уголовной ответственности, а речь целесообразно вести только о принципе персонализации уголовной ответственности конкретных должностных лиц [6, с. 118].

Данный вывод не представляется обоснованным, поскольку не подкреплён какими-либо аргументированными положениями и основывается лишь на личной авторской позиции, наличие которой не является препятствием для существования противоположной точки зрения.

По нашему мнению, на сегодняшний день не существует каких-либо преград для придания учреждениям статуса юридического лица, которого возможно привлечь к уголовной ответственности.

То же относится и к предложениям исключить возможность привлечения к уголовной ответственности определённых фондов, например, негосударственных пенсионных фондов, фондов обязательного медицинского страхования, которые, по мнению С.Г. Демина, имеют статус государственных учреждений [6, с. 107].

Следует обратить внимание и на еще один достаточно дискуссионный на сегодняшний день вопрос – являются ли субъектами уголовной ответственности государственные корпорации, под которой, исходя из содержания федерального законодательства, понимается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная путем имущественного вноса, имеющая в качестве задач выполнение социальных, управленческих и других общественно полезных функций¹.

В юридической литературе указывается, что государственные корпорации не являются самостоятельной формой юридического лица, выступая правовыми субъектами, создание которых направлено на разработку важных и значимых для государства задач, что не позволяет считать их субъектами уголовной ответственности [6, с. 118].

Вместе с тем отметим, что компетентными специалистами, занимающимися исследованием вопросов в данной сфере, обращается внимание на то, что под государственной корпорацией необходимо понимать коллективное объединение, обладающее статусом юридического лица [9, с. 138].

В учебной литературе в области гражданского права также указывается, что в процессе реализации круга определенных законом корпоративных прав, участники корпорации оказывают непосредственное влияние на принятие тех или иных решений данным корпоративным образованием, имеющим статус самостоятельного субъекта гражданского права – юридическим лицом [5]. Более того отмечается, что определён-

¹ О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 45.

ная совокупность отличительных особенностей государственных корпораций является свидетельством того, что государственным корпорациям присущи все признаки юридического лица [5].

Таким образом, нами делается вывод о том, что и государственные корпорации могут выступать субъектами уголовной ответственности. Также вполне обоснованным представляется закрепление в законодательных актах, регламентирующих их деятельность, указание и на цели, для осуществления которых они были созданы, и правомочия в процессе выполнения возложенных на них задач, что позволит осуществлять в отношении государственных корпораций более эффективный контроль как со стороны государства, так и со стороны общества.

Что касается придания статуса субъектов уголовной ответственности иностранным организациям, которые реализуют свои задачи в нашей стране посредством создания и функционирования своих представительств и получают финансовую прибыль с помощью российских источников, следует отметить следующие особенности. Прежде всего необходимо отметить, что хозяйственная деятельность, осуществляемая иностранными юридическими лицами, традиционно считается финансовым фундаментом государства. Специфической чертой правового положения этих юридических лиц является наличие статуса, определяющего территориальные признаки и национальную принадлежность к какой-либо стране. Так, в юридической литературе при характеристике иностранного юридического лица указывается на бесспорность признания такового специфической правовой организацией, обладающей статусом субъекта права [3, с. 6].

При этом в определении правового положения иностранных юридических лиц в территориальных пределах Российской Федерации действует система национально-правовой регламентации, в соответствии с которой режим функционирования иностранных юридических лиц не должен невыгодно отличаться от аналогичной деятельности отечественных юридических лиц за исключением иных случаев, прямо предусмотренных положениями федерального законодательства¹.

Действительно, на сегодняшний день крайне редко можно встретить ограничение сферы экономической деятельности юридических лиц лишь на территории определенной страны. Все чаще большинство организаций расширяют свои полномочия, устанавливая деловые контакты за границей. В этой связи учеными отмечается, что, например, создание английской или немецкой организации, участие в которой принимает российское юридическое лицо, требует правовой регламентации соответствующими иностранными правовыми нормами, но не нормами российской правовой системы. Однако при решении вопросов, связанных с созданием либо запрещением деятельности российского юридического лица, во всех случаях без исключения применяются российские правовые нормы [2].

Изложенное свидетельствует о необходимости признания в качестве субъектов уголовной ответственности иностранных организаций, осуществляющих свою деятельность в Российской Федерации.

¹ СЗ РФ. 1998. № 28. Ст. 3493.

В качестве еще одного из актуальных вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности юридических лиц, является придание такого статуса филиалам юридического лица, которые, исходя из положений п. 3 ст. 55 Гражданского кодекса, юридическими лицами не являются, соответственно им не присуща самостоятельность в гражданской правосубъектности.

Об этом же свидетельствуют доктринальные позиции, нашедшие отражение в специальной юридической литературе. Так, А.П. Солдатов полагает, что в качестве субъектов ответственности целесообразно рассматривать создавшие филиалы головные юридические лица [13]. На указанное обстоятельство обращается внимание и в юридической литературе. Так, в частности, совершенно справедливо предлагается привлекать структурные подразделения, функционирующие в составе юридических лиц в качестве их филиалов, к уголовной ответственности за совершение преступных деяний, так как им имманентно присущи те же функции, которые реализует юридическое лицо в целом. Авторы, ратуящие за подобную идею, апеллируют доводами, основанными на решении филиалами задач, направленных на реализацию интересов головного юридического лица, а также на порядок назначения руководителей филиалов самим юридическим лицом, что отражается непосредственно в уставной документации [6, с. 118].

Данная позиция представляется убедительной, поскольку структурные подразделения юридического лица, несмотря на указание в нормах гражданского законодательства на отсутствие у них гражданской правосубъектности, как таковыми юридическими лицами признаваться могут.

1. Таким образом, по нашему мнению, уголовная ответственность юридических лиц должна представлять собой особый вид юридической ответственности, выражающийся в применении уполномоченным органом (должностным лицом) уголовного наказания к организациям, совершившим преступное деяние, основываясь на положениях уголовного законодательства, а также законодательства иных отраслевых правовых систем.

2. В качестве субъектов уголовной ответственности предлагается рассматривать коммерческие и некоммерческие организации, зарегистрированные в законодательно определенном порядке в качестве юридического лица на территории Российской Федерации, а также их структурные подразделения (филиалы), государственные корпорации, иностранные организации, осуществляющие свою деятельность на территории Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абашина Л.А. Уголовная ответственность юридических лиц за участие в экстремистской деятельности и легализации преступных доходов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 4. – С. 102–105.
2. Александрова Н.В. Правовой механизм деятельности юридических лиц за рубежом // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 122–126.
3. Арсанукаева М. Право собственности юридического лица в России и за рубежом // Юрист. – 2011. – № 24. – С. 6-12.

4. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 25–26.
5. Гриб В.В. Субъекты естественных монополий и государственных корпораций как объекты общественного контроля // Конкурентное право. – 2016. – № 4. – С. 3–5.
6. Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2014. – 251 с.
7. Завершинский И.Н. Понятие и сущность государственной корпорации // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 185–187.
8. Закаев А.Х. Субъект преступления и общие условия уголовной ответственности // Человек: преступление и наказание. – 2015. – С. 141–144.
9. Кашанина Т.В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. – М., 2017. – 138 с.
10. Комоско А.А. Уголовная ответственность юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 205 с.
11. Минязева Т.Ф., Серебренникова А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы // Lex Russica. – 2017. – № 2 (123). – С. 147–154.
12. Розовская Т.И. Эволюция института уголовно-правового воздействия на юридических лиц // Lex Russica. – 2016. – № 4 (113). – С. 95–104.
13. Солдатов А.П. К вопросу об административной ответственности юридических лиц // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С. 220–225.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abashina, L. A. Criminal liability of legal persons for participation in extremist activities and money laundering // Central Russian Bulletin of social Sciences. – 2010. – No. 4. – Pp. 102–105.
2. Alexandrova N. V. Legal mechanism of activity of legal entities abroad // Bulletin of the Chuvash University. – 2013. – No. 4. – P. 122–126.
3. Arsanukayeva M. The right of ownership of a legal entity in Russia and abroad // Lawyer. – 2011. – № 24. – P. 6.
4. Volzhenkin B. V. Criminal liability of legal entities. Saint Petersburg, 1998. – Pp. 25–26.
5. Grib V. V. Subjects of natural monopolies and state corporations as objects of public control // Competition law. – 2016. – № 4. – P. 3–5.
6. Demin S. G. Limits of criminal liability of legal entities in Russia: dis. ... kand. yurid. nauk. – Stavropol, 2014. – 251 p.
7. Zavershinsky I. N. Concept and essence of the state Corporation // Law and law. – No. 1. – 2020. – Pp. 185–187.
8. Zakaev A. Kh. The subject of crime and General conditions of criminal responsibility // Man: crime and punishment. – 2015. – P. 141–144.
9. Kashanina T. V. Corporate law. Law of business partnerships and companies. – М., 2017. – P. 138.

10. Komosko A. A. Criminal liability of legal entities: dis. ... kand. the faculty of law. Sciences. – M., 2007. – 205 p.

11. Minyazeva T. F., Serebrennikova A.V. Criminal liability of legal entities in Russia and Germany: towards the problem statement // Lex Russica. – 2017. – № 2 (123). – Pp. 147–154.

12. Rozovskaya T. I. Evolution of the Institute of criminal law impact on legal entities // Lex Russica. – 2016. – № 4 (113). – Pp. 95–104.

13. Soldatov A. P. On the issue of administrative responsibility of legal entities // Society and law. – 2012. – № 5 (42). – Pp. 220–225.

УДК 343.195

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10037

Гапонова Валентина Николаевна
доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: valentina3886@mail.ru

Garonova Valentina Nikolaevna
Associate Professor, Department of Criminal
Procedure East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law Sciences
E-mail: valentina3886@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ СТАТЬИ 5 УПК РФ

Введение: в статье рассматривается перечень понятий, изложенных в ст. 5 УПК РФ, анализируются положения УПК РСФСР 1923 и 1960 гг., проекты УПК РФ и точки зрения различных авторов по данному вопросу, представлены собственные суждения автора. Изучение, анализ исторических аспектов и сравнение основных понятий позволяют определить содержание ст. 5 УПК РФ.

Методы и материалы: нормативно-правовую базу исследования составили УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г. и действующее уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили рассмотреть основные понятия, содержащиеся в ст. 5 УПК РФ, их излишний перечень и неточное содержание, а также отсутствие фундаментальных понятий, пронизывающих все стадии уголовного судопроизводства

Выводы и заключения: законодателем чрезмерно расширен определённый в ст. 5 УПК РФ перечень основных понятий уголовного судопроизводства, в него включены частные, технические процедуры, что приводит к дублированию и конкуренции основных уголовно-процессуальных терминов, снижая их регулятивный потенциал. Корректировка базовых понятий уголовного процесса может иметь место только в исключительных случаях, прежде всего при серьезных изменениях в уголовно-процессуальном законодательстве, однако допускается обновление перечня основных понятий уголовного судопроизводства и в «плановом порядке», когда, например, очевидно отсутствие в нем фундаментальных для уголовно-процессуальной инфраструктуры положений.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство, перечень уголовно-процессуальных понятий, содержание ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование.

BASIC CONCEPTS OF THE CRIMINAL PROCESS: CRITICAL ANALYSIS OF THE CONTENTS OF ARTICLE 5 CODE OF CRIMINAL PROCEDURE

Introduction: The article discusses the list of concepts set forth in Art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the provisions of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923 and 1960, the draft code of criminal procedure of the Russian Federation and the points of view of various authors on this issue are analyzed, the author's own opinions on the subject of the study are presented. The study and analysis of historical aspects allows, by comparing the basic concepts, to determine the content of Art. 5 Code of Criminal Procedure.

Methods and materials: The legal and regulatory framework for the study was made up of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1923, the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960, and the current criminal procedure legislation that regulates. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results: allowed to consider the basic concepts contained in Art. 5 of the Code of Criminal Procedure, their excessive list and inaccurate content, as well as the lack of fundamental concepts that permeate all stages of criminal proceedings.

Findings and conclusions: the legislator has over-expanded as defined in Art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a list of the basic concepts of criminal proceedings, it includes private, technical procedures, which leads to duplication and competition of the basic criminal procedure terms, reducing their regulatory potential. Correction of the basic concepts of the criminal process can take place only in exceptional cases, especially in case of serious changes in the criminal procedure legislation, however, the list of basic concepts of criminal proceedings can be updated and in a “planned manner”, when, for example, it is obvious that it does not contain fundamental principles for criminal proceedings – procedural infrastructure provisions.

Key words: criminal law. criminal proceedings, list of criminal procedural concepts, the content of Art. 5 Code of Criminal Procedure, criminal prosecution.

В структуре всех отечественных Уголовно-процессуальных кодексов как неотъемлемый их элемент формируется и выделяется перечень понятий (терминов), имеющих общий характер, отражающих в системном единстве основное содержание уголовного процесса. При надлежащем корректном отборе включаемых в такой пере-

чень уголовно-процессуальных понятий, ознакомление с ними позволяет составить целостное представление о назначении уголовного судопроизводства.

Обращение к ст. 23 УПК РСФСР 1923 г. показывает, что в ней объединялось 13 терминов с разъяснением их значения. Можно утверждать, что приведенный в ст. 23 УПК РСФСР перечень был чрезмерно лаконичен и не в полной мере раскрывал содержание уголовного судопроизводства того времени. Но бесспорно то, что он включал действительно основные, общие понятия, используемые в законе.

Применительно к УПК РСФСР 1960 г. надлежит отметить, что в нем также был реализован подход, согласно которому выделялись и разъяснялись главные понятия кодекса (перечень их уже насчитывал 18). Правоприменитель также ориентировался на единообразное их толкование и применение.

Проявляя последовательность, законодатель при принятии УПК РФ 2001 г. не только сохранил указанный прием нормотворческой техники, но и существенно расширил набор основных понятий, в том или ином варианте «внедренных» в нормативную ткань кодекса. На момент принятия УПК РФ в нем (ст. 5) насчитывалось 60 таких понятий, еще 10 введено за годы действия кодекса. Отчетливо проявившаяся тенденция на увеличение, причем значительное, понятийного аппарата, базовых категорий уголовного процесса воспринимается нами неоднозначно. Представляется, что законодатель стал терять «чувство меры» и не всегда следует критериям, которым должны соответствовать основные понятия уголовного судопроизводства¹.

В теории уголовного процесса предприняты весьма успешные попытки выделить критерии классификации понятий, используемых в УПК РФ в качестве основных.

Так, например, по мнению В.В. Николюк, в ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» должны включаться те положения уголовного процесса, которые отвечают следующим требованиям: 1) то или иное понятие носит общий характер для всего уголовного судопроизводства или его отдельных стадий; 2) правильное уяснение содержания используемых законодателем понятий имеет важное значение для правоприменителя при осуществлении им процессуальных действий и принятии процессуальных решений, а для иных участников уголовно-процессуальных отношений необходимо для защиты своих прав и законных интересов; 3) соответствующий термин не раскрывается в уголовно-процессуальных нормах, регулирующих конкретные вопросы досудебного и судебного производства по уголовному делу [8, с. 152].

Анализируя с этих позиций содержание ст. 5 УПК РФ, нельзя не обратить внимание на то, что отдельные включенные в нее понятия не соответствуют указанным доктринальным критериям.

В п. 24.1 ст. 5 УПК РФ дается характеристика следственному действию, предусмотренному ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». С учетом подробного, детального в ней регулирования оснований и порядка производства данного следственного дей-

¹ Интересно отметить, что, например, проект УПК РФ, разработанный Министерством юстиции РФ, и во многом определивший содержание действующего УПК РФ, предлагал более скромный (состоящий из 16 пунктов) перечень наименований, которые специально разъяснялись как основные понятия уголовного процесса (Министерство юстиции РФ: Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 1997. Ст. 6).

ствия непонятен смысл включения в ст. 5 УПК РФ дополнительных к нему разъяснений. Если следовать этому подходу, тогда в ст. 5 УПК РФ необходимо будет дать краткую характеристику и другим следственным действиям. Однако кроме неоправданного дублирования такой прием законодательной техники никакого положительного эффекта не даст.

При выделении в структуре УПК РФ специальной гл. 3 «Уголовное преследование», где раскрыто содержание уголовного преследования, указаны его виды, субъекты, вряд ли можно было ожидать, что в п. 55 ст. 5 УПК РФ законодатель станет разъяснять значение этого термина. Причем здесь не обошлось только одним дублированием п. 55 ст. 5 УПК РФ и ч. 2 ст. 21 УПК РФ. В указанных нормах дается разная трактовка объема процессуальной деятельности, охватываемой понятием «уголовное преследование»: в ч. 2 ст. 21 УПК РФ уголовное преследование отождествляется с деятельностью прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя по установлению события преступления и изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В п. 55 ст. 5 УПК РФ рамки уголовного преследования ограничены изобличительной деятельностью подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Как видим, допущены серьезные расхождения в толковании термина «уголовное преследование» в результате несогласованности п. 55 ст. 5 и гл. 3 УПК РФ.

Можно привести и другие примеры, когда законодатель дважды дает дефиниции одного и того же понятия. Это имеет место применительно к фигурам следователя (п. 41 ст. 5 и ч. 1 ст. 138 УПК РФ), руководителя следственного органа (п. 38.1 ст. 5 и ч. 5 ст. 39 УПК РФ).

С учетом приведенных примеров можно констатировать, что одна из серьезных проблем, возникающих у законодателя при конструировании ст. 5 УПК РФ, которую он решает не совсем профессионально, это включение в нее понятий, терминов, уже получивших детальное разъяснение и раскрытие «внутри» кодекса. Малейшие неточности и расхождения в этом случае между нормами-дефинициями, представленными в ст. 5 УПК РФ, и первоисточником (нормы, регулирующие конкретные группы однородных уголовно-процессуальных отношений) размывают цельность правового регулирования, создают конкуренцию и подрывают авторитет закона.

Нуждается в пояснениях и следующий ход законодателя применительно к выбору им положений со статусом «основного понятия». В п. 1 ст. 5 УПК РФ дано определение алиби (нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте). В тексте иных статей Кодекса термин «алиби» не фигурирует, в связи с чем возникает закономерный вопрос: какой практический смысл обозначать в качестве одного из основных понятий уголовного процесса положение, которое не является рабочим, не участвует в уголовно-процессуальном регулировании? Ответить на поставленный вопрос затруднительно. Если следовать логике законодателя, то наряду с «алиби» в перечне основных уголовно-процессуальных понятий должно быть отведено место и не менее популярному в области доказывания термину «улики».

При таком подходе ст. 5 УПК РФ рискует наполниться абстрактными нормативными дефинициями-декларациями (что уже отчасти произошло), потерять свой регулятивный потенциал и дистанцироваться от реального правоприменения. Назначение же норм, образующих систему базовых понятий уголовного процесса, заключа-

ется как раз в том, чтобы обеспечить удобство и простоту в пользовании нормами Кодекса, объединяющего огромный правовой массив.

Сравнительный анализ ст. 34 УПК РСФСР и ст. 5 УПК РФ показывает, что «кратное» увеличение в действующем уголовно-процессуальном законе положений, отнесенных к разряду основных, произошло преимущественно за счет привлечения терминов, отражающих новые, не известные ранее отечественному уголовному судопроизводству либо возрожденные институты и процессуальные формы (реабилитация, суд присяжных, досудебное соглашение о сотрудничестве, стороны).

Одновременно ст. 5 УПК РФ насыщена техническими по сути предписаниями, роль и значение которых в уголовно-процессуальных правоотношениях не стоит преувеличивать. Иллюстрацией к сказанному могут служить пункты 13 и 29 ст. 5 УПК РФ, раскрывающие соответственно содержание понятий «избрание меры пресечения» и «применение меры пресечения».

Во-первых, нет очевидных, лежащих на поверхности причин для позиционирования указанных процессуальных действий как основных, ключевых в архитектонике уголовного судопроизводства. Точно также можно было остановить выбор на таких понятиях, как «применение меры процессуального принуждения» или «производство следственного действия».

Во-вторых, предложенное законодателем разъяснение термина «применение меры пресечения» как процессуальных действий, осуществляемых с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения, имеет локальное значение и носит частный характер.

В-третьих, нельзя признать удачным и сам текст п. 29 ст. 5 УПК РФ, дословное прочтение которого приводит к выводу о том, что применение меры пресечения сопровождается самостоятельными процессуальными действиями наряду с избранием, отменой или изменением меры пресечения. Такое представление о структуре мер пресечения весьма условно и неточно. В текстах ряда статей гл. 13 «Меры пресечения» термины «применение меры пресечения» и «избрание меры пресечения» используются как тождественные, не противопоставляются. В чистом виде понятие «применение меры пресечения» в отрыве от избрания, отмены или изменения меры пресечения, продления срока ее действия просто не существует.

В процессуальной литературе правильно, на наш взгляд, обращается внимание на «перегруженность» ст. 5 УПК РФ в ущерб продуманности, целесообразности и точности помещенных в ней формулировок.

Так, Е.Н. Арестова предложила исключить из ст. 5 УПК РФ пункты 47 (в нем раскрывается значение термина «сторона обвинения») и 58 (приводится значение термина «участники уголовного судопроизводства») как «неточные, вызывающие трудности в интерпретации, к тому же не востребованные в практике уголовного судопроизводства» [1, с. 15]. На многочисленные неточности, допущенные при раскрытии значения конкретных терминов, фигурирующих в ст. 5 УПК РФ, также указывает В.В. Николюк [8, с. 155–56].

Таким образом, подмена действительно значимых, институциональных понятий уголовного процесса частными нормативными предписаниями технико-процедурного характера, «вырванными» из контекста соответствующих разделов, глав и даже отдельных статей УПК РФ, препятствует выстраиванию системы терми-

нов и понятий, способных придать правовым уголовно-процессуальным конструкциям требуемую ясность как обязательного условия единообразного понимания и точного применения процессуальных норм.

Учитывая место в Кодексе перечня основных уголовно-процессуальных понятий (он размещен в одном разделе с другими базовыми процессуальными конструкциями, принципами уголовного судопроизводства), от них ожидается не столько непосредственное участие в правовом регулировании, сколько их влияние на уяснение смысла закона.

Исследуя назначение ст. 5 УПК РФ, А.М. Баранов и К.Н. Смирнова приходят к оригинальному выводу, что «основные понятия УПК РФ, собранные воедино и именованные так законодателем, будучи рассматриваемыми в системе, выражают сущность судопроизводства, фактически являются “кратким справочником (словарем)” уголовного судопроизводства России» [2, с. 170]. Данная точка зрения дискуссионна. С одной стороны, здесь с авторами следует согласиться, размещение перечня основных понятий уголовного судопроизводства в разделе 1 УПК РФ «Основные положения», по соседству с нормами, определяющими назначение уголовного процесса, его принципы как наиболее общие и значимые требования системообразующего характера к порядку уголовного судопроизводства [4, с. 12], безусловно, указывает на главный критерий отбора конкретных нормативных предписаний, могущих претендовать на включение в ст. 5 УПК РФ: они должны отражать назначение и инфраструктуру отечественного уголовного процесса – систему его стадий, институтов, особые порядки производства.

С другой стороны, вряд ли конструктивно и оправданно на примере ст. 5 УПК РФ проводить параллель между комплексом основных понятий уголовного судопроизводства и справочником (словарем) в сфере уголовно-процессуальной деятельности. Словарь как собрание, сборник слов с приведением их значения, и справочник как издание практического назначения с кратким изложением в систематической форме сведений о конкретной области деятельности, имеют иное функциональное назначение, составляются по специальным правилам. Справочники и словари в силу своей служебной роли аккумулируют подробную, детальную информацию о каком-либо феномене и поэтому объективно не могут «отсекать» относящиеся к нему важные сведения. В связи с этим не случайно изданный в 2008 г. Словарь-комментарий к УПК РФ объединил более 300 понятий [10].

Выделение в УПК РФ рубрики, посвященной расшифровке основных уголовно-процессуальных терминов, размещение в ней лишь части понятийного аппарата Кодекса, ориентированного на институциональные основы российского уголовного судопроизводства, акцентирует внимание на особой роли в уголовно-процессуальных правоотношениях положений, включенных в ст. 5 УПК РФ в виде соответствующих дефиниций. Последние, если они прошли надлежащий отбор, обеспечивают удобство в правоприменении.

В заключение представляется целесообразным затронуть и следующий вопрос. В процессуальной литературе законодатель часто упрекается в чрезмерном расширении в ст. 5 УПК РФ перечня основных понятий уголовного судопроизводства, включении в него частных, технических процедур, что приводит к дублированию и конкуренции основных уголовно-процессуальных терминов, снижает их регулятивный по-

тенциал. Однако к этому его косвенно «подталкивают» многочисленные доктринальные, особенно диссертационные исследования, в которых «правилом хорошего тона» стало внесение предложений о дополнении ст. 5 УПК РФ теми или иными определениями [3, с. 12; 6, с. 7; 7, с. 16; 9, с. 22; 11, с. 11 и др.]. Поэтому любые попытки изменить содержание ст. 5 УПК РФ на всех уровнях, в том числе на доктринальном, требуют объективной научной экспертизы. В противном случае ст. 5 УПК РФ пополнится десятками новых дефиниций, что приведет к нарушению разумного баланса соотношения общих и конкретизирующих их правовых предписаний.

Придерживаясь мнения, что корректировка базовых понятий уголовного процесса может иметь место только в исключительных случаях, прежде всего при серьезных изменениях в уголовно-процессуальном законодательстве, автор статьи в то же время допускает обновление перечня основных понятий уголовного судопроизводства и в «плановом порядке», когда, например, очевидно отсутствие в нем фундаментальных для уголовно-процессуальной инфраструктуры положений. Нет сомнений в том, что в круг «подлинно основных понятий», к которым А.М. Баранов и К.Н. Смирнова относят «досудебное производство», «защиту», «обвинение», «приговор», «реабилитацию», «суд», «судебное разбирательство», «уголовное дело», «уголовное преследование», «уголовное судопроизводство» [2, с. 79], необходимо включить понятие «уголовное правосудие». Последнее распространяется на все этапы производства по уголовному делу, на всех должностных лиц и органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность. Правосудие является фундаментальным, стержневым понятием для всего уголовного процесса [5, с. 387] и довольно странно, что до сих пор оно не закреплено в ст. 5 УПК РФ.

Итак, формирование в УПК РФ перечня основных понятий уголовного судопроизводства с разъяснением их значения и объединением в самостоятельной статье продолжает заложенную в УПК РСФСР 1923 г. традицию, позитивно воспринимаемую вот уже на протяжении почти столетия. Содержание ст. 5 УПК РФ громоздко, в нее неоправданно включен ряд понятий и терминов, имеющих частный, процедурно-технический характер. Кроме того, отдельные понятия выражены в ст. 5 УПК РФ неточно, что приводит к конкуренции правовых предписаний и осложняет правоприменение. Изменение относительно устоявшегося набора основных понятий уголовного процесса, зафиксированного в ст. 5 УПК РФ, должно происходить в исключительных случаях, как правило, при внесении в УПК РФ существенных дополнений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арестова Е.Н. О некоторых проблемах понятийного аппарата УПК РФ // Рос. следователь. – 2015. – № 19. – С. 12–16.
2. Баранов А.М., Смирнова К.Н. Основные понятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: монография. – М., 2015. – 216 с.
3. Баскакова В.Е. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
4. Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 58 с.

5. Безруков С.С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса: монография. – М., 2016. – 560 с.
6. Комиссаренко Е.С. Следственные действия в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 27 с.
7. Марковичева Е.В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2011. – 482 с.
8. Николук В.В. О совершенствовании статьи 5 УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов XII междунар. научн.-практ. конф. (19–20 февраля 2009 г.). Ч. 2. – Красноярск, 2009. – С. 152–156.
9. Орлова А.А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 58 с.
10. Словарь-комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. И.В. Смольковой. – М., 2008.
11. Тутынин И.Б. Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 33 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Arestova E.N. About some problems of the conceptual apparatus of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Russian investigator. – 2015. – No 19. – PP. 12–16.
2. Baranov A.M., Smirnova K.N. Basic concepts of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: monograph. – M., 2015. – 216 p.
3. Baskakova V.E. The resumption of criminal proceedings due to new circumstances (theory and practice): author. dis. ... cand. legal sciences. – Yekaterinburg, 2009. – 24 p.
4. Bezrukov S.S. The principles of the criminal process: abstract. dis. ... doctor. legal sciences. – M., 2016. – 58 p.
5. Bezrukov S.S. Theoretical and legal problems of the system and content of the principles of the criminal process: monograph. – M., 2016. – 560 p.
6. Komissarenko E.S. Investigative actions in the criminal process of Russia: author. dis. ... cand. legal sciences. – Saratov, 2005. – 27 p.
7. Markovicheva E.V. Conceptual foundations of juvenile criminal proceedings: abstract. dis. ... doctor. legal sciences. – Yekaterinburg, 2011. – 482 p.
8. Nikolyuk VV On improving article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Actual problems of the fight against crime in the Siberian region: Sat. Materials X11 Int. scientific-practical conf. (February 19–20, 2009). Part 2. – Krasnoyarsk, 2009. – PP. 152–156.
9. Orlova A.A. The concept of rehabilitation and the organizational and legal mechanisms for its implementation in the Russian criminal process: abstract. dis. ... doctor. juridical sciences. – M., 2013. – 58 p.
10. Dictionary-commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / under scientific. ed. I.V. Smolkova. – M., 2008.
11. Tutynin I. B. seizure of property as a measure of criminal procedural coercion: Author. dis. ... cand. legal sciences. – M., 2005. – 33 p.

УДК 343.13
DOI 10.24411/2312-3184-2020-10038

Доника Данил Андреевич
адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России
E-mail: ddd1993ddd@yandex.ru

Donika Danil Andreevich
Adjunct of the Department of management
of crime investigation bodies
Academy of management of the Ministry
of internal Affairs of Russia
E-mail: ddd1993ddd@yandex.ru

К ВОПРОСУ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ КАК ПРОБЛЕМЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ

Введение: в статье обсуждается проблема злоупотребления правом в уголовно-процессуальной отрасли национального законодательства. На основе анализа литературы показано, что рассматриваемая проблема в настоящее время вызывает интерес не только среди исследователей-ученых в данном поле юридических наук, но и среди правоприменителей. Кроме того, эта проблематика давно обсуждается в зарубежных исследованиях. В статье рассмотрены условия и признаки злоупотребления правом в уголовном процессе.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, нормативные акты, регламентирующие и касающиеся такого специфического юридического явления, как злоупотребление правом, а также работы в области уголовного процесса. Методологическую основу составили носящий универсальный характер метод диалектического научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, метод сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили уточнить и обобщить отдельные положения, касающиеся понимания дефиниции «злоупотребление правом», ее характеристик и возможные процессуальные способы преодоления юридического явления в уголовно-процессуальной науке.

Выводы и заключения: в связи с наличием мнения ученых относительно введения в уголовно-процессуальный закон положения о недопустимости злоупотреблений, предлагаемые в современных работах правовые и организационные меры, нацеленные на создание процессуального механизма оценки действий субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, окажутся эффективными.

Ключевые слова: злоупотребление правом, уголовный процесс, защита прав и свобод, субъективное право, правоприменительная практика.

ON THE ISSUE OF ABUSE OF LAW AS A PROBLEM IN CRIMINAL PROCEDURE SCIENCE

Introduction: the article discusses the problem of abuse of law in the criminal procedure branch of national legislation. Based on the analysis of the literature review, it is shown that the problem under consideration is currently of interest not only among researchers-scientists in this field of legal Sciences, but also among law enforcement officers. In addition, this issue has long been discussed in foreign studies. The article considers the conditions and signs of abuse of law in criminal proceedings.

Materials and methods: the legal basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, regulations governing and relating to such a specific legal phenomenon as abuse of the right, as well as studies previously conducted by experts in the field of criminal procedure. The methodological basis of our study was the universal method of dialectical scientific knowledge, which was universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, the method of comparison, analysis, generalization and description.

The results of the study: allowed us to clarify and generalize certain provisions concerning the understanding of the definition of "abuse of law", its characteristics and possible procedural ways to overcome this specific legal phenomenon in criminal procedure science.

Findings and conclusions: the analyzed materials, due to the unanimous opinion of scientists regarding the introduction of a provision on the inadmissibility of abuse into the criminal procedure law, make it possible to predict the effectiveness of the legal and organizational measures proposed in modern works on creating a procedural mechanism for assessing the behavior of a participant in criminal proceedings aimed at preventing the abuse of right in the criminal process.

Key words: abuse of law, criminal procedure, protection of rights and freedoms, subjective law, law enforcement practice.

Преобладающая в настоящее время тенденция на приведение действующего законодательства в соответствие с конституционными нормами Российской Федерации, выявленная в ходе обзора изменений и совершенствования современного российского права, ориентирует его развитие, в частности, в сторону обеспечения соблюдения закрепленных в Конституции Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина. Таким изменениям подвержена и основная отрасль российского законодательства – уголовно-процессуальное право [1, 2, 10, 13, 21].

Основные принципы уголовного процесса определяют права и свободы человека и гражданина: презумпция невиновности, обеспечение подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, неприкосновенность личности и личной жизни, защита чести и достоинства. Однако у субъектов уголовного процесса есть возможность использовать предоставленные права на причинение вреда правам и законным интересам других лиц [7, с. 23]. С формальной точки зрения подобные действия субъекта можно определить в границах общего типа поведения, т.е. как дозволенные законом, но при

этом в действительности будет иметь место злоупотребление правом или дискреционными полномочиями [19, с. 25–28].

Проблема злоупотребления правом в уголовном процессе вызывает интерес не только у исследователей-ученых, но и среди правоприменителей. Данная проблематика давно обсуждается и в зарубежных исследованиях (W. Van Rossum, J. Tigchelaar, P. Ippe), в которых несмотря на дискретность, уделяется особое внимание злоупотреблению правом на отвод судьи с целью затягивания судопроизводства [30, 31, 32], и подчеркивается сложность ограничения злоупотребления обоснованного его использования [33, 34].

Частью 3 ст. 62 УПК РФ предусмотрено, что в случае отказа в удовлетворении заявленного ходатайства об отводе, подача повторного тем же лицом и по тем же основаниям не допускается. Часть 3 ст. 62 УПК РФ введена Федеральным законом N 309-ФЗ от 02.08.2019, что указывает на озабоченность законодателя вопросом злоупотребления субъективным правом участниками уголовного процесса, однако данная норма введена спустя почти 18 лет после вступления в силу УПК РФ.

Вышесказанное обуславливает проблему необходимости решения вопросов юридической оценки формально не противоречащих закону действий управомоченного субъекта, но в то же время имеющих социально вредный характер [13; 14] в связи с возможностью причинения вреда личности, обществу и государству [5, с. 14–16; 7, с. 129–130]. Решать обозначенную проблему нужно таким способом, чтобы действия должностных лиц при применении нацеленных на предупреждение и предотвращение правового феномена «злоупотребления правом» мер полностью не лишили лицо, вовлеченное в уголовный процесс, его прав, предусмотренных основополагающим законом нашего государства или иным действующим законодательством [8].

Актуальность вопроса вполне логична в связи с тем, как указывалось ранее, расширение законодателем перечня прав участников уголовного процесса позволяет говорить о выделении на современном этапе развития уголовного судопроизводства такого его назначения, как защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Но даже легитимизация нормативно-правовыми актами Российской Федерации прав субъектов уголовно-процессуальных правоотношений не может рассматриваться как абсолютная гарантия их полноценной реализации. В связи с этим возникает вопрос о необходимости создания и проработки механизма, способного обеспечить полноценную реализацию обозначенных прав в законных рамках.

Злоупотребление субъектами уголовного процесса правом определяется способом его реализации, в случае рассмотрения в данном аспекте должностных лиц, то способом использования полномочий, предоставленных им действующим законодательством. С этой стороны, правоприменители сталкиваются с проблемой отсутствия конкретного порядка регулирования применения правовых норм и его закрепления законодателем в данной сфере, что в свою очередь дает возможность субъектам процесса злоупотреблять предоставленными им правами. Исходя из содержания законодательства РФ, относящегося к уголовному судопроизводству, можем сделать вывод, что лицо, вовлеченное в уголовный процесс, вправе самостоятельно выбрать из всех

возможных вариантов поведения, предоставленных ему законом, тот, который ему наиболее импонирует. Принимая во внимание вышесказанное, необходимо отметить, что при отсутствии нормативных и законодательных ограничений в выборе субъектом процесса способа поведения, данный факт может стать причиной нарушения прав и интересов иных лиц, а также полной невозможности реализации ими предоставленных законов прав и интересов. В рассматриваемом контексте право перестает являться равной для всех мерой свободы [18, с. 63].

В ч. 3 ст. 17 Конституции РФ закреплено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Поскольку в соответствии с закрепленной иерархией норм, ратифицированные и внедренные в национальное законодательство нормы международного права имеют приоритетное значение, считаем, что важнее наложение законодательного запрета злоупотребления имеющимся правом, который закреплен в Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ст. 17. В свою очередь, в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации говорится, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, со ст. 18 обозначенной выше Конвенции. Учитывая изложенное, а именно указанные выше нормы, считаем возможным сделать логический вывод о недопустимости злоупотребления субъективным правом, т.к. оно посягает на законную реализацию прав и законных интересов других лиц.

Несмотря на существующее в настоящее время широкое обсуждение исследуемой проблемы, нельзя признать определение злоупотребления правом разработанным в уголовном процессе. Как показывает анализ современных трудов в области уголовного процесса по исследуемому вопросу, только в последнее время стали появляться труды ученых-процессуалистов, в которых наблюдается комплексный подход к исследованию такого правового явления, как злоупотребление правом [21, 22, 23]. И только в июне 2019 г. законодателем предприняты первые шаги к предупреждению возникновения ситуаций, позволяющих субъектам уголовного процесса злоупотреблять предоставленными им правами.

О.Я. Баев и М.О. Баева рассматривают злоупотреблением правом как правовое, но явно недопустимое поведение, важной характеристикой которого авторы считают всегда преднамеренное как активное (действие) поведение так и пассивное (бездействие) поведение, что предполагает в качестве обязательного признака наличие у субъекта закрепленного права. Они подчеркивают целесообразность выделения такой формы нарушений прав человека как злоупотребление в уголовном судопроизводстве, исходя из специфики этой отрасли права, и предлагают принцип «Недопустимость злоупотребления правом» изложить в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4].

В свою очередь, анализируя труды зарубежных исследователей, в частности специалистов права англо-саксонской семьи, можем определить, что концепция злоупотребления процессуальными правами как подлежащего судебному разбирательству правонарушению и основания для приостановления производства по делу разра-

батывалась судами стран общего права в течение длительного периода времени. Основная цель доктрины состоит в том, чтобы не допустить использования судебной системы таким образом, который противоречит ее основополагающим ценностям, целям и принципам. Она имеет ряд различных сфер деятельности в зависимости от правового контекста. В российском уголовно-процессуальном законодательстве злоупотребление имеет долгую историю в гражданском праве, но гораздо короткую в уголовном. С учетом вышеизложенного, считаем необходимым отметить, что в прецедентной модели права, которой подчинены все отрасли, в том числе и уголовный процесс, основным местом проявления данного феномена является суд и судебный процесс. Судебная стадия является единственной, где употребляется данная доктрина, и только на данной стадии выявляется данное явление [30–34].

В своих работах рассматривая в качестве признаков злоупотребления правом в уголовном процессе собственно наличие права у субъекта процесса, отсутствие правового регулирования и нормативного предвидения в конкретной ситуации правоотношений, или другими словами ситуация правовой неопределенности, а также непосредственно установленный УПК РФ статус участника, Е.В. Рябцева считает злоупотреблением правом совершенные умышленно действия, так как злоупотребление не может быть совершено по неосторожности, случайно или по заблуждению. Аналогично О.Я. Баеву и М.О. Баевой Е.В.Рябцева предлагает ввести и закрепить в УПК РФ принцип «Презумпция добросовестности», при этом рассматривать исследуемую категорию как некую особую форму противоправного поведения, которое причиняет, либо способно создать угрозу причинения вреда, выделяя при этом такой признак, как искажение сущности назначения субъективного права. Она также высказывает мнение выделения категории злоупотребления правом из общеправовой концепции злоупотребления [19, с. 33–35, 43].

Разделяемое целым рядом исследователей мнение О.И. Даровских заключается в характеристике злоупотребления правами, а именно в необходимости принятия к сведению одновременно признаков и условий данного явления, при которых возможно злоупотребление правом в уголовном процессе, а именно об обстоятельствах, способствующих появлению субъективных злоупотреблений [7, 8, 10, 15, 17].

Определяя злоупотребление правом как противоправное поведение, О.Н. Бармина указывала, что в результате такого поведения могут и не нарушаться законные права и интересы других лиц, но оно обязательно затрагивает основополагающие принципы процесса, искажая последние [5, с. 93].

По мнению О.В. Желновой, должностные лица не могут злоупотребить правом, т.к. наделены полномочиями [11,12]. И в данном аспекте уже встает вопрос о злоупотреблении полномочиями должностным лицом, поскольку подобные действия рассматриваются в рамках УК РФ [11, с. 117, 119].

Само по себе отсутствие условий для злоупотребления правом исключает саму возможность злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве. Подобную точку зрения высказывали в своих работах А.А. Малиновский [14, с. 28], О.Я. Баев, М.О. Баев [4], Е.В. Рябцева [19, с. 34], О.В. Желева [11, с. 118].

Однозначно, уже указывалось ранее, для злоупотребления субъективным правом участник процесса должен быть наделен законодателем данным правом. Если

участник судопроизводства действует определенным образом, при этом на данные действия у него вовсе нет права либо отсутствуют права поступать подобным способом, то ни о каком злоупотреблении правом и речи быть не может. В данном случае, вероятнее всего, действия субъекта будут расцениваться как правонарушения или проступки. Ненадлежащее выполнение или невыполнение субъектом своих процессуальных обязанностей при определенных условиях может быть расценено как правонарушение и повлечь уголовную или административную ответственность [6].

Существует мнение, что некоторые действия участников предварительного расследования со стороны обвинения, в частности следователя (дознателя), при рассмотрении поступивших от стороны защиты ходатайств о приобщении к уголовному делу каких-либо доказательств, и последующем слабомотивированном отказе в их удовлетворении, нельзя рассматривать как злоупотребление, так как принцип состязательности сторон не допускает участия одних и тех же субъектов процесса как со стороны обвинения так и со стороны защиты [10, 17, 15, 24].

Следователь (дознатель) отнесен законодателем к стороне обвинения, что не обязывает, а даже можем считать по сути назначения указанной нормы УПК РФ, запрещает осуществлять какие-либо действия в сторону защиты, что противоречит таким принципам уголовно-процессуального права, как справедливость и объективность рассмотрения дела. В этом случае возможно злоупотребление правом, обусловленное наличием правовой неопределенности, образовавшейся как при толковании нормы права, так и в деятельности правоприменителя относительно порядка осуществления какого-либо предоставленного вовлеченному в процесс лицу права.

С мнением научного сообщества о невозможности злоупотребления правом в случае закрепления в действующем законодательстве обязательных действий, считаем возможным согласиться и в качестве примера приведем ситуацию, когда на стадии ознакомления с материалами уголовного дела или предъявления «нового» обвинения происходит практически безосновательная замена обвиняемым своих защитников с целью затягивания сроков расследования. При этом нарушается принцип «разумности сроков», закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ, а в последующем процедура судебного разбирательства [7, 8].

К особенностям, которые смогут охарактеризовать злоупотребление субъективным правом и по которым возможно выявить наличие данной категории при расследовании преступлений, на наш взгляд, следует отнести тот факт, что это специфическая форма неправомерных действий, либо в исключительных случаях, когда субъектом выступает должностное лицо – бездействий.

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. [27], в пункте В «Жертвы злоупотребления властью» рассматривает только злоупотребления властью, а не злоупотребления правом в целом, что выходит за рамки рассматриваемой нами проблематики и отраженные в данной декларации принципы не унифицированы для всех отраслей права. Для каждой отрасли права злоупотребления имеют свои характеристики и влекут различные последствия, поэтому специфичны средства и меры по их предупреждению и пресечению.

Как показывает опыт зарубежной практики по урегулированию подобных вопросов, положительный эффект наряду с применением судебных ограничений, оказывает привлечение к уголовному судопроизводству омбудсмена, который, как и суд, выступает незаинтересованной стороной, исключает злоупотребления с его стороны. С учетом специфики и различий зарубежного (прецедентного) и отечественного права сложно говорить об эффективности внедрения подобной практики в российской уголовно-процессуальное законодательство, также ввиду слабой изученности данного вопроса научным сообществом [28, с. 3–12, 30–34]. Следует отметить, что сам институт омбудсмена существует в России, но только в цивилистике. Особенности уголовного процесса обязывают более тщательно подойти к вопросу интеграции этого института, через который может осуществляться пресечение проявлений злоупотребления правом.

Наиболее активную в научном сообществе дискуссию вызывает вопрос, что же представляет собой такое правовое явление как «злоупотребление правом», является оно правомерным поведением либо все же противоправным деянием. Объединив существующие в науке точки зрения, можно выделить следующие позиции: это абсолютно противоправное поведение [19, с. 37–33; 21]; правовое поведение, но все же не должное и тем самым недопустимое [4, с. 22], поведение правомерное [9,10,11]; поведение и правомерное, и противоправное одновременно [11]; злоупотребление не является ни правомерным поведением, ни правонарушением, тем самым его можно определить как особый новый вид правового поведения [19,20]. Обосновывая данное мнение, можно привести следующие аргументы [8, 9]: возможность признания правомерным поведением злоупотребление правом отсутствует, так как оно выходит за установленные нормой права пределы «допустимого и приемлемого ущемления» прав и интересов других участников процесса, являясь в начале правомерным, данное поведение постепенно изменяется и субъективное право реализуется участником уже относительно иных лиц во зло, ограничивает либо затрагивает интересы иных участников процесса, общества, государства, посягает на принципы уголовного судопроизводства. Под «пределами правомерного поведения», мы предполагаем границы, которые заложены законодателем при формировании той или иной нормы права.

Злоупотребление правом не может относиться к правонарушению, поскольку субъект совершает исключительно определенные законом действия и действует в законных пределах. Участник процесса не нарушает нормы права и подобные действия не всегда направлены на причинение вреда, в отличие от правонарушения. С нашей точки зрения, на стадии предварительного расследования злоупотребить своим правом может любой участник уголовного процесса, включая должностных лиц. Отметим, что О.В. Желева высказывает противоположное мнение [11, с. 119]. К сожалению, следственно-судебная практика подтверждает, что любые участники процесса на стадии предварительного расследования, в том числе и должностные субъекты, обладая правами и реализуя их, могут допускать злоупотребление своими правами [19, с. 79]. Это связано с тем, что злоупотребление правом – это всегда умышленные действия (бездействия), в данном контексте субъект осознает, что использование предоставленного ему права выходит за законодательные рамки дозволенного, и с определенного момента продолжает действовать в противоречии с имеющимся у него за-

конным интересом и в противоречии с назначением и смыслом предоставленного ему права.

Большая часть ученых-процессуалистов (Е.В. Рябцева, О.Я. Баев, М.О. Баева) при рассмотрении вопроса злоупотребления правом предлагают ввести соответствующий принцип в УПК, для примера назвав его «презумпция добросовестности» или «недопустимость злоупотребления правом», либо наш вариант – «недозволительность злоупотребления предоставленным правом». Влияние такого явления как злоупотребление правом настолько велико, что требуют кардинальных мер и в нормотворчестве, которые могут найти свое отражение в тексте уголовно-процессуального закона – введение нового принципа. В УПК РФ в ст. 5 дать дефиницию «злоупотребления правом», которая ввиду множественности и противоречивости мнений не определена [4]. Существует необходимость в более тщательной проработке данного вопроса с учетом зарубежного опыта, принимая во внимание специфику национального законодательства. Мнение ученых относительно введения в уголовно-процессуальный закон положения о недопустимости злоупотреблений позволяет прогнозировать эффективность предлагаемых правовых и организационных мер, нацеленных на создание процессуального механизма оценки действий субъекта уголовно-процессуальных правоотношений на недопущение злоупотребления субъективным правом в уголовном судопроизводстве. Окончательное решение проблемы злоупотребления правом, безусловно, остается за законодателем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Азаров В. А., Нурбаев Д.М. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «уголовно-процессуальное правонарушение» // Уголовная юстиция. — 2017 — № 2 (10). — С. 14–18.
2. Андреева О.И., Григорьев В.Н. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 914–924.
3. Андреева О. И. О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение / О. И. Андреева, О. А. Зайцев, Д. В. Емельянов // Уголовная юстиция – 2017. – № 2 (10). – С. 19–24.
4. Баев О.Я., Баев М.О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: монография. – М.: Проспект, 2014. 216 с.
5. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис...канд. юрид. наук. – Киров, 2014. – 93 с.
6. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Юристъ, 1998. 484 с.
7. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. Челябинск. – Цицеро, 2013. –152 с.
8. Даровских О. И. К вопросу о признаках злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. – 2017. – № 2 (10). – С. 25–29.
9. Даровских С. М. О совершенствовании порядка установления факта злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве / С. М. Даровских // Уголовная юстиция. — 2017. — № 2 (10). — С. 30–34. — DOI: 10.17223/23088451/10/6.

10. Диваев А. Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. – 2017. – № 2 (10). – С. 35–42.
11. Желева О.В. Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. – № 396. – С. 117, 119. 6.
12. Желева О.В. Требования к ходатайствам частных лиц в досудебном производстве как необходимое условие добросовестной реализации прав участников уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 175–181.
13. Маркина Е. А. О злоупотреблении стороной защиты правом в судебном разбирательстве «de jure» и «defacto» // Уголовная юстиция. – 2017. – № 2 (10). – С. 49–55. — DOI: 10.17223/23088451/10/9.
14. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). – М., 2007. – С. 28.
15. Лазарева В. А. Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. – М. : Юрайт, 2014. – 322 с.
16. Леви Э. Введение в правовое мышление / пер. с англ. – М.: Наука, 1995. С. 9.
17. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
18. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009.
19. Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 144 с.
20. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. – М., 1989. – С. 837, 589.
21. Смолькова И. В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 3 (78). – С. 15–25.
22. Смирнова И. Г. К вопросу о необходимости формирования новой уголовно-процессуальной стратегии // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 3 (122). – С. 128–132.
23. Трубникова Т. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 3 (17). – С. 65–78. — DOI: 10.17223/22253513/17/8.
24. Трубникова Т. В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Орел, 2016. – С. 366–372.
25. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М. : Инфра – М, 2013. – 192 с.

26. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 окт. 2010 г. Дело «Константин Маркин против России» [Konstantin Markin v. Russia] (жалоба № 30078/06) (I Секция) (извлечение) // ГАРАНТ.РУ: URL <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12085346/#ixzz4rDztygFc> (Дата обращения 12.11.2019)

27. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 нояб. 1985 г. // СПС КонсультантПлюс.

28. Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness : International Colloquium, 27–30 Oct. 1998, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana / ed. by M. Taruffo. – Boston : Kluwer International, 1999. – 370 p.

29. Byers M. Abuse of rights: An Old Principle, a New Age / M. Byers // McGill Law Journal. – 2002. – Vol. 47. – P. 389–434.

30. Giesen I. [et al De wrakingsprocedure. Een rechtsvergelijkend onderzoek naar de mogelijkheden tot herziening van de Nederlandse wrakingsprocedure // Research Memoranda. – 2012. – № 5. – P. 1–178.: URL <https://www.rechtspraak.nl/SiteCollectionDocuments/RM-2012-5.pdf>. (Дата обращения 12.11.2019)

31. Emmerik M. L. van. Rechtspraak anno 2014 : vertrouwen is goed maar controle kan (nog) beter [Electronic resource] / M. L. van Emmerik, J. P. Loof, Y. E. Schuurmans // Nederlands Juristenblad. – 2014. – Iss. 32. – P. 2228–2236. YRL: <http://hdl.handle.net/1887/>(Дата обращения: 12.11.2019)

32. Van Rossum W. Wraking bottom-up / W. Van Rossum, J. Tigchelaar, P. Ippel // Research Memoranda. – 2012. – № 6. – P. 1–154. URL: режим доступа: <https://www.rechtspraak.nl/SiteCollectionDocuments/BrochureWraking-bottom-up.pdf>. (Дата обращения 12.11.2019)

33. Observations on sanctions against the abuse of procedural rights // Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness: International Colloquium, 27–30 Oct. 1999, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana / ed. by M. Taruffo. – Boston : Kluwer International, 1999. – P. 245–248.

34. Sonnemans J. An economic approach on countering the misuse of the right to challenge judges: an experiment / J. Sonnemans [et al.]// European Journal of Law and Economics. – 2018. – Vol. 45, iss. 1. – P. 29–57.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Azarov V. A. Correlation of concepts "abuse of law" and "criminal procedural offense" / V. A. Azarov, D. M. Nurbaev // Criminal justice. – 2017. – № 2 (10). – Pp. 14–18. – DOI: 10.17223/23088451/10/3.

2. Andreeva O. I., Grigoriev V. N. Abuse of law, its prevention and suppression in the criminal process of Russia: some results of the research // All-Russian criminological journal. 2018. Vol. 12, No. 6. – С. 914–924

3. Andreeva O. I. on abuse of the defender's right to protection and ways of reacting officials to unfair behavior / O. I. Andreeva, O. A. Zaitsev, D. V. Yemelyanov // Criminal justice. – 2017. – № 2 (10). – Pp. 19–24. – DOI: 10.17223/23088451/10/4.

4. Baev O. Ya., Baev M. O. Abuse of law in pre-trial proceedings in criminal cases: monograph. – Moscow: Prospekt, 2014–216 p.
5. Barmina O. N. Abuse of law as a General legal category: theoretical and legal analysis: dis ... kand. the faculty of law. Sciences–Kirov. 2014. – P. 93.
6. Gribanov V. p. Implementation and protection of civil rights. Moscow: Yurist, 1998. 484 p.
7. Darovskikh O. I. Abuse of law in criminal proceedings of Russia: monograph. Chelyabinsk: Cicero, 2013. 152 p.
8. Darovskikh O. I. On the question of signs of abuse of law in criminal proceedings / O. I. Darovskikh // Criminal justice. – 2017. – № 2 (10). – Pp. 25–29. – DOI: 10.17223/23088451/10/5.
9. Darovskikh S. M. on improving the procedure for establishing the fact of abuse of law in criminal proceedings / S. M. Darovskikh // Criminal justice. – 2017. – № 2 (10). – Pp. 30–34. – DOI: 10.17223/23088451/10/6.
10. Divaev A. B. Abuse of the rights of participants in the trial of criminal cases in the conditions of competition // Criminal justice. – 2017. – № 2 (10). – Pp. 35–42. – DOI: 10.17223/23088451/10/7.
11. Zheleva O. V. Concept and signs of abuse of law in criminal proceedings // Bulletin of Tomsk state University. – 2015.– No. 396. Pp. 117, 119. 6.
12. Zheleva O. V. Requirements for petitions of private persons in pre-trial proceedings as a necessary condition for the fair implementation of the rights of participants in criminal proceedings // Bulletin of Tomsk state University. – 2017. – № 415. – Pp. 175–181. – DOI: 10.17223/15617793/415/25.
13. Markina E. A. on the abuse of the right of the defense party in the judicial proceedings "dejure" and "defacto" / E. A. Markina // Criminal justice. – 2017. – № 2 (10). – Pp. 49–55. – DOI: 10.17223/23088451/10/9.
14. Malinovsky A. A. Abuse of subjective law (theoretical and legal research). – Moscow, 2007. P. 28.
15. Lazareva V. A. Protection of individual rights in the criminal process of Russia: textbook. manual / V. A. Lazareva, V. V. Ivanov, A. K. Utarbayev. – Moscow: yurayt, 2014. – 322 p.
16. Levi E. Introduction to legal thinking / per. s angl. M.: Nauka, 1995. P. 9.
17. Naumov A. E. Abuse of law: theoretical and legal aspect: author's abstract. ... Cand. jurid. nauk. – M., 2010.–25 p.
18. Odegnal E. A. Abuse of law as a phenomenon of legal reality: dis. ... kand. the faculty of law. Sciences. Stavropol, 2009. P. 63.
19. Ryabtseva E. V. Abuse of law in criminal proceedings: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2014. – 144 p.
20. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: 70000 words / ed. by N. Yu. Shvedova. 21st ed., transl. and add. – M., 1989. – P. 837, 589.
21. Smolkova I. V. Should the accused bear criminal responsibility for the conspiracy of an obviously innocent person? // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2016. – № 3 (78). – Pp. 15–25.

22. Smirnova I. G. On the question of the need to form a new criminal procedure strategy / I. G. Smirnova // *Bulletin of Orenburg state University*. – 2011. – № 3 (122). – Pp. 128–132.
23. Trubnikova T. V. Abuse of law in criminal proceedings: criteria and limits of intervention by the state / T. V. Trubnikova // *Bulletin of Tomsk state University. Right*. – 2015. – № 3 (17). – Pp. 65–78. – DOI: 10.17223/22253513/17/8.
24. Trubnikova T. V. Proceedings on the appointment of criminal law measures in the form of a court fine: the essence and guarantees against abuse of law // *Modern criminal procedure law of Russia: history lessons and problems of further reform : materials of the international conference. scientific–practical Conf.* – Orel, 2016. – Pp. 366–372.
25. Shafer S. A. pre-Trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power / S. A. Shafer. – Moscow: Infra-M, 2013. – 192 p.
26. The judgment of the European Court of human rights on October 7, 2010 Konstantin Markin V. Russia (complaint no. 30078/06) (Section I) (excerpt) // [Electronic resource] GARANT.RU: access mode: URL <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12085346/#ixzz4rDztygFc> (accessed 12.11.2019)
27. Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power, adopted by the UN General Assembly on November 29, 1985 // SPS ConsultantPlus.
28. Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness : International Colloquium, 27–30 Oct. 1998, Tulane Law School – New Orleans, Louisiana / ed. by M. Taruffo. – Boston : Kluwer International, 1999. – 370 p.
29. Byers M. Abuse of rights: An Old Principle, a New Age / M. Byers // *McGill Law Journal*. – 2002. – Vol. 47. – P. 389–434.
30. Giesen I. [et al De wrakingsprocedure. Een rechtsvergelijkend onderzoek naar de mogelijkheden tot herziening van de Nederlandse wrakingsprocedure // *Research Memoranda*. – 2012. – № 5. – P. 1–178. – URL: access mode: <https://www.rechtspraak.nl/SiteCollectionDocuments/RM-2012-5.pdf> (Date accessed 12.11.2019)
31. Emmerik M. L. van. Rechtspraak anno 2014: vertrouwen is goed maar controle kan (nog) beter [Electronic resource] / M. L. van Emmerik, J. P. Loof, Y. E. Schuurmans // *Nederlands Juristenblad*. – 2014. – Iss. 32. – P. 2228–2236. – URL: <http://hdl.handle.net/1887/>(accessed: 12.11.2019)
32. Van Rossum W. Wrapping bottom-up [Electronic resource] / W. Van Rossum, J. Tigchelaar, P. Ippel // *Research Memoranda*. – 2012. – № 6. – P. 1–154. – URL: <https://www.rechtspraak.nl/SiteCollectionDocuments/BrochureWraking-bottom-up.pdf>. (Date accessed: 12.11.2019)
33. Observations on sanctions against the abuse of procedural rights // *Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness : International Colloquium, 27–30 Oct. 1999, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana* / ed. by M. Taruffo. — Boston : Kluwer International, 1999. – P. 245–248.
34. Sonnemans J. An economic approach on countering the misuse of the right to challenge judges: an experiment / J. Sonnemans [et al.]// *European Journal of Law and Economics*. – 2018. – Vol. 45, iss. 1. – P. 29–57.

УДК 343.195

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10039

Костенко Наталья Сергеевна

доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по
предварительному следствию в
органах внутренних дел Волгоградской
академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: sns8383@mail.ru

Kostenko Natalia Sergeyevna

associate Professor department of criminal
procedure educational-scientific complex
preliminary investigation the bodies of inter-
nal Affairs in Volgograd the Academy of the
MIA of Russia PhD
E-mail: sns8383@mail.ru

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: в статье рассматривается история зарождения, становления и развития в российском уголовном судопроизводстве института суда присяжных заседателей. Определены основные требования и особенности организации деятельности таких судов, а также условия и порядок рассмотрения дел с участием присяжных заседателей. В свою очередь изучение и анализ исторических аспектов формирования судов присяжных заседателей позволяют путем сравнения основных положений, регулирующих их деятельность, определить перспективы развития судов в современных условиях с учетом трансформации всей судебной системы в целом.

Методы и материалы: нормативно-правовую базу исследования составили Устав уголовного судопроизводства 1864 г., действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее деятельность судов присяжных заседателей, следственно-судебная практика, опрос 30 федеральных судей районных судов Волгоградской и Ростовской областей, Республики Дагестан. Методологической основой исследования служит диалектический метод, сравнение, анализ и описание.

Результаты исследования позволили рассмотреть предпосылки создания и развития судов присяжных заседателей с определением основных причин и направлений их изменений, которые постепенно приводят к расширению роли присяжных заседателей при отправлении правосудия.

Вывод и заключения: несмотря на имеющееся неоднозначное отношение к суду присяжных заседателей и к изменениям, происходящим в его правовом регулировании, деятельность суда дает уникальную возможность судопроизводству непосредственно опираться на гражданское общество, олицетворяя в сознании граждан надежную гарантию гуманности к обвиняемому, являясь ярким показателем демократии в стране и делая правосудие более справедливым и состязательным.

Ключевые слова: суд присяжных, судебная система, уголовное судопроизводство, суд, присяжные заседатели.

STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF JURY TRIAL IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the history of the origin, formation and development of the institute of jury trials in Russian criminal proceedings. The basic requirements and features of the organization of the activities of such courts, as well as the conditions for the consideration of cases involving jurors, are determined. The study and analysis of historical aspects allows, by comparing the basic provisions governing the activities of jury trials, to determine the prospects for their development, taking into account the transformation of their judicial system as a whole.

Methods and materials: the regulatory and legal basis of the study was the Charter of criminal proceedings of 1864, the current criminal procedure legislation governing the activities of juries, investigative and judicial practice, analysis of a survey of 30 federal judges of district courts of the Volgograd and Rostov Regions, the Republic of Dagestan. The methodological basis of the study is the dialectic method, comparison, analysis and description.

Results: to consider the prerequisites for the creation and development of jury trials with the identification of the main causes and directions of their transformation.

Findings and conclusions that, despite the ambiguous attitude to the jury and the changes taking place in its legal regulation, the activities of such a court provide a unique opportunity for legal proceedings to rely directly on civil society, embodying a reliable guarantee of humanity to the accused in the minds of citizens, being a vivid indicator of democracy in the country and making justice more equitable.

Key words: Jury trial, judicial system, criminal justice, court, jurors.

Укрепление независимости судебных органов и принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, а также его упрощение и адаптация к изменениям, происходящим в обществе, всегда являлось целью государства на всех этапах формирования и развития всей судебной системы. Проводимая в последнее время судебная реформа не стала исключением.

С учетом того, что одним из основных индикаторов соблюдения конституционных прав граждан в отправлении правосудия является возможность участия в судебном производстве присяжных заседателей, данный институт в последнее время подвергся значительным изменениям, которые привели к расширению роли присяжных заседателей в ходе судебного производства по уголовному делу.

Обращение к историческим аспектам формирования судов присяжных заседателей в России позволяет путем их анализа понять сущность и значение самого института присяжных заседателей, определить основные принципы и условия деятельности таких судов, а также прогнозировать и корректировать пути их дальнейшего развития с возможностью выявления противоречий и расхождений, которые неизбежно возникают как результат эклектичности концепции судебной реформы.

В том виде, в котором мы понимаем суд присяжных заседателей в своем классическом проявлении и как самостоятельный правовой институт, он появился и начал действовать благодаря судебной реформе, проводимой в Российской империи в 1864 г. наряду с крестьянской, военной и другими. Он введен в действие 20 ноября того же года Уставом уголовного судопроизводства¹ (далее – Устав), в основу которого заложены международные нормы. Сущность судов определялась как симбиоз профессиональных судей и непрофессиональных представителей общества и народа, привлекаемых для отправления правосудия, «чтобы судебным приговорам, посредством внушения доверия к судьям, дать надлежащую нравственную силу»². К тому же, как утверждал И.Я. Фойницкий, подводя итог под решением императорской власти о создании суда присяжных, данный правовой институт «введен у нас не как вынужденная народом у правительства уступка, а добровольным актом как видоизменение прежних, уже устаревших форм народного участия, идея которого глубоко коренится в нашей жизни и неразрывна с нашим национальным воззрением на правосудие» [7, с. 152].

С учетом того, что судебная система того времени была разделена на две власти – мировые³ и общие судебные установления, суд присяжных заседателей созывался для рассмотрения дел в окружных судах, которые являлись судами первой инстанции в системе общих судебных установлений. Подсудность суду присяжных заседателей определялась не только тяжестью уголовного дела, но и видом самой подсудности. Так, например, по роду преступлений окружному суду с участием присяжных заседателей были подсудны «дела о преступлениях или проступках, за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния», исключение могли составлять уголовные дела «о бродягах, называющих себя не помнящими родства или сделавших ложные показания о звании своем и состоянии» (ст. ст. 201, 202 Устава). Кроме того, придавая особую важность осуществлению судопроизводства с участием присяжных заседателей, согласно норме Устава 1864 г. «по делам, решаемым не иначе как с участием присяжных заседателей, судебному производству предшествуют, во всяком случае, предварительное следствие и предание обвиняемого суду»⁴. В свою очередь, предварительное следствие «о преступлениях и проступках, подсудных окружным судам, производится судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей» (ст. 249 Устава).

Спецификой таких судов в то время был сам придававший оригинальный характер порядок судебного разбирательства, который согласно нормам Устава заклю-

¹ Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // СПС «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

² Статья 94 Судебного устава 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 3. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. Книга первая: Порядок производства в мировых судебных установлениях // СПС «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

⁴ Статья 544 главы 1 «О порядке начатия дел в окружных судах», раздела 4 «О производстве в окружных судах», книги второй: Порядок производства в общих судебных местах устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // СПС «Гарант».

чался в выполнении следующих предшествующих ему обязательных организационных этапов:

- за три недели до открытия судебных заседаний председатель суда, гарантируя независимость и беспристрастность существования народного правосудия, по жребию, т.е. путем случайной выборки, при открытых дверях присутствия избирает из очередного списка 30 основных присяжных заседателей для участия в течение всего судебного разбирательства и из особого списка – шесть запасных. Все отобранные кандидаты в присяжные заседатели извещаются повестками¹ (ст. ст. 550–553 Устава);

- с целью устранения препятствий участия присяжного заседателя в рассмотрении конкретного дела списки дел, непосредственно сформированные в суде с их участием, заблаговременно, за две недели до начала рассмотрения уголовного дела в судебном заседании в обязательном порядке публиковались в местных губернских ведомостях (ст. 588 Устава);

- за три дня до начала судебного заседания каждому подсудимому сообщается именной список как судей и прокурора, так и присяжных заседателей (ст. 589 Устава);

- формирование коллегии присяжных заседателей в ходе судебного заседания, где путем заявления отводов обеими сторонами, в том числе без объяснения причин посредством простого вычеркивания из основного списка, составляют присутствие присяжных первые двенадцать заседателей по списку, а «последние двое, хотя и должны находиться в судебном заседании, но в состав присутствия поступают лишь в случае выбытия кого-либо из двенадцати, до постановления ими решения» (ст. ст. 647–661 Устава).

К выполнению функций присяжного заседателя могли привлекаться только лица, соответствующие установленным требованиям. К таковым относились и в обязательном порядке выяснялись:

- русское подданство;
- возрастной ценз – возраст не моложе 25 и не старше 70 лет;
- имущественный ценз – владение землей в наличие не менее 100 десятин или иного недвижимого имущества в зависимости от его места расположения суммой в размере от 200 до 500 рублей или жалования, либо дохода от капитала, занятия, ремесла и промысла в такой же сумме;

- оседлость – проживание «не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели», поскольку «для оценки по совести степени вины подсудимых, были хорошо знакомы с нравами, обычаями и общественной жизнью известной местности».

В списки включались также без учета имущественного ценза «все состоящие в государственной гражданской службе по определению от правительства, в должности пятого и ниже классов... на местной службе по выборам дворянских и городских об-

¹ Данные по Петербургу и Москве свидетельствуют о том, что лишь малый процент столичных жителей (около 5 %) был внесен в общие списки присяжных и назначен таковыми: «В 1873 г. среди очередных и запасных присяжных Петербурга и его уезда находилось: дворян и чиновников – 54 %, купцов – 14,6 %, мещан – 26,4 % и крестьян – 5 %. В 1883 г. соответственно: 53 %, 13,4 %, 29 % и 4,6 %» (Афанасьев А. Суд присяжных в России // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 67).

ществ», крестьяне, занимавшие выборные должности сельских старост, старшин сроком не менее трех лет (служебный ценз)¹.

В свою очередь не могли быть присяжными заседателями и безоговорочно исключались из списков:

- несостоятельные должники;
- лица, которые находятся под следствием или судом за преступления или проступки либо признанные вступившим в законную силу приговором суда виновными в их совершении;
- лица, состоящие под опекой за расточительность;
- лица, «исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или же из среды тех обществ и дворянских собраний»;
- лица, не знающие русского языка;
- лица, имеющие физические и психические недостатки (слепые, немые, глухие, лишенные рассудка);
- военные, священнослужители, учителя народных школ и лица, находящиеся в услужении у частных лиц;
- некоторые категории чиновников (судебные работники, лица прокурорского надзора в судебных структурах, полицейские и т.д.) [4].

Поскольку в то время деятельность по осуществлению правосудия в качестве присяжного заседателя считалась общественной повинностью – обязанностью, от исполнения которой никто не мог уклониться, неявка в судебное заседание по неуважительной причине являлась довольно серьезным административным правонарушением и влекла за собой применение определенных в Уставе санкций: в случае неявки в суд в первый раз на лицо налагалось денежное взыскание в размере от 10 до 100 рублей; если же лицо повторно не явилось в судебное заседание, то денежное взыскание уже составляло от 20 до 200 рублей; за неявку в третий раз – от 30 до 300 рублей. Кроме того, помимо денежного взыскания, такое лицо по судебному приговору лишалось права «участвовать в выборах и быть избираемым в должности, требующие общественного доверия» (ст. ст. 651, 652 Устава). Наличие картельных мер воздействия значительно дисциплинировало лиц, участвующих в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей, обеспечивая соблюдение принципов уголовного судопроизводства и своевременность рассмотрения дел.

Законными же причинами неявки в судебное разбирательство лиц для осуществления ими деятельности в качестве присяжных заседателей согласно ст. ст. 388 и 650 Устава считалось наличие следующих препятствий:

- лишение свободы;
- наступление непреодолимых препятствий, таких как прекращение сообщений во время заразы, нашествие неприятеля, необыкновенное разлитие рек и т.д.;
- внезапное разорение от несчастного случая;
- болезнь, лишающая возможности отлучиться из дому;

¹ Согласно «Сведениям о присяжных заседателях по Великолуцкому уезду», 85 % крестьян, внесенных в списки присяжных с 1879 по 1882 г., были сельскими старостами, волостными старшинами и т. п. Крестьян, имевших не менее 100 десятин земли, насчитывалось в этих списках 11 %, а получавших доход не менее 200 рублей в год – только 4 % (Афанасьев А. Суд присяжных в России // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 69).

- смерть родителей, мужа, жены или детей или же тяжкая, грозящая смертью болезнь их;
- командировка или особенное поручение по службе;
- несвоевременное получение повестки о вызове в суд – позже, чем за неделю до открытия заседания;
- внезапные по хозяйству, торговле или промышленности случаи, в коих отсутствие хозяина может привести к неизбежному разорению.

В условиях отсутствия чувства гражданского долга у подавляющего числа российского населения нормативное закрепление указанных выше уважительных причин и наличие санкций за неявку лица в судебное заседание для отправления правосудия в качестве присяжного заседателя являлось основой для создания устойчивой для того времени системы правосудия с участием присяжных заседателей.

В качестве же условий (принципов) самого судебного разбирательства с участием присяжных заседателей можно рассматривать:

- *открытость судебного заседания с участием присяжных заседателей.* Данное условие было проявлением демократичности государственной власти и демонстрацией гласности, состязательности и судебной независимости при осуществлении правосудия. Даже если слушание рассматривалось при закрытых дверях, после прекращения прений сторон «двери заседания раскрываются. Все дальнейшие судебные действия, начиная с объяснений председателя по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, всегда происходят публично» (ст. ст. 623, 624 Устава);

- *независимость присяжных заседателей в своих суждениях и принятии ими решения.* Так, в промежутках судебного заседания председательствующий суда принимал меры «к наблюдению за присяжными заседателями и к предупреждению внешнего на них влияния, могущего служить источником предубеждения», а по особо важным и сложным делам преграждал «всякие сношения с присяжными заседателями, предложив им для отдохновения особые комнаты в помещении суда» (ст. ст. 615, 616 Устава);

- *соблюдение порядка судебного заседания.* Председательствующий суда в ходе судебного разбирательства обязан был пресекать высказывание выражений всякого по поводу одобрения или неодобрения сделанных показаний или объяснений, «входить в недозволенные сношения со свидетелями или с присяжными заседателями или же иным образом нарушать установленный порядок» (ст. 617 Устава);

- *объективность и всесторонность судебного следствия.* Если в ходе судебного заседания возникала необходимость сбора дополнительных сведений или получение новых доказательств, судебное заседание приостанавливалось. После того, как они были получены в установленном порядке судебное производство по уголовному делу продолжалось именно с того действия, на котором оно было приостановлено. При этом в случае объективной необходимости судья или присяжные заседатели могли потребовать «возобновления некоторых действий или производства судебного следствия с самого начала» (ст. ст. 633, 634 Устава);

- *непрерывность участия присяжных заседателей в судебном заседании.* Подчеркивая значимую роль каждого отдельно взятого присяжного заседателя в осуществлении правосудия по конкретному уголовному делу, в случае если судебное заседание при продолжении после перерыва не может проводиться в присутствии при-

сяжных заседателей «исключительно из тех лиц, которые находились при первоначальном слушании дела, то судебное следствие возобновляется с самого начала» (ст. 635 Устава);

- наличие у присяжных заседателей прав, обязанностей и ответственности.

Так, наравне с судьями присяжный заседатель вправе: производить осмотр следов преступления и других вещественных доказательств по делу; приносить на них замечания; через председателя суда задавать вопросы допрашиваемым лицам, в том числе подсудимому по всем обстоятельствам совершенного им преступления; делать письменные заметки в ходе судебного разбирательства; в силу своей неграмотности, в том числе юридической, требовать от председателя суда «разъяснить им содержание прочитанных на суде документов, признаки, коими определяется в законе преступление, приписываемое подсудимому, и вообще все для них непонятное» (ст. ст. 672–674, 684 Устава). Вместе с тем лицам, участвующим в суде в качестве присяжных заседателей, вне судебного заседания запрещено самостоятельно собирать какие-либо сведения, касательно рассматриваемого в суде дела, а также без разрешения председателя суда они не вправе отлучаться из зала заседания или входить «в сношения с лицами, не принадлежащими к составу суда». При этом они обязаны «сохранять тайну их совещаний и не объявлять никому, какие голоса поданы были в пользу или против подсудимого» (ст. ст. 675, 677 Устава). В случае выявления нарушений указанных требований (правил) присяжный заседатель привлекался к ответственности, в частности, он устранялся от дальнейшего рассмотрения дела в суде и на него налагалось денежное взыскание в размере от 10 до 100 рублей.

Своеобразной гарантией выполнения присяжными своих обязанностей в ходе судебного заседания и моментом, после которого присяжный заседатель приобретает свой правовой статус и на него начинают распространяться вышеуказанные права и обязанности, а также возможность применения к нему санкций за нарушение предусмотренных правил, считается принятие им присяги. Приведение к присяге каждого конкретного присяжного заседателя осуществлялось по обряду его вероисповедания. Священнослужитель соответствующего вероисповедания зачитывает текст присяги, который выслушивают стоя все лица, находящиеся в зале судебного заседания. Если в суде не оказывалось духовного лица того или иного вероисповедания, которого придерживается присяжный заседатель, то последний приводился к присяге непосредственно председателем суда¹. Такое отступление объяснилось тем, что неправославное исповедание не является отстранением лица от исполнения им обязанностей присяжного заседателя, а также невозможностью иметь священнослужителей иного вероисповедания во все местах, где будет приходиться судебное заседание с участием присяжных заседателей. При этом форма присяги для таких лиц должна быть согласована в соответствии с догмами и обрядами их веры с министром юстиции внутренних дел, заведующего делами иностранного вероисповедания.

Таким образом, заслушав присягу, каждый из присягающих, «прикладываясь к кресту и евангелию, произносит вслух "Клянусь"». От лиц, не приемлющих принятие присяги, отбиралось торжественное обещание, соответствующее присяге (ст. 666–670 Устава).

¹ Статья 240 Судебного устава 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 3. // СПС «КонсультантПлюс».

Безусловно, и само судебное разбирательство с участием присяжных заседателей отличалось от общего порядка рассмотрения дел судами, где особенностями являлось:

1) изложение прокурором в обвинительной речи только заключения о виновности подсудимого, исключая заключение о наказании (ст. 738 Устава);

2) гражданский истец может предъявлять свои требования о причиненных ему убытках и представлять соответствующие доказательства, подтверждающие эти требования, только после постановления присяжными заседателями своего итогового решения (ст. 743 Устава);

3) защитник подсудимого в прениях, предшествующих постановлению ими решения, должен «ограничиться применением к делу только тех законов, коими определяется свойство рассматриваемого преступления или по которым подсудимый в случае его осуждения может быть признан заслуживающим снисхождения» (ст. 746 Устава);

4) председательствующий судья передает избранному старшине присяжных заседателей после приведения его к присяге вопросный лист и устно объясняет его содержание (ст. 801 Устава), без высказывания своего собственного мнения о виновности или невинности подсудимого и не приводя тех обстоятельств, которые не являются предметом судебного состязания. А именно:

- существенные обстоятельства дела и законы, относящиеся к определению свойства рассматриваемого преступления или проступка;

- общие юридические основания к суждению о силе доказательств, приведенных в пользу и против подсудимого.

При этом председательствующий суда до принятия присяжными заседателями решения напоминает им о том, что «они должны определить вину или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела, в случае осуждения подсудимого, они могут, если найдут достаточные к тому основания, признать его заслуживающим снисхождения» (ст. 804 Устава). Другими словами, итогом участия присяжных заседателей является дача ответа на два основных вопроса:

- виновен ли подсудимый?

- если виновен, то достоин ли он снисхождения?

Причем вопросы составляются «в общеупотребительных выражениях по существенным признакам преступления и виновности подсудимого, а не в виде принятых в законе определений» (ст. 760 Устава).

По завершении судебного следствия все присяжные заседатели удаляются в специально отведенную для этого комнату для принятия решения. Вход в комнату охраняется, ее нельзя покидать без разрешения председателя суда за исключением выхода в зал судебного заседания для получения необходимых для принятия решения разъяснений. Контроль за порядком совещания в данной комнате осуществлял старшина присяжных заседателей.

Решение присяжными заседателями принимается либо единогласно, либо простым большинством голосов. Если при голосовании набирается равное количество голосов, то решение принимается непосредственно в пользу подсудимого. Ответы могли даваться только по каждому вопросу в отдельности в виде утвердительного

«да» или отрицательного «нет». По окончании совещания присяжные заседатели возвращались в зал судебного заседания, где их все присутствующие там люди встречали стоя. После чего старшина зачитывал «вслух вопросы суда и ответы присяжных, а затем вопросный лист передавал председателю суда, который удостоверяет его своей подписью» (ст. ст. 806–816 Устава).

Если подсудимый признавался решением присяжных заседателей не виновным (оправданным), то «председатель суда немедленно объявляет его свободным от суда и от содержания под стражей, если он состоит под арестом» (ст. 819 Устава), а если виновным и «признан заслуживающим снисхождения, то следующее ему по закону наказание должно быть уменьшено не менее как на одну степень, но может быть уменьшено и двумя степенями, если суд усмотрит в деле особые обстоятельства, уменьшающие вину подсудимого; более значительное облегчение его участи может последовать лишь по ходатайству суда перед императорским величеством» (ст. 828 Устава).

Как показывала практика того времени, решения присяжных заседателей и приговоры, вынесенные по результатам судебного разбирательства с их участием, были просты и справедливы. В них выражалось отношение народа к реальности и явлениям российской действительности. По сути введение такого порядка судебного разбирательства в тот период было первым опытом использования самодеятельности русского общества и вполне оправдало возложенные на присяжных заседателей надежды [5]. К тому же последствием применения такого порядка стало изменение ряда жестких и устаревших норм или законов в целом, не соответствовавших мнениям и понятиям народа и представлением общества о соотношении преступления и наказания, справедливости и правосудия в целом [2, с. 713].

Примечательным выглядит то, что многие положения о деятельности суда с участием присяжных заседателей, установленные Уставом, в своем первоначальном виде действовали до недавнего времени (до 2018 г. численность коллегии присяжных заседателей), а некоторые действуют до настоящего времени. Анализ зарождения в России института суда присяжных демонстрирует то, что введенные в 1864 г. положения, касающиеся деятельности таких судов, актуальны и в настоящее время.

Безусловно, в то время высказывалось и негативное отношение к институту присяжных заседателей, его обвиняли в непрофессионализме, а применяемые решения в отсутствии мотивировки. Было принято ряд поправок в порядок деятельности присяжных заседателей, в частности, упразднена процедура принятия присяги и разъяснения судом их прав и обязанности, а также ответственности.

Но уже в 1894 г. на совещании старших председателей и прокуроров судебных палат была особо подчеркнута объективная необходимость в существовании такого института уголовного судопроизводства для разрешения большей части сложных дел, «особенно в тех случаях, когда тяжкое обвинение связано с тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости» [3, с. 67]. Указывалось, что «по деятельности своей современный суд присяжных не только удовлетворяет свои цели, но и представляет лучшую форму, какую только можно себе представить, особенно в тех случаях, когда тяжкое обвинение связано с уликами, требующими житейской мудрости» [6, с. 132]. В 1917 г. суды присяжных заседателей в результате Октябрьской революции были упразднены вместе с другими судебными органами Совнаркомом 22 ноября декретом о суде № 1 [8, с. 144].

Основываясь на опыте работы суда присяжных дореволюционной России и с учетом оказанного им влияния на формирование правосознания, повышение уровня образования и правовой культуры не только всех участников уголовного судопроизводства, но и всего народа в целом, в 1991 г. действие судов с участием присяжных заседателей было возобновлено, чему способствовала разработанная Концепция судебной реформы в РСФСР, утвержденная Постановлением Верховного суда РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1. Его возрождению способствовало включение в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР раздела 10 в результате принятия закона РФ от 16.07.1993 № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях».

С 1 января 1993 г. в современной России началось поэтапное введение судов с участием присяжных заседателей¹. Суду присяжных отводилось место в демократизации уголовной юстиции.

Вследствие формирования уголовного судопроизводства Российской Федерации, а именно принятия в 2001 г. нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации федеральным законом от 07 декабря 2002 г. № 181 «О внесении изменений в федеральный закон "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"» были четко предусмотрены этапы введения суда присяжных на всей территории Российской Федерации, которое закончилось 1 января 2010 г. введением суда присяжных в Чеченской Республике.

В рамках федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.» в 2016 г. был принят новый закон², регулирующий деятельность суда присяжных заседателей, существенно расширив круг их полномочий и подсудных дел, сократив численность присяжных. В целях подготовки судов к данным изменениям действовать они начали только с июля 2018 г., соответствующие разъяснения в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм, регулирующих особенности производства по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, в своем постановлении³ дал Пленум Верховного суда Российской Федерации⁴.

Примечательно, что вносимые ранее и внесенные два года назад в нормативное регулирование деятельности такого суда изменения и дополнения являются неким отражением особенностей и традиций нашей страны, ее национального состава, политической и экономической системы, что, в общем, и накладывает отпечаток на эффективность работы суда присяжных и порождает проблемы, с которыми, в частности, сталкиваются суды и присяжные заседатели при реализации своих функций.

¹ С 1 ноября 1993 г. – Московская, Рязанская, Ивановская и Саратовская области, с 1 января 1994 г. – Краснодарский и Алтайский края, Ульяновская и Ростовская области.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 нояб. 2005 г. № 23 (ред. от 15.05.2018) // Там же.

⁴ Там же.

Понятно, что количество рассматриваемых уголовных дел судом с участием присяжных заседателей (в 2018 г. рассмотрено по существу с вынесением приговора всего 280 уголовных дел – 0,04 %) не отображает реальной картины работы судебной системы в целом, но в некоторой степени все-таки способствует укреплению состязательности и достижению ряда целей, определенных федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406.

Оценить целесообразность введенных изменений по расширению роли присяжных заседателей пока еще трудно. Опрос судей показал, что более 90 % из них не считают рациональным рассмотрение уголовных дел в судах районного уровня, во-первых, из-за загруженности судов этого звена, а, во-вторых, из-за наличия проблем, связанных с формированием коллегии суда присяжных. При этом готовность судов данного уровня к рассмотрению дел с участием присяжных заседателей не вызывает сомнений, несмотря на единичные случаи производства по уголовным делам таким составом в отдельных регионах страны. Тем не менее с учетом сложности и важности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, становление и развитие института присяжных заседателей может задать совершенно новый тон всей правоохранительной системе, повысив ее эффективность и качество, а такая форма уголовного судопроизводства является полноценным проявлением состязательного начала процесса, гарантией реализации прав его участников и стимулом развития всей российской судебной системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Афанасьев А. Суд присяжных в России // Отечественные записки. – 2003. – № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2> (дата обращения 02.02.2020).
2. Ахъядов Э. С. История развития суда с участием присяжных заседателей // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 713–714.
3. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. – 442 с.
4. Дроздова А.А. Суд присяжных: история и современность // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11(48). – С. 2475–2476.
5. Журнал Министерства юстиции. – 1867. – № 2. // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/section> (дата обращения 02.02.2020).
6. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. – 2-е изд., изм. и доп. – СПб., 1914. – 548 с.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства // И.Я. Фойницкий. Т. 1. – СПб., 1896. – 522 с.
8. Цыганенко С.С., Верещак А.Н., Ларионов А.Н. Суд присяжных: история и современность // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2014. – Т. 5. – № 3. – С. 139–148.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Jury trial in Russia/ A. Afanasyev // Domestic notes. – 2003. – No 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/2>

2. Akhyadov E.S. The history of the development of the jury / E.S. Akhyadov // Young scientist. – 2016. – No. 8. – P. 713–714.
3. Victorsky S.I. Russian criminal trial. – M.: Publishing. A.A. Kartseva, 1912. – 442 p.
4. Drozdova A.A. Jury trial: history and modernity / A.A. Drozdova // Actual problems of Russian law. – 2014. – № 11 (48). – P. 2475–2476.
5. Journal of the Ministry of Justice. – 1867. – No. 2. // Presidential Library. URL: <https://www.prlib.ru/section> (date of treatment 02.02.2020).
6. Rozin N.N. Criminal proceedings: a guide to lectures. – 2nd ed., Rev. and add. – SPb., 1914. – 548 p.
7. Foynitsky I.Y. Course of criminal proceedings // I.Y. Foynitsky. Т. 1. – St. Petersburg., 1896. – 522 p.
8. Tsyganenko S.S., Vereshchak A.N., Larionov A.N. Jury trial: history and modernity // Journal of Economic Regulation. – 2014. – V. 5. – No. 3. – P. 139–148.

**КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10040

Абызов Равиль Михайлович
профессор кафедры уголовного
права и криминологии Барнаульского
юридического института МВД России
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации
rav1861@yandex.ru

Abyzov Ravil
Professor of criminal law Department
law and criminology
Barnaul legal Department
Institute of the Ministry of internal Affairs
of Russia doctor of law, professor
Honored lawyer of the Russian Federation

**ОСНОВЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ,
СОВЕРШЕННОГО ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ
АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ**

Введение: в статье определены основные черты частной криминалистической методики расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию. На основе изучения эмпирического материала обозначены элементы криминалистической характеристики данных преступлений, являющейся основой для методики их расследования. Автор приходит к выводу, что изучение основных структурных элементов частной криминалистической методики мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, не только способствует развитию теории криминалистики, но и имеет практическое значение.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное, административное законодательство, регламентирующие порядок привлечения к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Неоднократность совершения данного административного проступка образует состав преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ.

Методологической основой исследования является всеобщий диалектический метод научного познания, а также наблюдение, сравнение, анализ, синтез, дедукция, индукция, конкретно-социологический (изучение документов, опроса в виде анкетирования, интервьюирования).

Результаты исследования позволили уточнить основы частной криминалистической методики мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, раскрыть содержание структурных элементов криминалистической характеристики, определить криминалистические особенности предварительной проверки и расследования данных преступлений.

Выводы и заключения: особенности мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, структурированы в одну частную криминалистическую методику расследования на основании сходства способов совершения мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Ключевые слова: мелкое хищение, кража, преступление, личность преступника, расследование преступлений, следственные ситуации.

FUNDAMENTALS OF METHODS OF INVESTIGATION OF PETTY THEFT COMMITTED BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

Introduction: in this article, the author defines the main features of private criminalistic methods of investigation of petty theft committed by a person subjected to administrative punishment. Based on the study of empirical material, the main elements of the criminalistic characteristics of these crimes are identified, which is the basis for the disclosure of the criminalistic characteristics of the investigation of these crimes. The author comes to the conclusion that the study of the main structural elements of private criminalistic methods of petty theft committed by a person subjected to administrative punishment not only contributes to the development of the theory of criminology, but also has a practical character.

Materials and methods: the normative basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure, administrative legislation regulating the procedure for bringing to administrative responsibility under part 2 of article 7.27 of the administrative Code of the Russian Federation. Repeated Commission of this administrative offense constitutes a crime under article 158.1 of the criminal code of the Russian Federation.

The methodological basis of the research is a universal dialectical method of scientific knowledge, as well as observation, comparison, analysis, synthesis, deduction, induction, and specifically sociological (study of documents, survey in the form of questionnaires, interviews).

The research results allowed to clarify the foundations of private criminalistic methods of petty theft committed by a person subjected to administrative law, to disclose the contents of structural elements of forensic characteristics of the crime, identify crime characteristics preliminary verification and investigation of these crimes.

Findings and conclusions: the features of the investigation of petty theft committed by a person subjected to administrative legislation are structured into one private forensic investigation methodology based on the similarity of methods of committing petty theft by a person subjected to administrative legislation.

Key words: petty theft, theft, crime, criminal identity, investigation of crimes, investigative situations.

В условиях экономической нестабильности, нерешенности многих социальных проблем населения, неблагоприятной криминогенной обстановки в Российской Федерации распространены посягательства на право собственности. Так, согласно данным официальной статистики МВД России, на сегодняшний день хищения чужого имущества составляют половину всех зарегистрированных преступлений (50,3 %) ¹. Наряду с этим широкое распространение в России получили случаи негативного поведения лица, совершившего повторно административное правонарушение, после того как оно было подвергнуто административному наказанию, что объективно означает недостаточность административного воздействия на правонарушителя, а, значит, у личности формируется антиобщественное поведение.

Криминологический анализ сложившейся ситуации побудил законодателя к ужесточению ответственности при повторном совершении мелкого хищения, результатом чего стало принятие федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ ², которым в Уголовный кодекс Российской Федерации ³ включен новый состав преступления, предусмотренный ст. 158.1, а именно – мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию.

Однако введение в УК РФ данного состава преступления с административной преюдицией [2, с. 334] в практической деятельности вызвало немало сложностей, поскольку должного уровня методического обеспечения расследования подобных преступных деяний на сегодняшний день нет. Для расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, необходима разработка рекомендаций по методике расследования таких преступлений.

Для определения основ частной криминалистической методики расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, обозначим основные элементы криминалистической характеристики данных преступлений, а также рассмотрим особенности проверки сообщения о таких преступлениях и их расследовании.

Криминалистическая характеристика преступления, являясь информационной основой построения любой частной методики расследования преступлений, может использоваться сотрудниками правоохранительных органов как актуальная ориентирующая информация для построения возможных версий о совершенном преступлении. Основными элементами криминалистической характеристики мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, выступают: предмет преступного посягательства, обстановка совершения

¹ Состояние преступности за январь–декабрь 2019 года. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения 18.03.2020).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

преступления, способ совершения преступления, механизм слеодообразования, типичная личность преступника и потерпевшего [3, с. 125].

Предметом мелкого хищения может быть не любое имущество, а только материальные предметы [1]. Предметом преступного посягательства по данному преступлению могут быть денежные средства (6 %), товарно-материальные ценности, похищенные из магазинов (алкоголь, продукты питания, парфюмерия, средства личной гигиены, одежда, инструменты и т.д. – 73 %), черные и цветные металлы (11 %), иное имущество (10 %).

Говоря о типичных местах совершения мелкого хищения, необходимо отметить, что большинство преступлений совершается в магазинах, на транспорте, в жилых помещениях. Временем совершения таких преступлений является дневное и вечернее время – 79 %. Достаточно редко мелкие хищения совершаются в ночной период времени – всего 21 %.

Так, Т., являясь лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества, находясь в торговом зале магазина, реализуя свой преступный умысел, взял с полки алкогольную продукцию и спрятал за пазуху куртки, не имея намерения оплатить товар, минуя кассу, вышел за пределы магазина, тем самым тайно похитил товар, причинив своими действиями материальный ущерб на общую сумму 1 806, 76 руб.¹

Судебно-следственная практика позволяет проанализировать способы мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию. Они различны и зависят от того, в какой форме совершено данное преступление. Мелкие хищения в форме кражи могут совершаться тайным способом, в форме мошенничества – путем обмана или злоупотребления доверием, а также путем присвоения и растраты. Так, согласно исследованию было установлено, что основным способом мелкого хищения является тайный способ совершения преступления.

В зависимости от того, в какой форме совершается мелкое хищение, имеются различия в механизме слеодообразования [5, с. 146]. Так, при совершении мелкого хищения в форме кражи остается множество материальных следов (следы рук, следы подошвы обуви, слюны, микроволокна и др.). Носителями идеальных следов являются сотрудники охраны магазинов, контролеры, кассиры, покупатели, близкие родственники лиц, совершивших преступление, сотрудники полиции и др.

Следующим элементом криминалистической характеристики является личность преступника, совершившего мелкое хищение. Так, для лиц, совершающих кражи, характерно злоупотребление алкоголем, невысокий профессиональный уровень, тогда как для лиц, совершающих мошенничество, характерны осведомленность в различных сферах общественной жизни, высокий профессиональный уровень, коммуникабельность. При совершении мелкого хищения в форме кражи потерпевшими являются в большинстве граждане, которые недостаточно внимательно следят за своими вещами либо денежными средствами (15 %), владельцы торговых точек (85 %).

¹ Приговор № 1-245/2019 Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области. URL: [https:// sudact.ru/regular/doc/rfcpgyczgvNp/](https://sudact.ru/regular/doc/rfcpgyczgvNp/)

Основной задачей в ходе проверки сообщения о преступлении является выявление повода и основания для возбуждения уголовного дела. Наиболее распространенными поводами для возбуждения уголовных дел по ст. 158.1 УК РФ служат заявление о преступлении (80 % случаев), а также сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников, оформленное в виде рапорта участкового уполномоченного полиции об обнаружении признаков преступления по результатам проверки соответствующего сообщения о преступлении (20 % случаев).

В ходе проверки сообщения в целях разграничения мелкого хищения как административного правонарушения от простых составов кражи, мошенничества, присвоения и растраты, дознавателю важно истребовать документы, подтверждающие количество и фактическую стоимость похищенного имущества без учета НДС (товарные накладные, счет-фактуры, чеки, договоры, заключение товароведческой экспертизы и др.). Также дознаватель приобщает документы, подтверждающие сведения о вступившем в законную силу постановлении по делу об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, обратившись в суд с запросом на копии материалов дела об административном правонарушении, по которому выносилось постановление о назначении административного наказания [4, с. 20]. Кроме того, дознавателем производится осмотр места происшествия с целью фиксации обстановки места преступления на момент хищения, обнаружения и изъятия диска с камер видеонаблюдения, назначаются экспертизы по результатам осмотра (дактилоскопическая, трасологическая и др.), органу дознания даются поручения об установлении всех очевидцев и свидетелей, местонахождении похищенного имущества.

Приминая во внимание особенности проверки сообщения и принятия решения о возбуждении уголовного дела, рассмотрим особенности расследования данных преступлений. Большинство ученых-криминалистов придерживаются мнения о том, что в криминалистическую характеристику расследования преступлений входит прежде всего определение типичных следственных ситуаций, складывающихся на различных этапах расследования, необходимых для формирования системы следственных действий и иных мероприятий, обеспечивающих выполнение основных целей расследования.

Учитывая специфику возбуждения уголовных дел по ст. 158.1 УК РФ, можно сделать вывод о том, что к началу расследования в зависимости от объема информации о событии преступления и обстоятельствах, характеризующих личность преступника, могут складываться следующие типичные следственные ситуации:

1. Установлено событие преступления, преступник задержан в момент совершения мелкого хищения или сразу же после его осуществления, данные о нем известны (86 % случаев). Дознавателем в данной ситуации обычно возбуждается уголовное дело и проводятся следующие следственные действия: допрос потерпевшего, допросы свидетелей, выемка предметов и документов, осмотр предметов и документов, допрос подозреваемого, очные ставки, проверка показаний на месте, назначение экспертиз и др.

2. Установлено событие преступления, имеется достоверная информация о лице, его совершившем, но он скрылся (14 % случаев). Основные мероприятия направлены главным образом на установление местонахождения лица, совершившего преступление. Дознаватель в данной ситуации опрашивает участников уголовного судопроизводства, назначает экспертизы, дает поручение о проведении мероприятий, направленных на установление местонахождения лица, совершившего преступление, и похищенного имущества.

Процессуальные и тактические особенности подготовки и производства допросов различных участников по делам о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию, объективно зависят от индивидуальных особенностей личности допрашиваемого, его процессуального статуса, занимаемой позиции, а также от ряда других факторов, которые необходимо учитывать дознавателю при выборе тактики проведения допросов с целью получения полных и правдивых показаний, имеющих значение для объективного расследования уголовного дела.

По уголовным делам о мелком хищении, совершенном лицом, подвергнутым административному наказанию, следственные ситуации последующего этапа расследования определяются поведением участников уголовного судопроизводства:

1. Подозреваемый дал признательные показания, оказывая содействие расследованию (60 % случаев). Основными направлениями деятельности дознавателя в данной ситуации являются: повторный (детальный) допрос подозреваемого обо всех обстоятельствах совершенного преступления; проверка его показаний путем проведения иных следственных действий и процессуальных мероприятий.

2. Подозреваемый полностью или частично отрицает причастность к совершенному преступлению, оказывая противодействие расследованию (30 %). В данной следственной ситуации обычно проводятся допросы дополнительных свидетелей и очные ставки.

3. Местонахождение подозреваемого неизвестно, принимаются меры по его розыску (10 % случаев). Основные усилия дознавателя в данной ситуации должны быть направлены на установление местонахождения подозреваемого, который скрылся от дознания, а также на установление других соучастников преступления.

Таким образом, криминалистическая оценка следственных ситуаций, возникающих на первоначальном и последующем этапах расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, позволяет дознавателю определить оптимальный путь расследования, выбрав адекватный комплекс следственных и иных процессуальных действий. Умение осуществлять ситуационное прогнозирование является непременным условием совершенствования дознавателем своих профессиональных навыков, грамотного использования существующего арсенала тактико-криминалистических средств и поиск новых эффективных приемов получения доказательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архипова Н.А. К вопросу о предмете преступного посягательства как элементе криминалистической характеристики мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник научных трудов участников междунар. науч.-практич. конф. – 2018. – С. 30–33.
2. Игонина Г.В. Отдельные аспекты обоснованности криминализации мелкого хищения // Современный ученый. – 2017. – № 6. – С. 334–337.
3. Кругликов В.Д. К вопросу о криминалистической характеристике мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (36). – С. 124–126.
4. Сокол А.М. О проблемных вопросах производства по делам об административных правонарушениях о мелком хищении // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – № 4 – С. 17–22.
5. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Следы экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Юристъ Правоведъ. – 2018. – № 3 (68) - С. 146-150.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Arkhipova N. A. On the subject of criminal encroachment as an element of criminalistic characteristics of petty theft committed by a person subjected to administrative punishment // Criminalistics: Current issues of theory and practice. Collection of scientific papers of participants of the International scientific and practical conference. – 2018. – P. 30–33.
2. Igonina G. V. Certain aspects of the validity of criminalization of petty theft // Modern scientist. – 2017. – No. 6. – P. 334–337.
3. Kruglikov V. D. On the question of criminalistic characteristics of petty theft committed by a person subjected to administrative punishment // Bulletin of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2019. – No. – 1 (36). – P. 124–126.
4. Sokol a.m. on problematic issues of proceedings in cases of administrative offenses of petty theft // Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 4 – P. 17–22.
5. Chinenov E. V., Shchukin V. I. Traces of economic crimes committed on objects of railway transport // Jurist-Pravoved. - 2018. – No. 3 (86) – Pp. 146-150.

УДК 343.983

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10041

Барина Ольга Александровна

доцент кафедры оружиеведения
и трасологии учебно-научного
комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
доцент кафедры цифровой криминалистики
Московского государственного
технического университета
им. Н.Э. Баумана,
E-mail: ol.bondarenko2011@yandex.ru

Barinova Olga Alexandrovna

Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia n.a. V.Y. Kikot,
Associate Professor, Department of Weapon
Studies and Trasology
Educational and scientific complex of forensic
science, Moscow State Technical University
N.E. Bauman Associate Professor, Department
of Digital Forensics
Candidate of Science (Law)
E-mail: ol.bondarenko2011@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА,
СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТРАХОВЫХ ПОЛИСОВ
ОСАГО**

Введение: страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) является одним из обязательных документов владельцев и водителей транспортных средств. В соответствии с требованием федерального закона от 25.04.2002 г. № 40 «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» собственник транспортного средства обязан заключить договор страхования ОСАГО. Документом, удостоверяющим факт заключения данного договора, является страховой полис ОСАГО, который подлежит обязательному предъявлению сотрудникам правоохранительных органов. Однако, как свидетельствует практика, на сегодняшний день все чаще встречаются случаи мошенничеств, совершаемых с использованием страховых полисов ОСАГО, что причиняет значительный материальный ущерб как страховым компаниям, так и участникам дорожного движения. В этой связи становится актуальной выработка рекомендаций по установлению факта подобного рода мошенничеств.

В статье рассматриваются элементы защиты бланка полиса ОСАГО, особенности выявления факта его фальсификации сотрудниками правоохранительных органов, а также возможности производства судебных экспертиз по установлению полного или частичного подлога данного документа.

Материалы и методы: в качестве материалов исследования применялись нормативно-правовые документы, регламентирующие порядок страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, Государственный

стандарт по изготовлению защищенной полиграфической продукции, научные труды, а также информационные данные, размещенные на официальных страницах электронных ресурсов. Методологическую основу исследования составили всеобщий метод познания, основанный на материалистической диалектике, система общепознавательных методов (анализ, синтез, наблюдение, описание, сравнение), а также частнонаучные методы познания – визуального исследования в отраженном и проходящем свете, микроскопического анализа, изучения в невидимых диапазонах спектра.

Результаты исследования позволили систематизировать информацию, содержащуюся на бланке страхового полиса ОСАГО, об основных способах его фальсификации, установить специфические признаки имитации элементов защиты, присущие полисам, изготовленным не на специализированном государственном полиграфическом предприятии.

Выводы и заключения: для обеспечения полного и всестороннего установления фактических данных при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием страховых полисов ОСАГО, внесено предложение о необходимости назначения комплексной компьютерно-технической и технико-криминалистической экспертизы документов. Кроме того, для предупреждения данного рода преступлений, важное значение приобретает профилактическая работа, проводимая сотрудниками экспертных подразделений для освещения основных способов распознавания фальсификации документов. В этих целях представляется целесообразным привлечение средств массовой информации.

Ключевые слова: страховой полис ОСАГО, мошенничества, технико-криминалистическая экспертиза документов, Российский союз автостраховщиков, бланк, элементы защиты, распознавание, QR-код.

FEATURES OF ESTABLISHMENT OF FRAUD COMMITTED WITH THE USE OF CTP INSURANCE POLICIES

Introduction: The insurance policy of compulsory third party liability insurance of vehicle owners (hereinafter – CTP) is one of the mandatory documents of vehicle owners and drivers. In accordance with the requirement of the Federal Law of April 25, 2002 No. 40 “On Compulsory Third Party Liability Insurance of Vehicle Owners, the owner of a vehicle is obliged to conclude a CTP insurance agreement. The document certifying the conclusion of this agreement is the CTP insurance policy, which is subject to mandatory presentation to law enforcement officials. However, as practice shows, today there are more and more cases of fraud committed using CTP insurance policies and in relation to these documents, which causes significant material damage to both insurance companies and road users. In this regard, it becomes relevant to develop recommendations on establishing the fact of this kind of fraud.

This article discusses the elements of protection for the CTP policy, the features of identifying the fact of its falsification by law enforcement officials, as well as the possibility of conducting forensic examinations to establish the full or partial forgery of these documents.

Materials and methods: regulatory materials governing the procedure for insurance of civil liability of vehicle owners, the State Standard for the production of secure printed products, scientific papers, and also information data posted on the official pages of electronic resources were used as research materials. The methodological basis of the study was the universal method of cognition, based on materialistic dialectics, which permeates all levels and the entire structure of methods, a system of generally cognitive methods (analysis, synthesis, observation, description, comparison), as well as private-scientific methods of cognition – visual research in reflected and transmitted light, microscopic analysis, study in the invisible ranges of the spectrum.

Research results: allowed to systematize the information contained on the form of the insurance policy of CTP about the main methods of falsification, to establish specific signs of imitation of security elements inherent in policies that were not made at a specialized state-owned printing company.

Findings and conclusions: in order to ensure a complete and comprehensive establishment of factual data in the investigation of fraud committed using CTP insurance policies, a proposal has been made on the need for a comprehensive computer-technical and technical-forensic examination of documents. In addition, to prevent this type of crime, the preventive work carried out by the staff of expert units to highlight the main methods of recognizing falsification of documents is of great importance. For these purposes, it seems appropriate to involve the media.

Key words: CTP insurance policy, fraud, technical and forensic examination of documents, Russian Union of Auto Insurers, form, security elements, recognition, QR code.

В современной России одним из распространенных видов мошенничества в страховой деятельности является незаконное использование и распространение поддельных полисов обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО). Так, по данным Российского союза автостраховщиков, на всю совокупность оформленных полисов ОСАГО приходится около трех миллионов подделок¹. Ущерб, причиненный страховым компаниям от всех мошеннических действий, только за первое полугодие 2019 г. исчисляется миллиардами рублей². Причем встречаются ситуации, когда добросовестные владельцы, оформив страховку на транспортное средство в установленном

¹ Около трех миллионов автомобилистов по всей стране ездят с поддельными полисами ОСАГО. Новости. Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/news/2019-05-05/364611->

² Новости. Российский союз автостраховщиков. URL: <http://www.autoins.ru> (дата обращения 25.11.2019).

законом порядке¹, даже и не подозревают, что имеющийся у них документ, подтверждающий факт заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, является недействительным². Это, как правило, происходит при обращении страхователя за компенсационной выплатой в страховую компанию³.

Как показывает практика, поддельные бланки страховых полисов могут быть как специально изготовленными мошенниками, так и украденными у страховых компаний и частных лиц. Кроме того, не все организации, у которых отзывается лицензия на осуществление страховой деятельности, в установленном законом порядке сдают неиспользованные бланки в Российский союз автостраховщиков (далее – РСА).

Для разработки рекомендаций по обнаружению факта фальсификации страхового полиса ОСАГО рассмотрим информационное поле документа, а также порядок его оформления.

Страховой полис ОСАГО относится в соответствии с приказом Министерства финансов Российской Федерации от 7 февраля 2003 г. № 14н⁴ к защищенной полиграфической продукции. Он может оформляться как на бумажном носителе – специальном бланке, так и иметь электронный вид, т. е. содержаться в памяти компьютера и доступен для восприятия человеком с помощью соответствующих программных и аппаратных средств.

Форма бланка полиса устанавливается положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств», перечень элементов защиты – Государственным стандартом ГОСТ Р 54109-2010 «Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищенная. Общие технические требования»⁵. Размер бланка документа составляет 210x305 мм, цвет – розово-фиолетовый, переходящий в жел-

¹ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

² Видеокамеры обнаружили много липовых страховок. Рос. газ. URL: <https://rg.ru/2019/09/19/proverka-nalichii-osago-kamerami-vyiavila-mnogo-poddelnyh-polisov.html> (дата обращения 04.12.2019).

³ Около трех миллионов автомобилистов по всей стране ездят с поддельными полисами ОСАГО. Новости Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-05-05/364611-okolo_treh_millionov_avtomobilistov_po_vsey_strane_ezdyat_s_poddelnymi_polisami_osago (дата обращения 04.12.2019).

⁴ О реализации постановления Правительства Российской Федерации от 11 нояб. 2002 г. № 817 (с изм. и доп.): приказ Министерства финансов Российской Федерации от 7 фев. 2003 г. № 14н // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ ГОСТ Р 54109-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищенная. Общие технические требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21 дек. 2010 г. № 803-ст) // КонсультантПлюс.

тый¹. Документ содержит комплекс элементов защиты по бумаге, краскам, видам и способам печати, по изображениям и специальные способы защиты. Элементами защиты бумаги являются: ее специальная рецептура, обеспечивающая механическую прочность в результате использования документа, специальные защитные волокна (в страховом полисе ОСАГО окрашенные волокна имеют красный и синий цвет), защитная нить (металлизированная), на которую нанесена надпись «полис»), водяной знак (филигрань), который доступен для восприятия в проходящем свете и имеет надпись «РСА» и изображение машины (рис. 1).

Рис. 1. Изображение водяных знаков страхового полиса ОСАГО

Бумага, на которой изготавливается бланк полиса ОСАГО, может быть как однослойной – состоящей из одного листа, так и двухслойной – двух листов, один из которых выполнен на самокопирующейся бумаге.

Для страховых полисов используется несколько видов печати. Так, фоновая защитная сетка наносится способом плоской ирисовой печати, основной текст, линии графления – способом плоской офсетной печати, а серия и номер документа – способом высокой печати.

Некоторые элементы изображений содержат позитивный и негативный микротекст, состоящий из повторяющихся слов «РСА» и «страховой полис». В нижней левой части лицевой стороны бланка страхового полиса ОСАГО размещается гильоширный элемент, нанесенный способом глубокой металлографской печати, внутри которого выполнено скрытое изображение (кипп-эффект) аббревиатуры «РСА», видимое только под острым углом к свету. Поверх данного поля размещается подпись страхователя, без которой бланк считается недействительным.

Для выполнения печатных линий графления и текста используется красящее вещество черного цвета, имеющее состав, пропускающий инфракрасные лучи на лицевой стороне бланка полиса и их поглощающая – на оборотной. Красящее вещество, применяемое производством ФГУП «Гознак» (далее – «Гознак») для изготовления бланков различных документов, отличается высоким качеством и не должно оставаться на руках при контакте человека с бумагой.

¹ Российский союз автостраховщиков. URL: <http://www.autoins.ru> (дата обращения 25.11.2019).

В левом верхнем углу документа ставится печать страховой компании, выдавшей полис, в правом нижнем углу бланка должна присутствовать отметка, что он изготовлен на предприятии «Гознак»¹.

Рекомендованным способом защиты документа от внесения дописок является использование обозначений об окончании записей, например, росчерк в форме "Z" либо оттиск специального штампа [3, с. 464].

Этот перечень защитных элементов не является исчерпывающим, поскольку сведения о технологиях защиты документов от подделки включены в Перечень составляющих государственную тайну (ст. 5 закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне»), которой владеют лишь специалисты предприятий «Гознак». Следовательно, решение вопроса об изготовлении бланка конкретного полиса ОСАГО производством «Гознак» возможно лишь сотрудниками данного учреждения.

Порядок оформления страховых полисов ОСАГО заключается в следующем: после подписания страхового договора страховая организация обязана не позднее одного рабочего дня с момента оформления договора страхования ОСАГО передать эту информацию в систему РСА². При необходимости внесения изменений в содержание полиса ОСАГО эти сведения либо отражаются в поле «Особые отметки» с указанием даты и времени их выполнения и заверяются подписью представителя страховщика, печатью страховой компании, либо в течение двух рабочих дней с даты возвращения страхователем ранее выданного страхового полиса изготавливается новый. Эти сведения в срок не позднее пяти суток также вносятся в базу РСА³.

Страховой полис ОСАГО содержит три группы сведений (рис. 2). К первой группе относятся данные производственного характера (о предприятии, изготовившем бланк, о наличии и способе нанесения на бланк реквизитов и элементов защиты документа от подделки). Ко второй группе – информация о транспортном средстве, его владельце, лицах, допущенных к его управлению, сроках действия договора ОСАГО. К третьей – сведения о страховщике (печать страховой компании, подпись ее представителя, оформившего документ). Декодирование информации, содержащейся на бланке страхового полиса ОСАГО, как и большинство другой защищенной полиграфической продукции, может осуществляться машиночитаемым и человекочитаемым способами. Для дешифровки машиночитаемых реквизитов, к которым относится QR-код⁴ (двухмерный штриховой код), используются

¹ ГОСТ Р 54109-2010. Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищённая. Общие технические требования.

² Российский союз автостраховщиков. URL: <http://www.autoins.ru> (дата обращения 25.11.2019)

³ Положение Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-П "О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств" (с изм. и доп.).

⁴ QR-код генерируется при оформлении страхового полиса и содержит следующие сведения о договоре обязательного страхования: наименование страховщика; серия, номер и дата выдачи страхового полиса; даты начала и окончания периода использования транспортного средства в течение срока действия договора обязательного страхования; марка, модель транспортного средства, идентификационный номер транспортного средства и его государственный регистрационный знак.

специальные средства автоматического считывания информации – сканеры. Человеческочитаемые реквизиты целесообразно подразделять на доступную для восприятия лицом, не обладающим специальными знаниями (сведения о предприятии, изготовившем бланк, и времени его выпуска (год), данные о форме и размерах бланка, информация о транспортном средстве, его владельце, лицах, допущенных к его управлению, сроках действия договора ОСАГО) и устанавливаемую в процессе исследования лицом, обладающего специальными знаниями (экспертом).

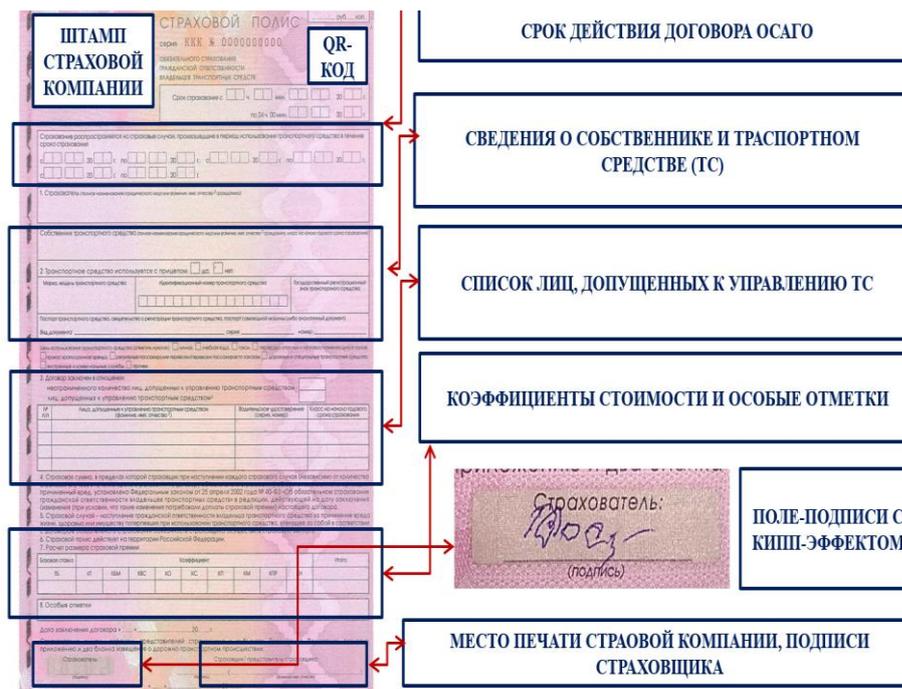

Рис. 2. Изображение информационного поля бланка страхового полиса ОСАГО

Выявление мошенничества, совершаемого с использованием страховых полисов ОСАГО и в отношении данного документа, лицами, не обладающими специальными знаниями, возможно путем дешифровки информации, содержащейся в реквизитах при проверке бланка полиса ОСАГО. Так, установление принадлежности к конкретной страховой компании, соответствие сроков действия договора и его статус (к примеру, полис может быть отмечен как утерянный), возможно двумя способами: при обращении к сайту Российского союза автостраховщиков в сети Интернет (рис. 3) либо с использованием мобильного приложения «ДТП. Европротокол», где по серии, номеру или путем сканирования QR-кода на бланке можно узнать, заключен ли договор (рис. 4). Данные, получаемые в ходе такой проверки должны совпадать с заполненными на бланке сведениями.

Российский Союз Автостраховщиков

Для просмотра сведений о транспортном средстве из договора ОСАГО необходимо ввести серию и номер этого договора, а также дату, на которую запрашиваются сведения.

Серия полиса ОСАГО
MMM

Номер полиса ОСАГО
600

Сведения о застрахованном ТС

Государственный регистрационный знак	B109PT174
VIN	VIN
Статус договора ОСАГО на запрашиваемую дату	Действует
Наименование страховщика	АСКО-СТРАХОВАНИЕ

Рис. 3. Сведения о застрахованном транспортном средстве, хранящиеся в базе Российского союза автостраховщиков

ДАННЫЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

Марка транспортного средства
Renault

Модель транспортного средства
Duster

VIN
X7LHSRH8N48104290

Номер кузова
X7LHSRH8N48104290

Номер шасси
-

Государственный номер
B109PT174

Данные полиса ОСАГО

Страховая компания
АСКО-СТРАХОВАНИЕ

Серия полиса
MMM

Номер полиса
6002631514

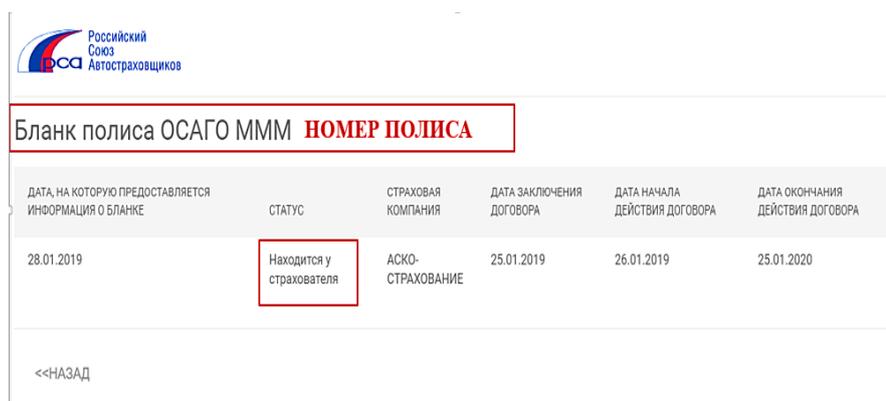
Дата оформления полиса
2019-01-25

Период использования 1
2019-01-26 / 2020-01-25

Рис. 4. Сведения о застрахованном транспортном средстве, полученные путем сканирования QR-кода с использованием мобильного приложения «ДТП. Европротокол»

Проверяя страховой полис ОСАГО, сотруднику правоохранительных органов стоит обратить внимание на статус документа в системе. У действующего бланка он должен быть «находится у страхователя». В случае если страховщик еще не внес в базу выданный полис, статус будет содержать надпись «находится у страховщика» (рис. 5). При наличии статуса «утратил законную силу», «напечатан производителем» или «утерян» необходимо провести комплекс следственных действий для установления факта мошенничества и лиц, причастных к совершению этого деяния. Так, статус «напечатан производителем» означает, что полис не был передан ни одной страховой компании, а значит, при заключении действительного договора использоваться не мог; статус «утратил законную силу» может указывать, что полис выполнен на бланке уже ликвидированной страховой компании¹.

¹ Как проверить полис ОСАГО на подлинность в базе PCA. URL: <https://pddmaster.ru/poleznye-sovety/kak-proverit-polis-osago-na-podlinnost-v-baze-rsa.html> (дата обращения 25.11.2019).

The screenshot shows the website of the Russian Union of Insurers (RSA). At the top left is the RSA logo. Below it, the text reads 'Бланк полиса ОСАГО МММ' followed by 'НОМЕР ПОЛИСА' in a red box. A table displays the following information:

ДАТА, НА КОТОРУЮ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ИНФОРМАЦИЯ О БЛАНКЕ	СТАТУС	СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ	ДАТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА	ДАТА НАЧАЛА ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА	ДАТА ОКОНЧАНИЯ ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА
28.01.2019	Находится у страхователя	АСКО-СТРАХОВАНИЕ	25.01.2019	26.01.2019	25.01.2020

At the bottom left of the table area, there is a '<<НАЗАД' button.

Рис. 5. Сведения о статусе бланка страхового полиса ОСАГО в базе Российского союза автостраховщиков

Следует учитывать, что данные о заключении договора страхования могут отсутствовать в единой страховой базе RSA по ряду причин. Во-первых, страховщик мог не передать данные о водительской истории своего клиента, либо внести недостоверную информацию вследствие допущенных ошибок, не позволяющих привязать полис к конкретному человеку. Во-вторых, может произойти технический сбой в работе программы, вследствие чего часть информации утеряна или повреждена. В-третьих, ошибка могла возникнуть в результате замены водительского удостоверения после оформления страхового полиса ОСАГО, следовательно, информация остается привязанной к старому документу. Во всех случаях получения некорректного результата необходимо установить причины его появления. Это возможно путем направления письменного обращения в RSA.

Также при осмотре документа, целесообразно обратить внимание на серию полисов ОСАГО. Так, например, серия полисов ОСАГО актуальных в 2019 г. начинается с букв «МММ» и «ККК». Данные бланки отличаются между собой: в документах серии «ККК» на обороте есть таблица для внесения договоров дополнительного страхования, в бланках серии «МММ» последняя отсутствует¹. Несовпадение серии документа бланку, на котором он выполнен, может указывать на факт использования подложного документа.

При проверке документа путем сканирования QR-кода с использованием мобильного приложения «ДТП. Европротокол» возможна ситуация, когда он не считывается либо указывает на недействительную ссылку. Причинами может быть использование при изготовлении поддельного полиса сведений о серии, номере документа, о страховой компании, копирование QR-кода с подлинного документа, т.е. изготовление так называемого «полиса-двойника» и регистрации информации с использованием фишинговых сайтов и сайтов-копий. Если сравниваемая информация не совпадает, то необходимо направить страховой полис ОСАГО на экспертизу. Привлечение экспертов для распознавания подлога документов связано с тем,

¹ Российский союз автостраховщиков. URL: <http://www.autoins.ru> (дата обращения 25.11.2019).

что несмотря на совершенствование способов защиты документов от подделки, при изготовлении поддельных страховых полисов ОСАГО преступники стремятся добиться максимального сходства с оригиналом, тщательно подбирают цветовую гамму изображений, имитируют некоторые защитные средства. Установление всех обстоятельств мошенничества, совершаемых с использованием страховых полисов ОСАГО, предполагает назначение комплекса экспертиз или комплексной экспертизы с привлечением экспертов в области технико-криминалистической экспертизы документов, компьютерно-технической экспертизы и экспертизы материалов, веществ и изделий.

В рамках технико-криминалистической экспертизы документов решаются диагностические и идентификационные задачи. Диагностическими задачами является определение способа нанесения защитных элементов и реквизитов, соответствие по наличию, расположению, взаиморасположению, виду, форме, размерам элементов защиты и способу их нанесения на образец, изготовленный официальным производителем («Гознак»), способа изготовления печатной формы, которой нанесены оттиски на спорный документ, наличие измененных реквизитов. Идентификационными задачами является установление тождества оттиска удостоверительной печатной формы на исследуемом документе и оттиска печати страховщика, единого источника происхождения спорных документов, а при наличии оборудования, на котором предположительно осуществлялось изготовление рассматриваемых документов, факт его использования в этих целях. Причем для установления оборудования, единого источника происхождения сомнительных документов целесообразно назначать комплексную компьютерно-техническую и технико-криминалистическую экспертизу документов.

Экспертизой материалов, веществ и изделий решаются диагностические и идентификационные задачи в отношении материалов (красок, бумаги), использованных для изготовления сомнительного страхового полиса ОСАГО.

В рамках компьютерно-технической экспертизы устанавливается наличие в памяти компьютера сканированного изображения страхового полиса ОСАГО, а также установленных специализированных программ и оборудования, необходимых для распознавания действий, произведенных в целях фальсификации документа.

Предупреждение данного рода преступлений видится в проведении сотрудниками правоохранительных органов профилактической работы, направленной на осведомление владельцев автотранспортных средств о современных возможностях быстрой проверки подлинности выдаваемых им документов и об основных способах распознавания фальсификации документов. В этих целях представляется целесообразным привлечение средств массовой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шашкин С. Б. Техничко-криминалистическое исследование документов со специальными средствами защиты от подделок: учебное пособие. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002.

2. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – 268 с.

3. Горохова Т.Н., Попов Е.С., Туровский Е.А. Особенности проведения судебно-технической экспертизы бланков страховых полисов ОСАГО // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. трудов I междунар. форума (7–8 июня 2017 г.). – М.: Москов. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. – С. 464–469.

4. Скрипченко А.В., Якушев В.В. Проблемы защищенности бланка полиса ОСАГО от подделки // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: матер. всерос. науч.-практ. конф. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2016. – С. 276–278.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Shashkin S. B. Technical and forensic research of documents with special means of protection against fakes: a training manual. – Saratov: SUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002.

2. Forensic technical examination of documents. Textbook. Ed. by V.E. Liapichev, N.N. Shvedova. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2013. – 268 p.

3. Gorokhova T.N., Popov E.S., Turovsky E.A. Peculiarities of conducting a forensic technical examination of CTP insurance policy forms // Theory and practice of forensic examination: international experience, problems, prospects: a collection of scientific papers of the I International Forum (June 7–8, 2017): electronic scientific publication (90.4 MB). – М.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2017. – P. 464–469.

4. Skripchenko A.V., Yakushev V.V. Problems of security of the CTP insurance policy form from falsification // Forensic examination: past, present and look into the future. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – P. 276–278.

Гармаев Юрий Петрович
старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовно-
процессуального права
и криминалистики Восточно-Сибирского
филиала Российского государственного
университета правосудия
доктор юридических наук, профессор
E-mail: garmaeff1@mail.ru

Garmaev Yury Petrovich
Senior Researcher,
Professor of criminal procedure
of the Department law
and criminalistic
East Siberian branch
of the Russian state University of justice,
Doctor of Law, Professor
E-mail: garmaeff1@mail.ru

ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБНОВЛЕННЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Введение: в статье предложен новый методологический подход к содержанию криминалистической характеристики коррупционных преступлений, в соответствии с которым в нее для краткости и удобства восприятия необходимо включить ряд классификаций этих преступных посягательств: по уголовно-правовому критерию, по субъектам, по признакам обстановки и т.д. Преступную коррупционную деятельность нельзя отождествлять только со взяточничеством и иным подкупом. Это совокупность разнородных преступлений, помимо указанного, включающих хищения, злоупотребления полномочиями, превышение полномочий, составы отмыwania денег. Наиболее общественно опасные коррупционные проявления совершаются серийно и в составе организованных преступных формирований. Такой подход позволит создать практически востребованные методики расследования анализируемых преступлений.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, нормы международного и национального права в сфере противодействия, прежде всего, криминальной коррупции, а также ведомственные нормативные правовые акты правоохранительных органов РФ. Методологической основой исследования послужил диалектический метод познания явлений, а также междисциплинарный и диспозитивный подходы к формированию криминалистических характеристик преступлений и методик их расследования. Использовались также такие частнонаучные методы, как: формально-логический, системно-структурный, моделирования – для исследовании основ построения криминалистической характеристики коррупционных преступлений, сравнительно-правовой – для анализа российских и зарубежных реалий, закономерностей криминальной коррупции, социологический, в частности, для интервьюирования респондентов.

Результаты исследования: аргументированы научные положения об основных закономерностях преступной коррупционной деятельности, которые необходимо учитывать при создании криминалистической характеристики анализируемых преступлений и далее – при формировании базовой и частных методик их расследования. На основании упомянутого нового методологического подхода сформулировано авторское определение коррупционных преступлений, дана их классификация по ряду криминалистически значимых оснований.

Выводы и заключения: сформулирован вывод о том, что для повышения эффективности противодействия криминальной коррупции в теоретико-методологическом плане необходимо все уже созданные частные криминалистические методики расследования коррупционных преступлений корректировать и объединять в одну, более высокого уровня общности – базовую методику расследования коррупционных преступлений. Основой ее формирования могут стать предложенные в статье подходы к содержанию криминалистической характеристики этих преступлений.

Ключевые слова: коррупционные преступления, криминальная коррупция, формирование криминалистической методики расследования, криминалистическая характеристика, серийные преступления, классификация преступлений.

FUNDAMENTALS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIMES: UPDATED METHODOLOGICAL APPROACH

Introduction: a new methodological approach to the content of the forensic characteristics of corruption crimes is proposed. In accordance with it, for brevity and convenience of perception, it is necessary to include a number of classifications of these criminal attacks: according to the criminal law criterion, according to the subjects, according to the signs of the situation, etc. Criminal corruption activity cannot be equated only with bribery and other bribery. This is a set of heterogeneous crimes, in addition to the specified, including a variety of: theft, abuse of authority, abuse of authority, money laundering. The most socially dangerous corruption manifestations are committed in series and as part of organized criminal groups. Such an approach will create practically demanded methods for investigating the analyzed crimes.

Materials and Methods: the normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, the norms of international and national law in the field of combating, primarily, criminal corruption, as well as departmental regulatory legal acts of the law enforcement bodies of the Russian Federation. The methodological basis of the study was, first of all, the dialectical method of cognition of phenomena, as well as interdisciplinary and dispositive approaches to the formation of the criminalistic characteristics of crimes and methods of their investigation. Such private-scientific methods were also used as: formal-logical, system-structural, modeling - to study the fundamentals of building the forensic characteristics of

corruption crimes, comparative legal - to analyze Russian and foreign realities, patterns of criminal corruption; sociological, in particular for interviewing respondents.

Results: scientific provisions on the basic laws of criminal corruption activity are substantiated, which must be taken into account when creating the forensic characteristics of the analyzed crimes and then - when forming the basic and private methods for their investigation. Based on the aforementioned new methodological approach, the author's definition of corruption crimes is formulated, their classification is given on a number of the forensic-significant grounds mentioned.

Findings and conclusions: the conclusion is drawn that in order to increase the effectiveness of combating criminal corruption in the theoretical and methodological terms, it is necessary to correct and combine all the already created private criminalistic methods for investigating corruption crimes and combine them into one, higher level of generality - the basic method for investigating corruption crimes. The basis for its formation may be the approaches proposed in the article to the content of the forensic characteristics of these crimes.

Key words: corruption crimes, criminal corruption, the formation of a criminalistic investigation methodology, forensic characteristics, serial crimes, classification of crimes.

С точки зрения практической применимости в работе правоохранительных органов совокупности данных, именуемой традиционно как «криминалистическая характеристика вида (группы) коррупционных преступлений», имеется несколько основных и широко распространенных недостатков:

- зачастую излишне большой объем текста, многословность и сложность языка изложения (особенно, если речь идет о диссертационных и прочих монографических разработках);

- мягко говоря, не оптимальный методологический подход, не дающий правоприменителю понять саму сущность современной криминальной коррупции, а значит не помогающий эффективно бороться с ней.

По первому недостатку есть целый ряд направлений его устранения. Мы используем не императивный, а диспозитивный подход к формированию криминалистических методик [2, с. 44–47], а потому говорим именно так: есть ряд направлений и здесь предлагаем лишь одно из них. Если излагать тезисно, то речь идет о кратком изложении криминалистической характеристики в форме классификации и/или типологии преступлений.

Как известно, основной задачей любой классификации, в том числе и криминалистической, является познание самых разнообразных объектов и явлений как целостной системы [7, с. 106].

Криминалистически значимая классификация (в том числе и уголовно-правовая) и есть один из оптимальных вариантов того самого познания криминалистической характеристики вида (группы) преступлений как весьма сложной системы. Так, А.Ю. Головин рекомендует использовать базовую, по терминологии автора, криминалистическую классификацию преступлений, которая, как представляется, может быть положена в основу криминалистических исследований преступлений любого вида [5, с. 33].

Таким образом, для глубокого и в то же время краткого по изложению материала, посвященного криминалистической характеристике коррупционных преступлений, может быть использована их криминалистическая классификация и типология, выделенные по ряду значимых в криминалистическом контексте оснований.

О втором недостатке писать трудно, потому что приходится критически оценивать содержание большинства учебников и пособий по криминалистике, содержащих главы о расследовании коррупционных преступлений и/или взяточничества.

Готовность взять на себя ответственность за критику подразумевает необходимость более пространный обоснования авторской позиции. Как известно, в уголовном законодательстве нет определения понятия «коррупционные преступления» (синоним – «преступления коррупционной направленности») или так называемой криминальной коррупции. Доктринальное определение можно сформулировать следующим образом. Коррупционные преступления – это запрещенные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния должностных лиц, служащих и управленцев (управленец – краткое авторское обозначение лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации; см. п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ) с использованием должностного положения, а также иных лиц, заинтересованных в реализации определенных действий (бездействия) перечисленными субъектами, совершаемые из корыстной или иной личной заинтересованности, направленные на получение выгоды для себя или для третьих лиц и причиняющие вред законным интересам граждан, общества и государства. Как коррупционные преступления, разумеется, могут квалифицироваться и аналогичные деяния, совершаемые от имени или в интересах юридического лица (ранее излагалось несколько иное определение [3]).

Следует рассмотреть несколько классификаций коррупционных преступлений. Единственная нормативно закреплённая из них – ведомственная, изложенная в межведомственном указании¹. В нем приведен перечень под № 23 «Преступления коррупционной направленности». Здесь изложены 4 признака, дающих основания для отнесения тех или иных составов преступлений к категории коррупционных. В кратком изложении обозначаются следующие признаки коррупционных преступлений:

- 1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (должностные лица, управленцы – примечания к ст. 285 и 201 УК РФ);
- 2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступление от его прямых прав и обязанностей;
- 3) корыстный мотив;
- 4) прямой умысел.

В перечне № 23 составы коррупционных преступлений подразделяются на три крупные классификационные группы (с подгруппами):

- относящиеся к этому перечню без дополнительных условий. Назовем их «основные» коррупционные преступления (пункт 2 перечня);

¹ Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 г. // СПС Консультант Плюс. "О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности". Примечание: документ постоянно обновляется.

- относящиеся к перечню при наличии определенных условий – коррупционные преступления «под условием» (пункт 3 перечня);

- преступления, способствующие совершению коррупционных – «способствующие» (пункт 4 перечня).

К числу первых («основных» или «безусловных») относятся, прежде всего, все составы взяточничества (ст. ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), коммерческого подкупа, подкупа в сфере закупок (ст. ст. 200.5, 204, 204.1, 204.2 УК РФ) и ряд других: ст. 141.1, ст. 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1 УК РФ.

К числу вторых – коррупционных «под условием» отнесено 7 групп преступных посягательств.

К числу третьих – способствующих, отнесены все составы мошенничества (ст. ст. 159–159.6 УК РФ), а также ст. ст. 169, 178, 179 УК РФ.

Важно обратить внимание на то, что в числе коррупционных преступлений «под условием» и «способствующих» (п. 3–4 перечня) неоднократно упоминаются:

- хищения, прежде всего, составы мошенничества, присвоения и растраты (ст. ст. 159–159.6, 160 УК РФ и др.);

- преступления, связанные с отмыванием денег и деятельностью преступных сообществ (ст. ст. 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ);

- разнообразные составы злоупотребления полномочиями (общий и специальные – ст.ст. 285–285.4 УК РФ) и превышение полномочий (ст. 286 УК РФ).

Эта взаимосвязь между «основными» коррупционными преступлениями, прежде всего, взяточничеством и подкупом, с одной стороны, и хищениями, отмыванием денег, злоупотреблениями – с другой, имеет определяющее значение для криминалистической характеристики анализируемых посягательств как информационной и методологической основы их расследования. Дело в том, что наиболее опасные и изощренные способы преступной коррупционной деятельности готовятся и совершаются в целях получения какой-либо незаконной материальной выгоды, преступного дохода, полученного, прежде всего, в результате хищений и злоупотреблений, и который в дальнейшем коррупционеры пытаются легализовать и потребить. Еще одна закономерность: такие преступления совершаются в основном серийно и подпадают под признаки разнородных преступлений.

Традиционно ключевыми и системообразующими коррупционными деяниями как в практике, так и в науке признаются составы взяточничества и иного подкупа: ст. ст. 290–291.2 УК РФ, ст. 204–204.2 УК РФ, ст. 200.5 УК РФ и др.). Эти составы перечнем отнесены к категории – «безусловных» (основных) коррупционных преступлений. И это справедливо в силу суровости предусмотренных за их совершение санкций. Однако слишком узкое понимание криминальной коррупции – только взяточничество и подкуп¹, широко распространенное среди многих правоприменителей, а также в учебниках по криминалистике и в иной литературе, существенным и нега-

¹ Здесь и далее для краткости мы будем использовать термины «взяточничество», «взятка», «взяткодатель», «взяткополучатель», «должностное лицо», подразумевая, соответственно, еще и коммерческий, и иной подкуп, предмет коммерческого подкупа, дающий и получающий этот предмет, управленец коммерческой или иной организации (ст. 204–204.2 УК РФ).

тивным образом влияет на эффективность расследования конкретных уголовных дел и на всю практику борьбы с криминальной коррупцией.

Так, большинство учебников и пособий по криминалистике можно разделить: на те, что излагают методику расследования взяточничества в отрыве от расследования иных коррупционных преступлений¹ [9, с. 334–342], и на те, что декларируют наличие в них главы о методике расследования коррупционных преступлений (подразумевается, что всех), а на самом деле излагают научные положения и прикладные рекомендации либо только по взяточничеству, либо по ничем не аргументированному набору составов преступлений. Например, в одном из учебников к числу коррупционных фактически отнесен состав халатности (ст. 293 УК РФ), ни при каких условиях не являющийся коррупционным [1; 8]. В этой «палитре» научных подходов нет ничего удивительного. В криминалистике до сих пор не предпринято глубоких исследований методологического характера, посвященных криминальной коррупции.

Однако негативные последствия двух обозначенных подходов налицо. Например, руководствуясь таким вот узким или неопределенным пониманием криминальной коррупции, оперативные сотрудники и следователи могут успешно раскрыть получение одной взятки и при этом попросту не распознать, даже не выдвинуть версии о множественных коррупционных хищениях, должностных злоупотреблениях, совершенных должностным лицом (лицами) в составе преступной группы с иными субъектами.

Не менее важны и иные типовые криминалистически значимые классификации коррупционных преступлений (как элементы их криминалистической характеристики). Так, по признаку субъекта преступной деятельности, а точнее в зависимости от должностного положения субъектов коррупционных деяний, значимости их полномочий, следует различать «верхушечные» коррупционные преступления и «низовые». «Верхушечные» характерны для руководителей организаций или различных органов власти. Данная разновидность коррупции сопряжена непосредственно с принятием решений, имеющих «высокую цену», например, с принятием соответствующих нормативных правовых актов, с получением крупных государственных заказов, закупочными процедурами, изменением форм собственности, назначением на высокопоставленные должности и т. д.

«Низовые» преступные посягательства распространены на среднем и низшем уровнях власти и управления и связаны с постоянным, ежедневным, рутинным взаимодействием должностных лиц, управленцев и иных служащих с населением относительно менее значимых решений и менее крупных финансовых затрат.

По критерию обстановки и способа преступной деятельности принято разделять бытовые и деловые коррупционные преступления. Под бытовыми принято понимать те, с которыми граждане встречаются наиболее часто в обстановке повседневной жизни. Это прием-передача взяток врачу за выдачу листка нетрудоспособности и разнообразные медицинские услуги; руководителям школ, учителям за поступление ребенка в престижную образовательную организацию и хорошие оценки; сотруднику

¹ В учебниках и пособиях обычно имеются отдельные главы о расследовании, например, злоупотребления полномочиями, присвоения и растраты и т.п., без обозначения явных и прочных взаимосвязей между этими видами коррупционных преступлений.

ГИБДД МВД за несоставление протокола об административном правонарушении и т.д. и т.п. Деловые коррупционные преступления охватывают сферы взаимодействия бизнеса и власти. В нашей стране, как и в иных, широко распространены как бытовые, так и деловые коррупционные преступления. Однако выявляются и расследуются, к сожалению, в основном бытовые.

Уяснение этих кратких характеристик криминальной коррупционной деятельности очень важно для следователя и оперативного сотрудника, поскольку, как верно отметила Е.В. Гулина, в настоящее время к числу основных недостатков выявления и расследования коррупционных преступлений относится то обстоятельство, что усилия правоохранительных органов в большей степени направлены на борьбу с «бытовыми» и «низовыми» коррупционными преступлениями. Так, многие годы «лидерами» по количеству зарегистрированных коррупционных посягательств являются профессии: врачей, учителей, сотрудников ГИБДД, чиновников низшего уровня органов местного самоуправления [6, с. 5]. Авторы многочисленных разноотраслевых научных исследований приходят к выводам о несоответствии этого антирейтинга современным реалиям ввиду высокой латентности криминальной коррупции более опасных типов – «верхушечной» и «деловой».

По результатам анализа официальной статистики и изучения множества уголовных дел приходим к выводу о том, что правоохранительные органы ведут борьбу в основном с преступлениями, не представляющими особой сложности в раскрытии и расследовании, в том числе с дачей взятки (ст. 291 УК РФ) или покушением на нее¹, с мелким взяточничеством (ст. 291.2 УК РФ), с «низовыми» и эпизодическими преступлениями рядовых учителей, преподавателей вузов, врачей, судебных приставов и т.п. В то же время, например, «верхушечные» и при том систематические, транснациональные коррупционные посягательства выявляются и изобличаются относительно редко, расследуются долго и зачастую неэффективно. Хотя возбуждение громких уголовных дел такого рода обычно сопровождается общественным резонансом, масштабным освещением в СМИ [6, с. 55].

Важна также и следующая закономерность. Чем выше уровень должностного положения и степени организованности взяточполучателей, иных субъектов криминальной коррупции, тем выше вероятность того, что взятки будут передаваться сложными способами, с использованием современных информационных технологий и через коррупционных посредников – физических лиц и посреднические организации. Однако помимо коррупционного посредничества, широко распространен сходный по своим закономерностям вид криминальной коррупционной деятельности – мнимое посредничество, т.е. мошенничество, когда предмет взятки «под должностное лицо» и без ведома последнего принимает (требует, вымогает) мошенник. Коэффициент латентности таких преступлений выше, чем у взяточничества без посредников. Последнее широко распространено лишь в рамках «бытовой», «низовой» криминальной коррупции. Во многих, хотя, конечно, далеко не во всех случаях, широко распространенное мнение населения о тотальной коррумпированности власти, бизнеса, судебной

¹ Только эти коррупционные преступления составляют около 70 % (в зависимости от региона, временного периода) всех регистрируемых.

и правоохранительной систем – это результат преступной деятельности разнообразных мошенников, предлагающих услуги посредников [4].

Продолжая криминалистическую классификацию коррупционных и сопутствующих им преступлений, исходя из критериев обстановки, необходимо дать их деление по сферам деятельности, например: коррупционные преступления в сфере государственных и муниципальных закупок; в сфере здравоохранения, ЖКХ, высшего и среднего образования, строительства, деятельности налоговых, таможенных, судебных и правоохранительных органов, органов государственной власти и органов местного самоуправления; в сфере профессиональных спортивных соревнований и конкурсов и т.д. Криминалистическое значение этой классификации в том, что свои закономерности есть у каждой из перечисленных сфер деятельности. В них имеются специфические субъекты, способы и нормативно-правовое регулирование, особенности сложного документооборота, деловых традиций и т.п. Соответственно каждая из этих сфер деятельности характеризуется распространенностью разнообразных и весьма специфических преступлений, связанных с профессиональной деятельностью («профессиональных» преступлений). Без их глубокого криминалистического анализа следователю трудно добиться эффективности расследования.

Так, в сравнительно-правовом аспекте, например, в Англии и Уэльсе (двух из четырех юрисдикций Великобритании), а также в Норвегии наиболее крупные по размеру взятки передаются в сфере органов государственного управления, а по количеству – в сфере строительства. Способы коррупционных преступлений в этих сферах сильно отличаются [10].

Наиболее общественно опасные коррупционные преступления в сфере здравоохранения – взяточничество и хищения совершаются в совокупности с другими профессиональными преступлениями медицинских работников (закупками медоборудования и лекарств, с медицинским страхованием и т.д.), являются причинами, условиями или последствиями их совершения. Взятничество и иные коррупционные преступления в сфере внешнеэкономической деятельности совершаются должностными лицами таможенных органов, как правило, во взаимосвязи с таможенными преступлениями: контрабандой, уклонением от уплаты таможенных платежей и т.п. В этой связи для того, чтобы эффективно выявлять и расследовать всю сложную и взаимосвязанную преступную деятельность, правоприменителю необходимо знать криминалистическую характеристику не только собственно «основных» коррупционных преступлений, но и профессиональной преступной деятельности в соответствующей сфере, методику расследования уголовных дел соответствующих категорий.

Однако в методологическом плане все эти методики должны быть объединены в одну, более высокого уровня общности – базовую методику расследования коррупционных преступлений. Создание и внедрение этой базовой методики, надеемся, дело недалекого будущего. Основой ее формирования могут стать предложенные здесь подходы к сущности и содержанию криминалистической характеристики данных преступных посягательств. В то же время и менее общие – частные методики, регулярно разрабатываемые в последние годы, должны учитывать изложенные здесь закономерности реальной (а не регистрируемой) криминальной коррупции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Башмаков И.С. Особенности первоначального этапа расследования коррупционных преступлений, совершаемых представителями органов местной власти: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 212 с.
2. Гармаев Ю.П. Диспозитивность сценариев как принцип дальнейшего развития криминалистических методик расследования // Современная криминалистика: проблемы теории, практики, обучения: сборник статей по материалам междунар. науч.-практич. конф. / под ред. М.Ю. Павлика, С.А. Полякова, Е.А. Ануфриевой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – С. 44–47.
3. Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений. URL: <http://www.iaaj.net/node/2490>.
4. Гармаев Ю.П., Степаненко Д.А., Степаненко Р.А. Расследование коррупционного посредничества: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 208 с.
5. Головин А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – С. 33.
6. Гулина Е.В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования: дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2019. – 230 с.
7. Ким Д.В. Классификация криминалистических ситуаций как разновидность систематизации научного знания // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 311. – С. 106.
8. Топорков А.А. Методика расследования коррупционных преступлений (глава 32) // Криминалистика: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 464 с.
9. Шурухнов Н.Г. Криминалистика в схемах и таблицах. – М.: Эксмо, 2016. – 464 с.
10. Andresen, M.S., Button. The profile and detection of bribery in Norway and England & Wales: A comparative study // European Journal of Criminolog. – 2019. – Vol. 16 (1). – P. 18–40.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bashmakov I.S. Features of the initial stage of the investigation of corruption crimes committed by representatives of local authorities: dis. ... cand. legal sciences. – Ekaterinburg, 2006.
2. Garmaev Y.P. Dispositive scenarios as a principle for the further development of forensic investigation techniques // Modern forensics: problems of theory, practice, training: a collection of articles based on materials of an international scientific-practical conference / under the editorship of M.Y. Pavlik, S.A. Polyakova, E.A. Anufrieva – Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2017. – S. 44–47.
3. Garmaev Y.P. Fundamentals of corruption investigation techniques. URL: <http://www.iaaj.net/node/2490>.

4. Garmaev Y.P., Stepanenko D.A., Stepanenko R.A. Investigation of Corruption Mediation: Monograph. – М.: Publishing House Yurlitinform, 2017. – 208 p.
5. Golovin A.Y. Basic forensic classification of crimes // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2013. – S.33.
6. Gulina E.V. Features of the forensic technique of investigating corruption crimes in higher education: dis. ... cand. legal sciences. – Ulan-Ude, 2019. – 230 s.
7. Kim D.V. Classification of forensic situations as a kind of systematization of scientific knowledge // Bulletin of Tomsk State University. – 2008. – No. 311. – S. 106.
8. Toporkov A.A. Methods of investigating corruption crimes (chapter 32) / Forensics: a textbook. – М.: CONTRACT, INFRA-M, 2012. – 446 s.
9. Shurukhnov N.G. Forensics in charts and tables. – М.: Eksmo, 2016.– 446 s.
10. Andresen, M.S., Button). The profile and detection of bribery in Norway and England & Wales: A comparative study // European Journal of Criminology. – 2019. – Vol. 16 (1). – P. 18–40.

УДК 343.971; 343.974

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10043

Родивилина Виктория Александровна

доцент кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института
МВД России

кандидат юридических наук

E-mail: 377b@bk.ru

Rodivilina Victoria Aleksandrovna

Associate Professor of the Department
of Criminalistics East-Siberian Institute of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

Candidate of Law

E-mail: 377b@bk.ru

Сизова Майя Сергеевна

ст. преподаватель кафедры
криминалистики, судебных экспертиз
и юридической психологии

Института государства и права БГУ

E-mail: ms-pochta@mail.ru

Sizova Maya Sergeyevna

Senior teacher of department of criminalis-
tics, judicial examinations and legal
psychology

Institute of the state and right of BGU

E-mail: ms-pochta@mail.ru

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Введение: средства массовой коммуникации детерминируют криминал в среде несовершеннолетних. Новые криминальные явления, как «скулшутинг», «колумбайн», «АУЕ», оказывают пагубное влияние на несовершеннолетних.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие распространение информации, ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и ответственность несовершеннолетних за совершение преступлений. Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод научного познания, позволивший полно и всесторонне рассмотреть особенности продуцирования преступности несовершеннолетних, вызванной взаимодействием глобализации и информатизации общества, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: в статье определены источники получения ориентирующей информации для расследования преступлений несовершеннолетних, совершенных под влиянием воздействия через социальные сети. Обозначена необходимость взаимодействия правоохранительных органов, обеспечивающих кибербезопасность, на международном уровне. Выявлены перспективы применения информационно-телекоммуникационных ресурсов сети «Интернет» в осуществлении предупреждения преступности подростков.

Выводы и заключения: для расследования и предупреждения преступности несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность через социальные сети, необходимо осуществлять взаимодействие правоохранительных органов, обеспечивающих кибербезопасность, с Национальным контактным пунктом, с Интерполом, Европолем, Евроюстом на международном уровне. Своевременная обработка информации из социальных сетей и реагирование на нее могут способствовать недопущению ряда преступлений. Для этого предложено взять на вооружение возможности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: информация, предупреждение преступности несовершеннолетних, молодежный экстремизм, пропаганда, социальная сеть, взаимодействие, кибербезопасность, искусственный интеллект.

MINOR AND CRIME. INFLUENCE OF THE INFORMATION ENVIRONMENT

Introduction: mass media determine crime among minors. The new criminal phenomena with their participation ("skulshuting", Columbine, "A.U.E."), put harmful influence.

Materials and methods: the standard basis of a research is formed by the Constitution of the Russian Federation, the criminal and criminal procedure legislation, local regulations regulating dissemination of information, responsibility for involvement of minors in criminal activity and responsibility of minors for commission of crimes. The methodological basis of a research was made by the general dialectic method of scientific knowledge which allowed to consider fully and comprehensively the features of producing crime of minors caused by interaction of globalization and informatization of society and also methods of logical deduction, induction, informative methods and methods of observation, comparisons, the analysis, generalization and the description.

Results of a research: in article sources of obtaining the focusing information for investigation of crimes of minors, influence on whom was carried out through social networks, are defined. Need of interaction of the law enforcement agencies providing cyber security at the international level is designated. The prospects of application of information and telecommunication resources of Internet network in implementation of crime prevention of teenagers are revealed.

Findings and conclusions: for investigation and crime prevention of the minors involved in criminal activity through social networks it is necessary to carry out interaction of the law enforcement agencies providing cyber security and also National contact point, the Interpol, Europol, Eurojust at the international level. Timely information processing from social networks, and timely response to it can promote prevention of a number of crimes. For this purpose it is offered to adopt possibilities of artificial intelligence.

Keywords: information, crime prevention of minors, youth extremism, promotion, social network, interaction, cyber security, artificial intelligence.

В своих докладах на расширенных заседаниях коллегии Министерства внутренних дел за 2015, 2016, 2017, 2018¹ гг. В.В. Путин отмечал положительную тенденцию снижения числа регистрируемых тяжких и особо тяжких преступлений, указывая, тем не менее, на необходимость совершенствования качества оперативно-розыскной и следственной деятельности, повышения результативности взаимодействия правоохранительных органов между собой и со структурами, которые могут и должны содействовать расследованию. Несмотря на снижение показателя зарегистрированных преступлений против личности, остается нераскрытым практически каждое второе из них².

К одной из менее защищенных категорий граждан относятся дети, по этой причине основной задачей государства является охрана их прав и законных интересов от преступных посягательств. Любое правовое государство озабочено состоянием защищенности прав и свобод ее граждан, особенно такой их категории, как несовершеннолетние, что обусловлено, прежде всего, особенностями их социального, биологического, физиологического и психологического развития. Проблема преступности несовершеннолетних, а также в отношении несовершеннолетних постоянно привлекает к себе особое внимание ученых и практиков.

Согласно данным статистики МВД России преступность среди несовершеннолетних занимает третье место по количеству преступлений в стране³. Это связано с усилением ряда негативных течений в экономической, социально-политической, правовой, культурной, семейно-бытовой и других сферах жизни населения.

В современных реалиях возникла повышенная виктимность в интернет-пространстве, которая образует высокие риски для несовершеннолетних (в силу возрастных особенностей) становиться жертвами от действий, которые носят как открытый, так и анонимный характер: подвергаться психологическому, эмоциональному, моральному насилию, травле, т. е. становиться объектом так называемых буллинга, интернет-травли, кибертравли, кибермоббинга [2, с. 105], что может послужить возникновению у лиц повышенной тревожности, депрессии, стресса, серьезной психо-

¹ Доклад В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел, 04.03.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47776> (дата обращения 20.12.2018); Доклад В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел, 15.03.2016. URL: kremlin.ru/events/president/news/51515/ (дата обращения 20.12.2018); Доклад В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел, 09.03.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54014/> (дата обращения 20.12.2018); Доклад В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел, 28.02.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54014/> (дата обращения 20.12.2018).

² См.: Состояние преступности в 2015 г. URL: <https://мвд.пф/reports/item/7087734/> (дата обращения 05.01.2019); Состояние преступности в 2016 г. URL: https://мвд.пф/upload/sitel/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения 05.01.2019); Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата обращения 09.01.2019). Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 г. URL: <https://мвд.пф/reports/item/7087734/> (дата обращения 09.01.2019).

³ Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.пф/reports/item/16053092/> (дата обращения 09.01.2019).

логической травмы и, как следствие, доведению до суицида, а также побудить к совершению преступлений.

В соответствии с ч. 2 ст. 5 федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, являющейся запрещенной для распространения среди детей, относится информация, побуждающая к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству; обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев предусмотренных указанным федеральным законом¹.

Несмотря на это в последние годы приобретают популярность субкультурные молодежные сообщества в сети Интернет, популяризирующие культы насилия и мизантропии, занимающиеся размещением агрессивного информационного контента. Демонстрация убийств людей, совершения суицида, публичной физической расправы, драк и изнасилований оказывают пагубное влияние на мировоззрение подростков. Так подростки под влиянием придуманного ими самими мейнстрима² становятся жертвами аутоагрессии³.

К сожалению, сегодня анархические движения представляют достаточно серьезную угрозу. Группирований, размещающих материалы анархистской и суицидальной направленности в эпоху бесконтрольного доступа к Интернету, множество. Ежедневно в различных соцсетях, например, «ВКонтакте», регистрируется около 5 интернет-формирований, пропагандирующих идеологию «колумбайна», суицида и анархизма. Виртуальные группы и сообщества, пропагандирующие криминальный образ жизни среди подростков, называющие себя движение «АУЕ», к сожалению, не менее популярны групп смерти, которые сегодня на слуху – «Синий Кит», «Розовый пони», «Колумбайн» и другие печально известные молодежные сообщества, воспевающие культ самоубийства и подростков-убийц, группы зацепинга, руфинга и т.д., также пропагандирующие совершение действий, представляющих угрозу для их жизни и здоровья. Наиболее радикальным по своему содержанию является движение «Колумбайн» («Скулшутинг») – вооруженное нападение обучающегося или стороннего человека, на учащихся внутри образовательного заведения.

5 сентября 2017 г. ученик ивантеевской школы № 1 15-летний Михаил Певнев, одетый, как и его кумиры из «Колумбайна», в длинный черный плащ, придя в класс, ударил учительницу топором по голове (она госпитализирована с открытой черепно-мозговой травмой), активировал несколько самодельных взрывпакетов и стрелял из подаренного отцом пневматического пистолета. Пострадали четыре человека – учительница и трое школьников, выпрыгнувших из окна; к счастью, никто не погиб. 15 января 2017 г. в пермской школе № 127 произошел второй, вдохновленный «Колум-

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон РФ от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 1 мая 2019 г.) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

² Мейнстрим (англ. mainstream – «основное течение») – преобладающее направление в какой-либо области для определённого отрезка времени. Мода на определенные вещи, поведение.

³ Аутоагрессия (ауто- + лат. aggressio приступ, нападение) – проявление разрушительной активности, нацеленной (осознанно или неосознанно) на причинение себе вреда в физической и психической сферах, вымещении на себе или окружающих злости, обиды, ненависти.

байном» инцидент, последствия которого оказались значительно серьезнее. Два шестнадцатилетних парня, Лев Биджаков и Александр Буслидзе нанесли ножевые ранения нескольким ученикам четвертого класса и их учительнице. 19 января этого же года девятиклассник школы № 5 улан-удинского микрорайона Сосновый Бор (Бурятия) Антон Бичивин набросился с топором на учеников седьмого класса и их учительницу, поджег класс «коктейлем Молотова», после чего выпрыгнул из окна и попытался совершить суицид, нанеся себе несколько ножевых ранений. 18 апреля 2018 г. 17-летний Артем Тагиров вошел в кабинет информатики своей коррекционной школы № 1 г. Стерлитамака (Башкирия), нанес ножевое ранение одной из учениц, затем 29-летней учительнице, после чего разлил и поджег горючее вещество (пострадала девочка, которая, испугавшись начавшегося пожара, выпрыгнула из окна второго этажа). Совершив все это, он попытался покончить жизнь самоубийством, нанеся себе ножевое ранение, однако попытка суицида не удалась [1].

В действиях колумбайнеров (скулшутеров), которые реализовали свои преступные действия, усматривается состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 105 УК РФ. Нужно понимать, что наказания после преступления никто не отменял. И даже самоубийство подростка, устроившего «скулшутинг», не снимает ответственности с его родных и близких¹.

Не вступая в научную полемику о квалификации деяний лиц, организующих аккаунты в соцсетях, посвященные «Колумбайну» и иные группы, пропагандирующие аутоагрессивное поведение (за исключением суицидального), согласимся с Р.Д. Шараповым, что уголовная ответственность должна наступать в перечисленных случаях по ч. 3 ст. 239 УК РФ [10, с. 83] – участие в деятельности некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью): некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний), а равно пропаганда перечисленных деяний.

Пропагандой будет являться распространение сведений о таких деяниях, содержащих открытое или завуалированное их одобрение, в устной или письменной формах, а также с использованием средств массовой информации.

Анализируя процесс детерминации преступности в молодежной среде, что относится и к развитию явления «колумбайна», исследователи приходят к выводу, что это обусловлено социальными, возрастными и психологическими особенностями подростков, которые находят свое отражение в механизме преступного поведения при конфликтных ситуациях [5, с. 153]. Безнадзорность, беспризорность, отсутствие ценностных ориентаций и попустительство со стороны взрослых являются предпосылкой для преступного поведения подростков.

¹ Идеология «колумбайн». К чему могут привести субкультурные публикации, популяризирующие насилие // Спектр новостей Беларуси. 2019. URL: <https://spektr.by/archives/67189>.

Обобщая сведения о подражателях колумбайнеров (скулшутеров), можно дать следующую характеристику их личности: бесконтрольная доступность к Интернету, агрессивная окружающая среда, чувство несправедливости, одиночества, безысходности и отсутствие видения перспектив, совершение преступлений в 90% случаев лицами мужского пола, в возрасте 14–19 лет, наличие межличностных проблем в отношениях с одноклассниками, неполная или неблагополучная семья стрелка, выбор в качестве «мишеней» случайных людей, интерес к материалам, содержащим описание различных форм насилия, желание быть замеченными.

При расследовании «колумбайна» (скулшутинга) следует обратить особое внимание на то, чем подросток занимался в последние месяцы до совершения массового убийств: семейное положение, взаимоотношения подростка в семье, с кем поддерживал общение, имелись ли у подростка близкие друзья, чем подросток занимался в свободное время, как проходило его обучение, как часто проводил время в интернете, имеется ли личный дневник, рисунки. Перечисленное может способствовать установлению возможных причин преступного деяния, а также даст возможность анализа полученной информации специалистом.

Во многих случаях колумбайнеры (скулшутеры) сообщали о своих намерениях в социальных сетях. В случае своевременного реагирования на такие сообщения правоохранительных органов, психологов, педагогов, родителей массовую гибель людей можно было бы предотвратить. В социальных сетях достаточно продолжительный период хранятся сведения о полученных и отправленных от каждого пользователя текстовых, звуковых и графических сообщениях, контакты, размещенные материалы, информация о передвижениях пользователя. Согласно российскому законодательству данная информация подлежит предоставлению уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности в Российской Федерации¹.

Подчеркивая значимость информационно-телекоммуникационного пространства, включая социальные сети, Д.А. Степаненко и А.А. Рудых называют его «ценным, а порой единственным источником криминалистической информации» [9, с. 17]. В этой связи нельзя не согласиться с Р.Р. Кардановым и А.А. Куриным, считающими, что в настоящее время имеется «постоянная необходимость информационного обмена и информационно-аналитического сопровождения раскрытия и расследования преступлений» [4, с. 175]. Своевременное предоставление операторами связи информации об абоненте, которому выделялись IP-адреса в интересующее время, как показывает практика, способствует успешному раскрытию и расследованию преступлений в сети Интернет [8, с. 72].

¹ Постановление Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 О Правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и информации об этих пользователях, предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4526.

Противодействие рассматриваемым преступлениям должно осуществляться на международном уровне и в настоящее время мир нуждается в расширении сферы взаимодействия государств по разработке единого законодательства и работы специалистов в области информационно-телекоммуникационных технологий [11, с. 377]. Включения в данную деятельность различных государственных органов и общественных организаций требует и ювенальное уголовное судопроизводство, на что указывают ряд ученых [6, с. 346; 7, с. 771–772].

В связи с глобальностью социальных сетей и их принадлежностью различным странам¹ следует наладить взаимодействие с правоохранительными органами, занимающимися обеспечением кибербезопасности², а также с Национальным контактным пунктом, Интерполом, Европоллом, Евроюстом.

Представляется, что блокировать ресурсы, распространяющие и пропагандирующие преступную идеологию, криминальные рецепты насилия, способы совершения иных преступлений, малоэффективно в силу краткости действия меры. Администраторами подобных групп будут создаваться новые аналогичного толка аккаунты.

Эффективными в условиях масштабного культивирования информационного распространения противоправных идей и их масштабного воздействия должны выступить предупредительные меры модерирования и контроля за содержанием существующих аккаунтов, пропагандирующих информацию криминогенного, в том числе экстремистского характера. Подобные меры позволят выявлять подготовку преступлений (призывов к их совершению, намерений), а также их участников. Необходимы создание и поддержка противоположных ресурсов «антигрупп» по отношению к криминогенным сетевым сообществам [3, с. 137].

Для эффективного поиска, заявившего о своих намерениях колумбайнера (скулшутера), следует взять на вооружение возможности искусственного интеллекта. Сбор информации в сети Интернет возможен при помощи программ так называемых информационных ботов (например, Gerda Bot), сервисов (например, «Родительская опека»). Американские и европейские аналогичные программы обеспечивают родителям полный контроль за детьми: «сервисы следят за переписками, действиями, перемещениями»³. Виртуальные следы помогают получить информацию об IP-адресе, откуда была произведена загрузка на сервер подозрительного/опасного документа, и конкретное местонахождение устройства, с которого была произведена выгрузка.

¹ Так например в США – Facebook, MySpace, Twitter; в Китае – WeChat, Renren, Qzone; в Германии – StayFriends.de, StudiVZ; в Корее – Kakao, Band, в Японии – Line и др.

² Например: Группа безопасности электронной коммуникации при Центре правовой связи при МИД; подразделение Министерства обороны по защите от виртуальных угроз (Великобритания); Специальная группа при МВД ФРГ (Германия); Аналитический и исследовательский отделы внешней разведки и разведывательное бюро внутренней разведки (Индия); Центр национальной кибербезопасности; Объединенное кибернетическое командование Вооруженных сил США (США); управление «К» МВД России и др.

³ Media-kid. Издание для родителей о цифровом детстве // URL: <http://media-kid.ru/gerda-bot.html> (дата обращения 15.06.2019)

В сервер Российского интернета следует внести динамический фильтр, который с помощью определенных комбинаций будет определять наличие представляющей опасность информации в текстовых, графических, видео-, аудиоисточниках, автоматически сигнализировать о данном факте в правоохранительные органы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Амелина Я.А. «Колумбайн» № 4. Пора принимать решительные меры // Кавказский геополитический клуб. URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/kolumbayn-no4-pora-prinimat-reshitelnye-meru> (дата обращения 10.05.2019).

2. Бычкова А.М. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.М. Бычкова, Э.Л. Раднаева // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 101–115. DOI: 10.17150/2500–4255.2018. 12 (1). 101–115.

3. Демидова -Петрова Е.В. Криминализация несовершеннолетних и меры ее предупреждения в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 134–137.

4. Карданов Р.Р., Курин А.А. Аналитическая обработка криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 173–181. DOI: 10.24411/2312–3184–2019–00017.

5. Корнакова С.В. Современные тенденции насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними / С.В. Корнакова, С.А. Корягина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. № 1. – С. 148–155. DOI: 10.17150/1996–7756.2016.10(1). 14–155.

6. Марковичева Е.В., Смирнова И.Г. Борьба с преступностью и назначение уголовного судопроизводства: критерии разработки оптимальной уголовно-процессуальной стратегии в отношении несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 2. – Т. 10. – С. 339–348. DOI: 10.17150/1996–7756.2016.10(2). 331–338.

7. Михайлов М.А. Единообразия в определении круга преступлений террористической и экстремистской направленности – необходимая предпосылка эффективности методики их расследования / М.А. Михайлов, В.С. Кряжев // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 770–778. DOI: 10.17150/2500–4255.2016.10(4). 770–778.

8. Родивилин И.П. Интеллектуальный разврат несовершеннолетних в сети Интернет / И.П. Родивилин, В.В. Коломинов, Д.Э. Брыжак // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1. – С. 64–76.

9. Степаненко Д.А., Рудых А.А. Использование открытых информационных технологий для расследования преступлений в отношении несовершеннолетних // Рос. следователь. – 2019. – № 4. – С. 16–19.

10. Чиненов Е.В., Воронов С.С. Информационные технологии в системе криминалистического обеспечения раскрытия и расследования экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Юридическая

наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. – № 4 (44). – С. 328-333.

11. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 78–83.

12. Якимова Е.М., Нарутто С.В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 10. – Т. 2. – С. 369–378. DOI : 10.17150/1996–7756.2016.10(2).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Amelina Ya.A. Columbine No. 4. It is time to take drastic measures//the Caucasian geopolitical club of URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/kolumbayn-no4-poraprimat-reshitelnye-mery> (date of the address 10.05.2019).

2. Bychkova A.M. Bringing to suicide by means of use of Internet technologies: social and psychological, criminological and criminal aspects / A.M. Bychkova, E.L. Radnayeveva // All-Russian Criminological magazine. – 2018. – Т. 12. – No. 1. – Pp. 101–115. – DOI: 10.17150/2500–4255.2018.12(1). 101–115.

3. Demidova–Petrova E.V. Criminalization of minors and a measure of its prevention in the conditions of globalization // Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Russian Interior Ministry Academy. – 2018. – No. 4 (44). – Pp. 134–137.

4. Kardanov R.R., Kurin A.A. Analytical processing criminalistic significant information // Bulletin of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2019. – No. 2 (89). – Pp. 173–181. DOI: 10.24411/2312–3184–2019–00017

5. Kornakova S.V. Current trends of the violent crimes committed by minors / S.V. Kornakova, S.A. Koryagina // The Criminological magazine of the Baikal state university of economy and the right. – 2016. – Т. 10. – No. 1. – Pp. 148–155. – DOI: 10.17150/1996–7756.2016.10(1). 148–155.

6. Markovicheva E.V., Smirnova I.G. Fight against crime and purpose of criminal proceedings: criteria of development of optimum criminal procedure strategy for minors // All-Russian criminological magazine. – 2016. – № 2. – Т. 10. – Pp. 339–348. DOI: 10.17150/1996–7756.2016.10(2). 331–338.

7. Mikhaylov M.A. Uniformity in definition of a circle of crimes of terrorist and extremist orientation – a necessary prerequisite of efficiency of a technique of their investigation / M.A. Mikhaylov, V.S. Kryazhev // The All-Russian criminological magazine. – 2016. – Т. 10. – No. 4. – Pp. 770–778. – DOI: 10.17150/2500–4255.2016.10(4). 770–778.

8. Rodiviline I.P. Intellectual debauchery of minors on the Internet/I.P. Rodiviline, V.V. Kolominov, D.E. Bryzhak // Siberian criminal procedure and forensic readings. – 2020. – No. 1. – Pp. 64–76.

9. Stepanenko D.A., Rudykh A.A. Use of open information technologies for investigation of crimes concerning minors // The Russian investigator. – 2019. – No. 4. – Pp. 16–19.

10. Chinenov E. V., Voronov S. S. Information technologies in the system of criminalistic support of disclosure and investigation of economic crimes committed at railway transport facilities // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. no. 4 (44). – Pp. 328-333.

11. Sharapov R.D. Qualification of the crimes connected with involvement in suicide and other life-threatening behavior // Criminal law. – 2017. – No. 6. – Pp. 78–83.

12. Yakimova E.M., Naruto S.V. The international cooperation in fight against cyber crime // The All-Russian criminological magazine. – 2016. – No. 10. – Т. 2. – Pp. 369–378. DOI : 10.17150/1996–7756.2016.10(2). 369–378.

УДК 342.9

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10044

Андреянов Михаил Васильевич

старший научный сотрудник
ВНИИ МВД России (г. Москва),
E-mail: andrean@mail.ru

Andreyanov Mikhail Vasilievich

senior researcher Federal public establishment
"National Research Institute of the Ministry of
Interior of the Russian Federation" (Moscow)
E-mail: andrean@mail.ru

Анисифорова Марьям Владимировна

научный сотрудник
ВНИИ МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук
E-mail: marianisiforova@mail.ru

Anisiforova Maryam Vladimirovna

researcher Federal public establishment
"National Research Institute of the Ministry of
Interior of the Russian Federation"
(Moscow), candidate of law
E-mail: marianisiforova@mail.ru

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ШТРАФА ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Введение: статья посвящена изучению международного опыта исполнения наказаний в виде административных штрафов за совершение правонарушений в области дорожного движения. Выявлены общие для большинства зарубежных государств проблемы реализации данного вида административного наказания.

Материалы и методы: правовой базой исследования послужили информационные материалы УМС МВД России, представленные иностранными государствами. Методологическую основу составляют общенаучные и специальные методы познания, прежде всего, сравнительно-правовой.

Результаты исследования: обобщен опыт отдельных государств, в которых наиболее успешно внедрена практика обеспечения уплаты административного штрафа.

Выводы и заключения: в условиях постоянного роста административной деликтности в сфере дорожного движения обозначены отдельные аспекты совершенствования отечественной правовой регламентации общественных отношений, складывающихся при исполнении административного наказания в виде штрафа за нарушение правил дорожного движения.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание, исполнение административного штрафа, безопасность дорожного движения.

ANALYSIS OF FOREIGN APPOINTMENT PRACTICE ADMINISTRATIVE FINE FOR OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC

Introduction: the article is devoted to the study of international experience in the execution of punishments in the form of administrative fines for committing offenses in the field of traffic. The problems of the implementation of this type of administrative punishment common to most foreign countries are identified.

Materials and methods: the legal basis of the study was the information materials of the UMC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, submitted by foreign states. The methodological basis is constituted by general scientific and special methods of cognition, primarily comparative law.

Research results: the experience of individual states in which the practice of ensuring the payment of an administrative fine has been most successfully implemented is summarized.

Findings and conclusions: in the context of a constant increase in administrative tort in the field of traffic, certain aspects of improving the domestic legal regulation of public relations emerging in the execution of an administrative penalty in the form of a fine for violating traffic rules are identified.

Key words: Code of the Russian Federation on administrative offenses, administrative punishment, execution of an administrative fine, road safety.

Неблагоприятные тенденции увеличения количества совершённых административных правонарушений в области дорожного движения в Российской Федерации, обусловленные, прежде всего, развитием транспортной инфраструктуры и увеличением числа пользователей автотранспортными средствами, продолжают сохраняться. По данным ГИАЦ МВД России в 2009 г. было зафиксировано 58 006 123¹ таких факта, а в 2019 г. уже 143 251 037².

Значительный рост правонарушений в сфере дорожного движения создаёт реальные предпосылки для возникновения опасений о недостаточности имеющихся на сегодняшний день у органов административной юрисдикции правовых и организационных возможностей по проведению всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого административного дела в рамках соответствующего юрисдикционного производства.

¹Сведения за 2009 г. об административной практике органов внутренних дел. Форма 1-АП (577). М.: ГИАЦ МВД РФ, 2010.

²Сведения за 2019 г. об административной практике органов внутренних дел. Форма 1-АП. М.: ГИАЦ МВД России, 2020.

Принимая во внимание повышенную степень общественной опасности и высокую распространённость правонарушений в области дорожного движения, необходим поиск оптимальных путей для решения основных правовых вопросов. В этой связи особого внимания заслуживает проблема эффективной реализации мер государственного принуждения за нарушения правил дорожного движения, при применении которых предполагается соблюдение ключевых принципов законности, справедливости и неотвратимости наступления ответственности для правонарушителя.

Проблематика, обусловленная необходимостью постоянного повышения уровня безопасности на дорогах, рассматривается в качестве приоритетного направления социально-экономической политики не только в нашей стране¹, но и в большинстве зарубежных государств².

Основными правовыми средствами противодействия правонарушениям в области дорожного движения в Российской Федерации являются меры административного наказания, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), поскольку практически все нарушения правил дорожного движения (далее – ПДД) отнесены российским законодателем к административным правонарушениям³.

В большинстве зарубежных стран отсутствует единый законодательный акт об административной ответственности подобный КоАП РФ, который бы включал в себя как нормы, определяющие систему и виды административных наказаний, порядок их назначения, так и порядок производства по делам об административных правонарушениях. Зачастую в зарубежных государствах принимаются отдельные нормативные правовые акты, устанавливающие административную ответственность, а процессуальные нормы включаются в законы об административных процедурах (к примеру, в Испании действует закон «Об общей административной процедуре государственной администрации»).

Правила дорожного движения также устанавливаются отдельными законодательными и иными нормативными правовыми актами, при этом не во всех странах нормативные правовые акты, закрепляющие ПДД, действуют на всей территории государства (например, в США).

В общем виде практика назначения наказания в виде штрафа за правонарушения в области дорожного движения в зарубежных странах основывается на общепринятых правилах, закреплённых в отдельных национальных законах. При этом контроль и надзор за соблюдением обязательных требований в области обеспечения без-

¹ Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 – 2020 годах», утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 3 окт. 2013 г. № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения» // СПС КонсультантПлюс.

² Например, в Австрии действует разработанная Федеральным министерством транспорта, инноваций и технологий (Bundesministerium für Verkehr, Innovation und Technologie) Программа по безопасности дорожного движения на 2011–2020 гг. (Österreichisches Verkehrssicherheitsprogramm 2011-2020).

³ См. главу 12 КоАП РФ. Исключения составляют немногочисленные составы преступлений, квалифицируемыми признаками которых выступают не сами нарушения ПДД, а их последствия // СПС КонсультантПлюс.

опасности дорожного движения осуществляется уполномоченными субъектами административной юрисдикции, в качестве которых выступают органы внутренних дел и отдельные организации, наделенные национальными законодательствами полномочиями по исполнению соответствующих функций. Чаще всего назначение наказания в виде штрафа за нарушение правил дорожного движения относится к компетенции сотрудников органов внутренних дел, уполномоченных выявлять факты нарушений и выносить постановления по делам, относящимся к их компетенции.

Особенности и порядок исчисления штрафов в различных государствах зависит от специфики конкретного совершённого правонарушения, а также сложившихся современных социально-экономических условий и национальных традиций. Как правило, размер штрафной санкции и его пределы определяются в собственной (национальной) валюте. Подобный порядок установлен в различных государствах как с более, так и с менее устойчивой финансовой системой. В отдельных странах, например, в Аргентине и Черногории, штраф установлен в иностранной валюте.

В зарубежной практике также встречаются случаи определения размеров штрафов в условных единицах измерения, которые предполагают систематическое индексирование денежных значений в связи с падением финансовой значимости собственной валюты. Чаще всего речь идет о странах, экономика которых характеризуется процессами повышенной инфляции, в частности, установлены: минимальный размер оплаты труда в Республике Узбекистан (ст. 25 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности¹), минимальная базовая величина в Белоруссии (ст. 6.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях²), месячный расчётный показатель в Республике Казахстан (ст. 44 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях³) и др.

Размер штрафа зависит от ряда условий совершения правонарушения, определённых национальным законодательством. К примеру, в Австрийской Республике размер штрафов за превышение скорости отличается в зависимости от того, каким образом было зафиксировано правонарушение – сотрудником полиции или автоматическим устройством (радаром)⁴. На практике разрешение вопроса о размере наказания в Австрийской Республике остаётся на усмотрение полицейского патрульной службы и конкретных обстоятельств дорожной ситуации. Например, в зоне действия знака «школа» весьма обременительное наказание последует даже за минимальное превышение скорости.

¹Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности, утв. законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2015-ХII. // Ведомости Верховного совета Республики Узбекистан. 1995. № 3.

² Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апр. 2003 г. № 194-З. // Информационные материалы УМС МВД России об опыте Республики Белоруссия.

³ Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях» // Информационные материалы УМС МВД России об опыте Республики Казахстан № 29 от 10.04.2019.

⁴Правила дорожного движения (StraBenverkehrsordnung (StVO)) 1967 года // Информационные материалы УМС МВД России об опыте Австрийской Республики № 13 от 22.04.2019.

Во многих зарубежных странах при организации соответствующей контрольно-надзорной деятельности применяются элементы риск-ориентированного подхода, что позволяет, например, основываясь на имеющихся в распоряжении статических данных, относить отдельные участки дорог к категориям с повышенной аварийностью и осуществлять в связи с этим различные профилактические мероприятия. В качестве последних могут быть реализованы такие, как ограничение максимально разрешенной скорости движения с установкой соответствующих знаков и использованием технических средств контроля, установка предупреждающих стендов (плакатов) и др.

Важнейшими принципами деятельности юрисдикционных органов при осуществлении ими правоприменительной деятельности в области дорожного движения являются законность и индивидуализация наказания.

Закреплённый в национальных законодательствах принцип законности предполагает строгое и неуклонное следование государственных органов и должностных лиц закону в процессе правоприменительной деятельности. Требование соблюдения закона в правоприменительной деятельности означает следование букве и духу закона, который применяется, деятельность правоприменительных органов и должностных лиц исключительно в рамках предоставленных им полномочий, строгое и неуклонное соблюдение установленной процедуры, принятие в результате такой правоприменительной деятельности юридических актов установленной формы [1, с. 57].

Индивидуализация мер административного наказания предполагает установление конкретных критериев, подлежащих обязательному учёту при непосредственном назначении такой санкции. В качестве подобных критериев могут быть рассмотрены характер публичного проступка, личность правонарушителя, его социальное, имущественное положение, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства. Необходимость применения средств индивидуализации при назначении наказаний установлена во многих законодательных актах государств с романо-германской правовой системой.

Надлежащая индивидуализация наказаний рассматривается в качестве эффективного средства с точки зрения достижения стоящих перед институтом административной ответственности целей. Важность объективного учёта при назначении наказаний за совершение административных правонарушений характера и степени общественной опасности данных публичных проступков закреплена в административном кодифицированном законодательстве сопредельных государств (например, в Таджикистане, Узбекистане, Казахстане, а также в Белоруссии). В отдельных случаях зарубежный законодатель предписывает правоприменителю при назначении наказания учитывать характер и размер причинённого вреда (ущерба) (к примеру, в Туркменистане и Швеции).

Любопытно, что обязательное условие об учёте данных личности правонарушителя установлено почти во всех странах романо-германской правовой семьи, однако, какие именно сведения должны учитываться, в законодательстве не конкретизируется. В то же время согласно административному законодательству Китая и Швеции при назначении наказания характеристика личности виновного вовсе не принимается во внимание. Особую роль при назначении обоснованного и справедливого административного наказания имеют обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность за правонарушение.

В общем аспекте принцип индивидуализации наказания предполагает, что у субъекта административной юрисдикции должна присутствовать определённая свобода в выборе размера наказания, в частности, по его смягчению. Отсутствие таких рамок может привести к произволу, нарушению принципов индивидуализации ответственности, справедливости, целесообразности и гуманизма.

Более наглядному рассмотрению принципа индивидуализации способствует его изучение в контексте различных видов санкций, выделяемых в теории права в соответствии с критерием определённости:

- абсолютно определённые – это законодательно установленные, конкретные и точно определённые меры наказания в виде штрафа;

- относительно определённые – это установленные в законодательстве меры наказания, размер и величина которых могут изменяться. Примером может служить ст. 91 закона Китайской Народной Республики «О безопасности дорожного движения», предусматривающая ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Так, управление автомобилем «после употребления спиртных напитков» впервые карается лишением прав на срок шесть месяцев. Кроме того, на правонарушителя налагается штраф в размере от 1 тыс. до 2 тыс юаней¹;

- альтернативные – это меры наказания в виде штрафа или административного ареста, либо иные меры за совершённое правонарушение.

В качестве примера можно привести положение законодательства Королевства Таиланд: управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, если это привело к причинению легкого вреда здоровью другим лицам, влечет за собой наказание от одного до пяти лет тюрьмы или штраф от 20 тыс. до 100 тыс. бат².

Из зарубежной административной практики следует, что в настоящее время в большинстве государств преобладают относительно определённые санкции, устанавливающие высшие и низшие пределы размера штрафа (Германия, Австрия, Швеция), реже установлен только верхний предел (Никарагуа). Индивидуализация размера административного штрафа по статьям с относительноопределённой санкцией не представляет особой сложности.

Абсолютно определённые санкции в настоящее время также распространены в законодательстве зарубежных стран, однако их конструкция затрудняет учёт смягчающих обстоятельств.

Одной из основных причин несоответствия установления и применения административных штрафов характеру и общественной опасности правонарушений является противоречие между общими правилами назначения административных наказаний и абсолютно определёнными санкциями статей национального законодательства. Такая конструкция санкций не даёт возможности правоприменителю учесть все требования общих правил при назначении административного наказания. Он может

¹ Закон КНР «О безопасности дорожного движения» от 1 мая 2004 г. // Информационные материалы УМС МВД России об опыте Китайской Народной Республики. № 095/04-2019 от 04.04.2019.

² Один таиландский бат в переводе на российскую валюту составляет примерно 2 руб. 12 коп.

назначить административный штраф только в том размере, который установлен в санкции применяемой нормы.

При этом, например, в Исламской Республике Афганистан инспекторы дорожного движения МВД наделены большими полномочиями и могут выносить устные предупреждения, проводить разъяснительные беседы с нарушителями, а также делать отметки в карточках нарушения ПДД, которые выдаются к водительскому удостоверению. Однако в соответствии с «Законом о дорожном движении» Исламской Республики Афганистан юридически невозможно снизить или повысить размер штрафа, наложенного на физическое лицо¹.

В Федеративной Республики Германия органы полиции имеют право назначать меньший штраф по сравнению с предусмотренной законодательством санкцией за правонарушения в области дорожного движения. При этом в протокол вносится мотивированное обоснование принятого решения².

Альтернативные санкции встречаются почти во всех странах мира, при этом наблюдается тенденция к сужению их использования в связи с антикоррупционным влиянием на административную политику.

В отдельных государствах осуществляются попытки уменьшения пределов судебного усмотрения, предполагающие сведение к минимуму решение правовых вопросов с учётом субъективного мнения. Считается, что данный процесс не будет влиять на обеспечение принципа индивидуализации при выборе той или иной санкции, а именно, принимаются нормативные правовые акты, подробно регламентирующие порядок учёта всех обстоятельств административного дела, влияющих на назначение наказания.

Данная практика оценивается позитивно, поскольку способствует более прозрачной и эффективной работе правоприменителей. Например, в законодательстве Бельгии и Италии предусмотрены точные правила снижения наказаний, которые поставлены в зависимость от наличия смягчающих ответственность обстоятельств.

В США был сделан серьёзный шаг в этом направлении с принятием в 1984 г. федерального закона о реформе системы наказания, в котором была предусмотрена обязательность использования при назначении наказаний соответствующих рекомендаций, содержащих обширные таблицы по назначению наказаний по видам и размерам с максимальными и минимальными предельными значениями штрафов. В целях обеспечения справедливости и единообразия в назначении административного наказания субъект административной юрисдикции руководствуется конкретными правилами назначения наказаний.

Для повышения эффективности применения административного наказания, в том числе штрафа в зарубежных странах успешно функционирует и развивается на протяжении многих десятилетий балльная система как механизм сдерживания «до-

¹ Закон о дорожном движении Исламской Республики Афганистан, принятый 31 мая 1981 г. // Информационные материалы УМС МВД России об опыте Исламской Республики Афганистан. № 37 от 10.04.2019.

² Кодекс об административных нарушениях ФРГ (Ordnungswidrigkeitengesetz) // Информационные материалы УМС МВД России об опыте Германии. № 112 от 18.04.2019.

рожных рецидивистов» (Германия, США, Перу, Иран, Азербайджан, Кипр, Финляндия и др.)

В соответствии с требованиями Правил дорожного движения КНР¹ на территории страны установлена система штрафных баллов. Ежегодно, начиная со дня выдачи водительского удостоверения, водитель может набрать не более двенадцати штрафных баллов. Если за год вождения водитель получил меньше двенадцати баллов, то они «старают» при условии уплаты штрафов за нарушение правил дорожного движения. В случаях, когда штрафы не были уплачены вовремя, штрафные баллы переносятся на следующий год. Если же водитель получил двенадцать или больше штрафных баллов, полиция изымает у него водительское удостоверение. Для возвращения водительского удостоверения, водителю необходимо пройти повторный курс обучения правилам дорожного движения, сдать экзамен. В случае же «провала» контрольного мероприятия человек продолжает обучение и повторно сдаёт экзамен. При неявке для прохождения обучения или на экзамен водительское удостоверение аннулируется.

В соответствии с законодательством Ирана², если у нарушителя накапливается тридцать отрицательных баллов, он лишается водительской лицензии. По окончании штрафного периода он обязан уплатить штраф в размере 400 тыс. иранских риалов³. За повторное нарушение ПДД он лишается лицензии на шесть месяцев, и сумма штрафа по окончании увеличивается до 600 тыс. риалов. Если после этого он снова допускает нарушения правил дорожного движения, и сумма отрицательных баллов превысит 20, водительская лицензия аннулируется, а право на сдачу экзаменов на новую лицензию наступит только через год.

Балльная система учета правонарушений существовала и в России с 1993 по 2001 г., однако ввиду недостаточной эффективности, обусловленной, в том числе высоким уровнем воздействия коррупционного фактора, от неё отказались.

На сегодняшний день, принимая во внимание современные процессы, направленные на реформирование системы регулирования во всех сферах общественных отношений и принятие нового КоАП РФ, представляется возможным вновь рассмотреть вопрос о введении балльной системы учёта нарушений правил дорожного движения и внести соответствующие изменения в административно-деликтное законодательство. Для исключения коррупционного фактора требуется более четкая регламентация действий должностных лиц, связанных с применением такой системы.

Формирование негативного отношения к нарушителям правил дорожного движения, наращивание общей культуры вождения и реализация некоторых других задач, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, могут быть достигнуты только при комплексном подходе, включающем в себя осуществление мер правового, информационного, организационного и экономического характера с опорой на положительный зарубежный опыт правовой регламентации.

¹ Примечание: ПДД КНР приняты на 5-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва, 28 окт. 2003 г.

² Закон Исламской Республики Иран «О нарушениях вождения 1389» 2011 г.

³ 400 тыс. иранских риалов в переводе на российскую валюту составляют примерно 58 тыс. рублей.

УДК 342.92

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10045

Добров Алексей Николаевич

начальник кафедры административного
права и административной
деятельности ОВД Восточно-Сибирского
института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: dobson@bk.ru

Dobrov Aleksey Nikolaevich

Head of the Department of Administrative
Law and Administrative Activity of
the internal affairs bodies East-Siberian In-
stitute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Science (Law), Associ-
ate Professor
E-mail: dobson@bk.ru

Баранова Светлана Анатольевна

доцент кафедры административного
права и административной
деятельности ОВД Восточно-Сибирского
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

Baranova Svetlana Anatolievna

Associate Profession of the Department of
Administrative Law and Administrative
Activity of the internal affairs bodies East-
Siberian Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Candidate of Science
(Law)
E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

**ИНСТИТУТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ:
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ТЕХНИКА**

Введение: в статье исследуются основные проблемы, связанные с понятием и сущностью административной преюдиции, а также основные приемы конструирования правовых норм, содержащих административную преюдицию.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормы административного и уголовного законодательства, регламентирующие вопросы, связанные с административной преюдицией, а также уголовно-правовые нормы, закрепляющие преюдициальные составы преступлений.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать рекомендации и предложения, направленные на совершенствование института административной преюдиции.

Выводы и заключения: для унификации норм с преюдициальными составами преступлений, а также для единообразного подхода к конструированию указанных норм необходимо законодательно закрепить понятие административной преюдиции в Уголовном кодексе Российской Федерации. При конструировании преюдициальных

составов преступлений необходимо: при использовании в качестве критерия количества совершенных аналогичных деяний четкое обоснование двух-, трехкратной преюдиции, учет реального состояния динамики и роста преступности и иных необходимых факторов; при использовании в качестве критерия периода, в течение которого совершается аналогичное противоправное деяние, придерживаться единообразия и данный период приравнивать к сроку, в течение которого лицо считается подвергнутому административному наказанию.

Ключевые слова: административное правонарушение; административная преюдиция; преступление; неоднократность; преюдициальный состав.

INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE: CONCEPT, ESSENCE, TECHNIQUE

Introduction: the article explores the main problems associated with the concept and essence of administrative prejudice, the basic methods of formation legal norms containing administrative prejudice are researched.

Materials and methods: the normative basis of the researching consists of the norms of administrative and criminal legislation regulating issues related to administrative prejudice, and the criminal law norms that fix the prejudicial corpus delicti.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

The results of the researching made it possible to formulate recommendations and proposals aimed at improving the institution of administrative prejudice.

Findings and conclusions: for the unification of norms with prejudicial elements of crimes, and for a uniform approach to the design of these norms, it is necessary to legislatively fix the concept of administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation. When formulating prejudicial corpus delicti, it is necessary: a clear justification of two- or threefold prejudice, taking into account the real state of the dynamics and growth of crime and other necessary factors when using the number of similar acts committed as a criterion; a similar unlawful act is committed, adhere to uniformity and equate this period to the period during which the person is considered to have been subjected to administrative punishment when used as a criterion for the period.

Key words: administrative offense; administrative prejudice; the crime; repeatability; prejudicial composition.

Институт административной преюдиции в настоящее время является предметом научных дискуссий, поскольку в доктрине отсутствует единый подход как к понятию «административной преюдиции», так и к вопросу единообразного конструирования правовых норм с использованием данного способа законодательной техники.

Ряд сложностей существует и в практической деятельности при реализации конкретных составов преступлений с административной преюдицией.

Среди исследователей нет единства в вопросе определения понятия административной преюдиции. Так, Ч.Ф. Мустафаев понимал под административной преюдицией «придание уголовно-правовой нормой факту законного и обоснованного применения административного взыскания за проступок значения необходимого предварительного условия признания совершенного после этого такого же или аналогичного по объективной стороне деяния преступлением» [9, с. 7–8]. И.О. Грунтов рассматривал административную преюдицию как «закрепленную специальной конструкцией состава преступления преюдициальную связь между несколькими аналогичными административными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой соединенное оценивается как преступление и к виновному применяются меры уголовной ответственности» [3, с. 7].

В.И. Колосова трактует административную преюдицию как «привлечение лица к уголовной ответственности, если оно в течение определенного периода времени, (чаще всего в течение года) после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение» [6, с. 248]. Подобным образом рассматривают административную преюдицию М.В. Зябликова и В.Б. Иващенко, понимая под ней «привлечение лица к уголовной ответственности, если оно в течение определенного времени после совершения административного правонарушения совершит такое же правонарушение» [5, с. 41].

На основе этих определений представляется возможным выделить основные признаки административной преюдиции:

- 1) лицо, совершившее противоправное деяние в первый раз привлекается к административной ответственности;
- 2) неоднократное (повторное) совершение одного или более аналогичных деяний влечет уголовную ответственность;
- 3) неоднократность совершения тождественного противоправного деяния происходит в определенный, установленный законодательно срок.

Анализ приведенных определений и вытекающих из них признаков позволяет сделать вывод о том, что административная преюдиция имеет двойную природу: с одной стороны, выступает в качестве обязательного признака состава преступления, с другой стороны, представляет собой некий своеобразный переход, связь между тождественными противоправными деяниями, влекущую трансформацию юридической ответственности из административной в уголовную, поскольку меры административно-правового воздействия оказались недостаточными и не достигли своих целей. Как справедливо отмечают авторы, если исправление лица после совершения правонарушения не произошло и оно повторно его совершает, то необходимо применять более строгие меры ответственности [7, с. 109; 10, с. 60]. Причем важно подчеркнуть, что данная преюдициальная связь с формальной точки зрения проявляется в связи повторного деяния с процессуальным решением о назначении административного наказания за аналогичное деяние, вступившим в законную силу.

Характеризуя сущность административной преюдиции, необходимо отметить, что по своим юридическим свойствам она может выступать как способ криминализа-

ции или декриминализации деяний. Следовательно существуют следующие преюдициальные составы:

1) криминализирующие деяния, в случаях, когда в УК РФ включаются новые нормы, аналогичные нормам КоАП РФ, что расширяет сферу применения уголовного закона ввиду появления нового состава преступления (ст. 158.1 УК РФ);

2) декриминализирующие деяния, выступающие как способ гуманизации уголовного законодательства; в случаях, когда преюдициальный состав закрепляют в уголовном законе, и преюдиция ограничивает его действие, поскольку после ее введения первым этапом становится привлечение лица к административной ответственности (ст. 157 УК РФ).

В настоящее время в УК РФ включены следующие составы преступлений, содержащие административную преюдицию (ст. ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 212.1, 215.4, 264.1, ч. 1 ст. 282, 284.1, ч. 2 ст. 314.1).

Анализ указанных составов позволяет говорить о том, что они сконструированы с использованием, прежде всего, такого критерия, как количество совершенных противоправных деяний – административных правонарушений, совершенных в течение установленного периода времени. Речь идет об однократной (ст. ст. 116.1, 151.1, 157 УК РФ), двукратной (ст. 284.1 УК РФ) и трехкратной (ст. 212.1 УК РФ) преюдиции, а в одном случае необходим признак сопряженности (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). В научной литературе ряд авторов подвергают критике данное условие для создания преюдициальных норм [2, с. 6], однако данный критерий является достаточно целесообразным, поскольку отражает повышение степени общественной опасности деяния, совершенного лицом, находящимся в состоянии административной наказанности. Следует обратить внимание на то, что в основном используется однократная преюдиция (7 составов из 11), реже двух- и трехкратная (в порядке исключения). При формировании составов преступлений с применением двух- и трехкратной преюдиций необходимо четкое обоснование и аргументация требуемого количества совершенных аналогичных правонарушений с учетом реального состояния динамики и роста преступности, предполагаемых общественно опасных последствий, степени важности охраняемых общественных благ, а также избегая избыточного применения мер уголовно-правового принуждения.

Второй критерий, который используется при создании конструкций составов с преюдицией, – это срок, в течение которого совершается аналогичное противоправное деяние (или несколько), что впоследствии предполагает привлечение к уголовной ответственности. Данный срок, как правило, составляет один год в течение всего периода действия административного наказания, т. е. со дня вступления в законную силу постановления о назначении такого наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления (ст. 4.6 КоАП РФ). Большинство преюдициальных составов преступлений закрепляют именно указанный период в качестве обязательного элемента объективной стороны (ст. ст. 116.1, 151.1, 158.1, 171.4 УК РФ). Вместе с тем, в ст. 212.1 УК РФ предусмотрен иной срок – 180 дней. Как представляется, срок равный одному году соответствует сроку состояния административной наказанности, которая выступает в качестве условия для наступления уголовной ответственности. В то же время установление иных сроков нарушает связь между уголовным и административным правом, переход между совершенными тождественными противоправными деяниями – ад-

министративным правонарушением и преступлением.

Третий критерий связан с субъектом, к которому применяется конкретный преюдициальный состав. Анализ преюдициальных составов, содержащихся в УК РФ, показывает отсутствие единообразия в субъекте преступления с преюдицией. Большинство исследователей справедливо указывают на необходимость совершенствования законодательной регламентации формулировки субъекта преступления с административной преюдицией [1, с. 85; 4, с. 153; 2, с. 8; 8, с. 132].

Так, в ряде составов содержится указание на субъекта как на «лицо, подвергнутое административному наказанию» (ст. ст. 116.1, 151.1, 171.4, 215.4 УК РФ). В остальных составах видим формулировку «лицо, ранее привлеченное к административной ответственности» (ст. ст. 212.1, 284.1, 314.1 УК РФ). Первая формулировка не вызывает трудностей при ее толковании и практическом применении, поскольку начало и окончание срока административной наказанности законодательно определены. Вторая формулировка более сложна в интерпретации, поскольку как начало, так и окончание срока возникновения и завершения отношений юридической ответственности нормативно не закреплены, и в науке существует несколько различных позиций. Ряд ученых связывают начало возникновения момента юридической ответственности с совершением противоправного деяния, другие – с вынесением соответствующего акта правоприменения, третьи – с реализацией мер принуждения. Как известно, для возникновения правоотношения необходим юридический факт (действие или событие). В отношениях, связанных с возникновением административной ответственности, таким юридическим фактом выступает административное правонарушение (ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ) и согласно ст. 4.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности с момента совершения административного правонарушения до истечения сроков давности привлечения к административной ответственности. С учетом указанных выше рассуждений понятие «лицо, подвергнутое административному наказанию» представляется более рациональным для описания субъекта преюдициального состава преступления. В связи с этим необходимо единообразие в описательной характеристике субъекта, в отношении которого применяется преюдициальный состав для исключения возможных споров об исчислении сроков.

Подводя итог рассмотрению вопроса об институте административной преюдиции, в частности, ее понятии, сущности и характерных особенностях конструирования преюдициальных норм, можно сформулировать следующие выводы.

1. Анализ различных определений, а также положений действующего административного и уголовного законодательства позволяет выделить ряд характерных черт административной преюдиции, на основе которых можно сформулировать понятие изучаемого института. Для унификации норм с преюдициальными составами преступлений, а также для единообразного подхода к конструированию указанных норм необходимо легальное определение понятия административной преюдиции. В связи с этим следует дополнить УК РФ ст. 14.1 «Административная преюдиция» следующего содержания: *«Лицо, неоднократно совершившее аналогичное административное правонарушение, в период, предусмотренный ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подлежит уголовной ответственности в случаях, установленных настоящим кодексом».*

2. Изучение составов преступлений с административной преюдицией позволяет

говорить о некоторых особенностях их конструирования. Одним из критериев, лежащих в основе создания норм с преюдицией, является количество совершенных аналогичных противоправных деяний, который представляется достаточно рациональным. Однако при формулировании составов с многократной преюдицией следует обратить внимание на четкое обоснование многократности, учет реального состояния динамики и роста преступности, а также понимание необходимости не чрезмерного применения мер уголовно-правового принуждения.

Еще одним критерием для конструирования составов преступлений с административной преюдицией является период, в течение которого совершается аналогичное противоправное деяние (или несколько деяний). Срок равный одному году, применяемый для создания большинства преюдициальных составов, соответствует сроку состояния административной наказанности, которая выступает в качестве обязательного условия для наступления уголовной ответственности. В связи с этим необходимо привести к единообразию те составы преступлений с преюдицией, в которых период совершения аналогичного деяния иной, отличный от одного года.

Следующий критерий для формирования преюдициальных составов преступлений заключается в особой характеристике субъекта, к которому применяется конкретный состав, и который, по общему правилу, впоследствии должен быть привлечен к уголовной ответственности. Однако и в данном случае анализ составов преступлений с преюдицией позволяет говорить об отсутствии одинакового подхода. Речь идет о субъекте преступления – лице, подвергнутом административному наказанию или лице, ранее привлеченном к административной ответственности. Вместе с тем для избежания споров об исчислении сроков необходимо единообразие и в выборе субъекта, к которому применяются уголовно-правовые нормы с административной преюдицией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богданов А.В. Законодательная регламентация административной преюдиции в уголовном законе России: проблемы и пути их решения // Академическая мысль. – 2019. – № 1. – С. 82–85.
2. Вишнякова Н.В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 1. – С. 5–12.
3. Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1985. – 22 с.
4. Ермакова О.В. Особенности конструкций составов с административной преюдицией // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (36). – С. 153–154.
5. Зябликова М.В., Иващенко В.Б. Применение административной преюдиции и сопряженности при несоблюдении административных ограничений, установленных в рамках административного надзора // Законность. – 2017. – № 2. – С. 41–45.
6. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 246–254.

7. Кулаков Н.А., Савельева М.В., Антонов В.А. Административная преюдиция за повторное совершение мелкого хищения // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 4 (83). – С. 106–110.

8. Матвеева П.Л. Административная преюдиция в уголовном праве как один из факторов увеличения роли административной ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2019. – № 2 (23). – С. 130–134.

9. Мустафаев Ч.Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1986. – 25 с.

10. Репьев А.Г., Васильков К.А. Административная преюдиция: теория, практика, техника // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 3 (27). – С. 58–62.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bogdanov A.V. Normative regulation of administrative prejudices in the criminal law of Russia: problems and their solutions // Academic thought. – 2019. – No. 1. – P. 82–85.

2. Vishnyakova N.V. Administrative prejudice offences: legislative and law enforcement issues // Vestnik of the Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2019. – No. 1. – P. 5–12.

3. Gruntov I.O. Criminal law with administrative prejudice: the abstract of the PhD thesis of jurisprudence. – Minsk, 1985. – 22 p.

4. Ermakova O.V. Formation features compositions with administrative prejudice // Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2019. – No. 1 (36). – P. 153–154.

5. Zyablikova M.V., Ivashchenko V.B. Application of administrative prejudice and contingency in case of omission to observe administrative restrictions set within the framework of administrative supervision // The Zakonnost Journal. – 2017. – No. 2. – P. 41–45.

6. Kolosova V.I. Administrative precedent as a means of crime prevention and improvement of criminal law // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. – 2011. – No. 5 (1). – P. 246–254.

7. Kulakov N.A., Savelyeva M.V., Antonov V.A. Administrative prejudice for repeated commission of petty theft. Vestnik of the Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2017. – No. 4 (83). – P. 106–110.

8. Matveeva P.L. Administrative prejudice in criminal law as one of the factors of increasing the role of administrative responsibility // Vestnik of Samara Academy for the Humanities. Law. – 2019. – No. 2 (23). – P. 130–134.

9. Mustafaev Ch.F. Administrative prejudice in Soviet criminal law // the abstract of the PhD thesis of jurisprudence. – Moscow, 1986. – 25 p.

10. Repev A.G., Vasilkov K.A. Administrative collateral estoppel: theory, practice, legal writing // Altai Law Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2019. – №. 3 (27). – P. 58–62.

Майоров Владимир Иванович
профессор кафедры административной
деятельности органов внутренних дел
Тюменского института повышения
квалификации сотрудников
МВД России доктор юридических наук,
профессор
E-mail: 1955715@rambler.ru

Mayorov Vladimir Ivanovich
professor of the department of administra-
tive activities of the internal affairs bodies.
Tyumen Institute for Advanced Studies of
the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor
E-mail: 1955715@rambler.ru

Новичкова Елена Евгеньевна
доцент кафедры административного
права и административной деятельности
органов внутренних дел Восточно-
Сибирского института МВД России
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru

Novichkova Elena Evgenievna
associate professor of the Department of
Administrative Law and Administrative
Activity of Internal Affairs Bodies of the
East Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СВЕТЕ НОВОГО КОДЕКСА РФ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Введение: об ответственности юридических лиц, существующей в административно-деликтном законодательстве уже на протяжении почти двух десятков лет, казалось бы, сказано достаточно и в полной мере. Однако актуальность темы не исчерпала своих границ, особенно в предверии принятия нового кодифицированного закона об административных правонарушениях.

Обсуждение нового Кодекса РФ об административных правонарушениях учеными–административистами ведется достаточно активно, в результате выявляется все больше недоработок закона. Несовершенство проекта Кодекса РФ об административных правонарушениях очевидно, данный факт отражается во многих научных работах по различным вопросам, касающимся как материальной так и процессуальных частей закона.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляет административно-деликтное законодательство, опираясь на анализ действующего Кодекса РФ об административных правонарушениях, авторы проводят сравнение с проектом нового кодифицированного документа. При исследовании использованы труды авторитетных ученых в области административного права. Методологической основой является сравнительный анализ отдельных актов государственного управления, методы обобщения, описания.

Результаты исследования: проведен анализ работ авторов, изучавших вопросы административной ответственности юридического лица, обоснована необходимость пересмотра допустимости привлечения к административной ответственности коллективного субъекта.

Выводы и заключения: в заключении авторы приходят к выводу о недостаточно сформулированной концепции нового Кодекса РФ об административных правонарушениях в части ответственности юридического лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, административная ответственность, вина юридического лица, административное наказание.

LIABILITY OF A LEGAL ENTITY IN THE LIGHT OF THE NEW CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Introduction: The responsibility of legal entities existing in the administrative–tort legislation for almost two decades, it would seem, has already been said enough and fully. However, the relevance of the topic has not exhausted its borders, especially in anticipation of the adoption of a new codified law on administrative offenses.

Discussion of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses by administrative scientists is quite active, as a result, more and more flaws in the new law are revealed. The imperfection of the draft new Code of the Russian Federation on administrative offenses is obvious, this fact is reflected in many scientific papers on various issues relating to both the substantive and procedural parts of the law.

Materials and methods: the administrative–tort legislation is the normative basis of the study, based on the analysis of the current Code of the Russian Federation on administrative offenses, the authors compare with the draft of a new codified document. The study is based on the works of authoritative scientists in the field of administrative law. The methodological basis is a comparative analysis of individual acts of government, generalization methods, descriptions.

Results of the study: an analysis of the work of authors who studied the issues of administrative responsibility of a legal entity is carried out, the necessity of revising the admissibility of bringing a collective subject to administrative responsibility is substantiated.

Findings and conclusions: in conclusion, the authors conclude that the concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses is not formulated enough regarding the liability of a legal entity.

Keywords: legal entity, administrative liability, guilt of a legal entity, administrative punishment.

Административно-деликтное законодательство включает в себя значительное количество проблемных вопросов, достаточно часто обсуждаемых в научных кругах, а также в практической сфере его применения. Одним из часто обсуждаемых вопросов в административном праве является привлечение к административной ответ-

ственности юридического лица. На данный процессуальный феномен впервые обратил внимание заслуженный деятель науки Российской Федерации доктор юридических наук, профессор В.Д. Сорокин, посвятив рассматриваемому вопросу не одну научную работу [1–3]. Сорокин выступил с резко отрицательной позицией в отношении административной ответственности юридических лиц, с чем невозможно не согласиться, поскольку данная «разрушительная тенденция, посягающая на качественную характеристику института административной ответственности» подрывает основы юридической ответственности в целом [3, с. 46].

До принятия действующего в настоящее время КоАП РФ административная ответственность юридических лиц не была закреплена, но в 90-е гг. «институт административной ответственности юридических лиц получил новый мощный импульс в связи с переходом страны на новые методы управления» [4, с. 45]. Следствием перерождения всей системы государственного управления явилось закрепление административной ответственности юридических лиц в некоторых законодательных актах указанного периода. Однако поскольку действовавшим тогда Кодексом вопросы административной ответственности юридических лиц не регламентировались, то применение к ним мер административной ответственности не имело массового характера. И только после принятия и вступления в силу КоАП РФ институт административной ответственности юридических лиц получил полноценное развитие.

«Проблема ответственности юридических лиц, прежде всего хозяйствующих субъектов различной формы собственности, возникла под влиянием потребностей самой жизни, нарождающихся экономических условий, вызванных возвращением в стране частной собственности», отмечал В.Д. Сорокин, нашедший объяснение возникновению такого явления, как административная ответственность юридических лиц, во-первых, в достаточно длительной процедуре реализации гражданско-правовой ответственности хозяйствующих субъектов, во-вторых, в невозможности привлечения последних к уголовной ответственности. В период бурного развития частной собственности, недостаточно сформированной системы государственного контроля и допущения коллективными субъектами значительного количества противоправных деяний введение административной ответственности юридического лица, полагаем, оказалась законодателю наиболее эффективной.

Однако, очевидно, противоестественна сама суть привлечения к ответственности юридического лица, которым является организация любой формы собственности. Практика привлечения коллективного субъекта всегда «скатывается» до ответственности должностного лица [1, с. 28]. Кодексом РФ об административных правонарушениях¹ (ч. 3 ст. 2.1) предусмотрено привлечение должностного лица за то же правонарушение, за которое привлекается юридическое лицо, и наоборот, привлечение к административной ответственности юридического лица не исключает привлечение за данное правонарушение должностного лица. Разъяснения по вопросам применения данной нормы, аналогичной по смыслу указанной статье КоАП РФ, представлены в

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1. Ст. 1.

п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 5 от 24.03.2005¹. Факт привлечения к ответственности за одно и то же правонарушение сразу двух субъектов также неоднократно обсуждался в научных работах, где авторы негативно высказывались в сторону сложившейся практики [5, с. 223]. Исходя из положений КоАП РФ, касающихся данного вопроса, можно считать, что к административной ответственности за одно правонарушение субъект привлекается дважды, поскольку должностные лица конкретной организации составляют ее внутреннюю структуру, выполняют определенные функции и, соответственно, отвечают за отдельные направления работы. Логично было бы предположить перераспределение ответственности внутри коллектива относительно выполняемых задач. Привлечение к административной ответственности юридического лица могло бы повлечь привлечение к дисциплинарной ответственности должностное лицо, допустившее нарушение, за которое последовало административное наказание юридического лица, однако законодатель пошел иным путем, результаты которого изложенные в виде норм КоАП РФ, направлены прежде всего на увеличение поступлений в бюджет, а не на достижение цели административно-процессуального законодательства.

Еще одним фактором, на который стоит обратить внимание, является существенная разница между размером штрафов в отношении юридических лиц по сравнению с иными субъектами ответственности. Практика привлечения к административной ответственности показала, что размер административных наказаний в отношении юридических лиц не всегда сопоставим со степенью общественной опасности, следовательно, противоправные действия организации не приводят к опасным последствиям. Сравнение санкций в виде сумм штрафов, предусмотренных КоАП РФ для должностных и юридических лиц, отражает значительную разницу, выражающуюся в многократном размере для одних по отношению к другим субъектам. Отдельные организации по своим объемам доходов ничем не отличаются от доходов среднего статистического индивидуального предпринимателя. Справедливо заметить, что в течение длительного периода в Кодекс вносились изменения, по мнению законодателя, способные улучшить положение отдельных коллективных субъектов в части размера административного штрафа, так, ст. ст. 3.2, 3.3, 3.4 КоАП РФ разрешено при определении суммы штрафа применять размер наказания менее минимального предела, предусмотренного санкцией статьи, однако это не решает общей проблемы, возникающей при исполнении постановления.

«Установление государством административных наказаний за совершение таких правонарушений призвано обеспечить соблюдение в деятельности юридических лиц необходимых норм и правил вопреки их экономическим интересам. Естественно, значительны административные наказания, применяемые к юридическим лицам в частности размеры административного штрафа, которые к тому же постоянно увеличиваются» [6, с. 140–141].

¹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2005 № 5 // Бюл. Верховного суда Российской Федерации. 2005. № 6.

Исходя из правоприменительной практики одного из авторов статьи, в качестве примера можно привести многочисленные факты привлечения юридических лиц за «иные нарушения правил продажи алкогольной продукции», к числу которых относилась реализация алкогольной продукции с «неплотно приклеенной акцизной маркой». Данные требования содержались в соответствующем разделе правил продажи отдельных видов товаров, утвержденных Постановлением Правительства № 55¹. Справедливо полагать, что при транспортировке и хранении акцизная марка, выполненная на бумажной основе, могла отойти от стеклянной бутылки и плотность прилегания, соответственно, нарушена. В соответствии с законом РФ «О защите прав потребителя»² за качество продукции отвечает непосредственно продавец, следовательно, действие, выражающееся в продаже алкогольной продукции с акцизной маркой, не плотно прилегающей к горлышку бутылки, соответствовало составу административного правонарушения, ответственность за которое предусматривала действующая до 2013 г. ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ (иные нарушения правил продажи алкогольной продукции), санкции за это для юридических лиц предусматривались в виде штрафа от 50 до 100 тыс. рублей с конфискацией или без таковой. Конечно, ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ за последние годы претерпела ряд изменений и о подобном факте можно теперь только вспоминать, однако подобная практика существует и по отношению к иным правонарушениям, где субъектом ответственности является юридическое лицо [7].

Вопрос об административной ответственности юридических лиц в науке административного права является одним из наиболее обсуждаемых. Основной акцент в обсуждении вопроса привлечения к ответственности юридических лиц делается на такой юридической категории, как вина юридического лица. Именно определение данного признака субъективной стороны вдребезги разбивает все теоретические принципы определения вины.

На чем же основывается критика норм административного законодательства, определяющих вину юридического лица? Анализируя мнения ученых, в разное время высказывающих критические замечания по данному вопросу, можно отметить, что все они обращают внимание на невозможность самого установления характера вины юридического лица. Так, В.Д. Сорокин, резко отрицательно воспринимая нормативное определение вины юридического лица, утверждает, «начиная рассуждения о вине коллективного субъекта – юридического лица, авторы непременно “скатываются” на должностных лиц, вплоть до одного должностного лица, а для подмены субъектов правоотношений нет никаких оснований» [1, с. 28].

¹ Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации: постановление Правительства РФ от 19 янв. 1998 г. № 55 // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 482.

² О защите прав потребителя: закон РФ от 07 февр. 1992 г. № 2300-1 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

Нет смысла еще раз обсуждать тот факт, что вина в праве имеет психологическую основу, а значит отражает внутреннее психическое отношение субъекта к противоправному действию (бездействию), а также его последствиям.

«Несмотря на то, что норма ст. 2.2 КоАП РФ устанавливает формы вины исходя из “психологической” концепции, применить на практике данные положения не всегда удастся. Речь идет о вопросе вины юридического лица как субъекта административного правонарушения. Именно введение института административной ответственности юридического лица стало той краеугольной проблемой, нарушившей целостность научных представлений о единой психологической теории вины в административном праве» [3, с. 51], а также заметной тенденцией явного проникновения частноправовых начал в, казалось бы, «незыблемую сферу» публичных отношений. Проблема уяснения сущности вины (невиновности) юридического лица в административном праве является весьма дискуссионной [8, с. 150].

Некоторые авторы усматривают в процедуре привлечения к административной ответственности юридического лица объективное вменение [9, с. 52], однако данное утверждение спорно. Кодекс хоть и представляет понятие вины достаточно естественно, но от доказательства ее не отказывается. И все-таки неоспоримый факт объективного вменения усматривается в нормах КоАП РФ (п. 3–6 ст. 2.10), которые предусматривают привлечение к ответственности юридическое лицо, которое административного правонарушения не совершало, однако является преемником иного коллективного субъекта в связи с реорганизацией (слияние, присоединение, выделение и пр.).

Рассмотрев основные положения действующего Кодекса РФ об административных правонарушениях, изучив мнения ученых по данному вопросу, обратимся к проекту Кодекса РФ об административных правонарушениях. Учитывая отмеченное выше, можно было бы полагать, что законодатель примет во внимание все недостатки действующего закона об административных правонарушениях и новый акт будет соответствовать незыблемым основам теории права. Возвращаясь к определению вины юридического лица, необходимо предположить, что проект нового закона предусматривает четкое, соответствующее всем основам теории права нормативное закрепление вины юридического лица. Часть 11 ст. 2.10 гласит: «Юридическое лицо подлежит ответственности, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению...»¹. Следовательно, определение вины юридического лица не претерпело никаких изменений по сравнению с действующим КоАП РФ.

Положительным фактором считаем новый взгляд законодателя на привлечение к административной ответственности наряду с юридическим лицом его должностного лица. В этой же статье Проекта ч. 13 предусматривает запрет на привлечение к адми-

¹ Проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 30.01.2020). URL: <https://base.garant.ru>

нистративной ответственности за одно и то же правонарушение сразу двух субъектов ответственности, но и здесь мы находим «подводные камни» в виде исключений, «когда санкцией статьи (части статьи) раздела II настоящего Кодекса либо закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, предусмотрены различные виды административных наказаний для юридического лица и его должностного лица...».

Невозможно обойти вниманием еще один существенный момент проекта нового закона, авторы которого, предусматривая административную ответственность юридического лица в общем его понимании, выводят из-под действия КоАП РФ некоторые органы, наделенные статусом юридического лица (государственной власти, местного самоуправления, управления государственных внебюджетных фондов, Центральный банк РФ, казенные учреждения), что опять же ставит под сомнение единую природу правового регулирования (ч. 2 ст. 2.10 проекта).

Проект КоАП РФ как и действующий Кодекс предусматривает привлечение к ответственности юридическое лицо, которое административное правонарушение не совершало, но является преемником иного коллективного субъекта, о чем было отмечено выше, следовательно, и в данном положении изменений не намечается.

В дополнение к сказанному хотелось бы обратить внимание на усилия законодательных органов предусмотреть по отношению к юридическим лицам не только административную, но и уголовную ответственность. Данная идея получила закрепление в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. С учетом тех проблем, с которыми приходится сталкиваться при привлечении коллективных субъектов к административной ответственности и, как было замечено, с неспособностью законодателя устранить все имеющиеся в законе недостатки сложно даже представить, с какими трудностями столкнутся правоприменители, а также непосредственно коллективные субъекты ответственности в случае, если данная идея найдет отражение в законодательстве страны. Остается уповать на тех исследователей, которые не принимают концепции уголовной ответственности юридических лиц и выдвигают против нее целый ряд обоснованных аргументов. В.Д. Сорокина: «Нельзя так бездумно обращаться с правовыми категориями, ибо в противном случае те или иные правовые акты и решения воспринимаются не иначе как со значительной долей иронии, если не сказать более». [3, с. 52].

В заключение отметим, что положения проекта нового КоАП РФ в части привлечения к ответственности юридических лиц недостаточно сформулированы. Мы согласимся с мнением В.Д. Сорокина, который утверждал, что для юридического лица необходимо предусмотреть финансовую ответственность, однако наряду с ней необходимо также предусмотреть административную уголовную и дисциплинарную ответственности должностных лиц, непосредственно виновных в совершении противоправного деяния [3, с. 54.]

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сорокин В.Д. К вопросу об административной ответственности юридических лиц // Юридическая мысль: научно-практический журнал. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та. – 2005. – № 5 (30). – С. 22–38.
2. Сорокин В.Д. Парадоксы Кодекса РФ об административных правонарушениях // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 3 (254). – С. 4–28. <https://cyberleninka.ru>
3. Сорокин В.Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 4654. URL: <https://cyberleninka.ru>
4. Бондарь Е.О., Фадеева И.В. Проблемы привлечения юридического лица к административной ответственности: пробелы в теории и противоречия в законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 44–50. URL: <https://cyberleninka.ru>
5. Солдатов А.П. К вопросу об административной ответственности юридических лиц // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С. 220–224. URL: <https://cyberleninka.ru>
6. Россинский Б.В. Вновь о вине юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 139–143. URL: <https://cyberleninka.ru>
7. Новичкова Е.Е. Вопросы противодействия незаконному обороту алкогольной продукции // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2016. – № 1 (76). – С. 52–59. URL: <https://cyberleninka.ru>
8. Хужин А.М. Вина и невиновное поведение юридического лица в публичном праве // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 10. – С. 149–153. URL: <https://cyberleninka.ru>
9. Телегин А.С. Административная ответственность юридических лиц: некоторые проблемы применения // Вестник Прикамского социального института. – 2018. – С. 50–53. URL: <https://cyberleninka.ru>

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Sorokin V.D. To the question of administrative responsibility of legal entities // Legal Thought. Scientific and practical journal. – SPb.: Publishing House St. Petersburg. legal Inst. – 2005. – No. 5 (30). – S. 22–38.
2. Sorokin V.D. Paradoxes of the Code of the Russian Federation on administrative offenses // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2004. – No. 3 (254). – S. 4–28. <https://cyberleninka.ru>
3. Sorokin V.D. About two trends that destroy the integrity of the institution of administrative responsibility // Jurisprudence. – 1999. – No. 1. – S. 46–54. <https://cyberleninka.ru>
4. Bondar E.O., Fadeeva I.V. Problems of bringing a legal entity to administrative responsibility: gaps in theory and contradictions in legislation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2015. – No. 6. – P. 44–50. <https://cyberleninka.ru>

5. Soldatov A.P. To the question of administrative responsibility of legal entities // Society and Law. – 2012. – No. 5 (42). – S. 220–224. <https://cyberleninka.ru>.

6. Rossinsky B.V. Again about the fault of a legal entity // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 6. – P. 139–143. <https://cyberleninka.ru>.

7. Novichkova E.E. Issues of counteracting illicit trafficking in alcohol products. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 1 (76). – S. 52–59. <https://cyberleninka.ru>.

8. Khuzhin A.M. The guilt and innocent conduct of a legal entity in public law. // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – No. 10. – P. 149–153. <https://cyberleninka.ru>.

9. Telegin A.S. Administrative liability of legal entities: some problems of application. // Bulletin of the Prikamsky social institute. – 2018. – No. 2 (80). – S. 50–53. <https://cyberleninka.ru>.

УДК 342.9

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10047

Такмакова Юлия Вячеславовна
адъюнкт кафедры административного
права и административной деятель-
ности ОВД Орловского юридического
института МВД России им. В.В. Лу-
кьянова
super.lida1956@yandex.ru>

Takmakova Yulia Vyacheslavovna
adjunct of the Department of administrative
law and administrative activities of the Depart-
ment of internal Affairs Oryol law Institute of
the Ministry of internal Affairs of Russia named
after V. V. Lukyanov

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ВИДЕОФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Введение: в статье рассмотрена проблема применения средств автоматической фотовидеофиксации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в качестве инструмента предупреждения административных правонарушений, связанных с нарушением установленных требований Правил дорожного движения и привлечения виновных лиц к юридической ответственности. Проанализированы процессуальные особенности привлечения к административной ответственности, выявлены основные проблемные аспекты организационно-правового характера, обусловленные данной деятельностью организационно-правового характера.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют нормативно-правовые акты, регламентирующие правила дорожного движения и порядок использования технических средств видеофиксации их нарушений. Эмпирическая база исследования состоит из материалов официальной статистики, иллюстрирующих порядок применения средств видеофиксации нарушения правил дорожного движения. Применялись также общие специальные методы научного исследования, такие как анализ, синтез, индукция и дедукция, методы статического наблюдения и формально-юридический.

Результаты исследования: состоят в характеристике особенностей применения средств видеофиксации в целях привлечения к административной ответственности за совершение административных правонарушений, связанных с нарушением правил дорожного движения, выявлении особенностей данного процесса и возникающих в связи с его осуществлением проблемных аспектов.

Выводы и заключения: применение средств автоматической фото- и видеофиксации правонарушений в сфере дорожного движения является оправданным и соответствует современным общественным реалиям, однако необходимо дальнейшее совершенствование организационно-правовых аспектов их использования.

Ключевые слова: технические средства видеофиксации, правила дорожного движения, административно-правовое регулирование, административная ответственность.

SEVERAL PROBLEMS WITH THE USE OF VIDEO RECORDING OF TRAFFIC VIOLATIONS

Introduction: the article deals with the problem of using automatic photo and video recording in the field of road safety as a tool for preventing administrative offenses related to violation of the established requirements of traffic Rules and bringing the perpetrators to legal responsibility. The article analyzes the procedural features of bringing to administrative responsibility, identifies the main problematic aspects of the organizational and legal nature caused by this activity of an organizational and legal nature.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by normative legal acts regulating traffic rules and the procedure for using technical means of video recording of their violations. The empirical base of the study consists of official statistics that illustrate the procedure for using video recording of traffic violations. General and special methods of scientific research, such as analysis, synthesis, induction and deduction, as well as static observation and formal legal methods, were used in the preparation of the study,

The results of the study: consist in the characteristics of the use of video recording tools in order to bring to administrative responsibility for committing administrative offenses related to violation of traffic rules, identifying the features of this process and the problematic aspects that arise in connection with its implementation.

Findings and conclusions: the use of automatic photo and video recording of traffic offenses is justified and corresponds to modern social realities, however, it is necessary to further improve the organizational and legal aspects of their use.

Key words: technical means of video recording, traffic rules, administrative and legal regulation, administrative responsibility

Современные условия развития общества требуют постоянного совершенствования средств и методов предупреждения правонарушений, позволяющих также оперативно привлекать нарушителей к ответственности. Ключевым направлением решения данной задачи в настоящее время является использование различных средств видео- и фотофиксации окружающей обстановки. Особенную актуальность эти средства приобретают в контексте осуществления контроля за безопасностью дорожного движения, исключения правонарушений в этой сфере. Данное обстоятельство обусловлено в первую очередь значительным увеличением количества транспортных средств — участников дорожного движения, что повышает необходимость обеспечения их личной безопасности.

Необходимо отметить, что в настоящее время организация дорожного движения воспринимается в качестве важной государственной задачи. Организация дорожного движения, несомненно, представляет собой специфическое направление государственной политики, что естественным образом определяет особенности нормативно-правового регулирования данной сферы. При этом можно констатировать несколько парадоксальную ситуацию.

С одной стороны, к настоящему времени издано достаточно большое количество нормативного материала, регламентирующего данную сферу общественных отношений, с другой стороны, в его структуре наблюдается определенный дисбаланс – среди нормативного материала количественно преобладают подзаконные акты при сравнительно небольшом количестве актов федерального законодательства, которые к настоящему времени в достаточной степени морально устарели.

Следует согласиться с мнением о том, что основу административно-правового регулирования в области дорожного движения составляют в настоящее время регулятивные нормы, содержащиеся в федеральном законе «О безопасности дорожного движения» [1]. При этом основополагающее значение имеет регламентированное в ст. 24 закона право участников дорожного движения свободно и беспрепятственно передвигаться по дорогам. Это означает, что в основу правового регулирования в области дорожного движения положено общее дозволение участникам дорожного движения на использование имеющихся у них возможностей по минимизации времени передвижения. Но одновременно определено, что передвижение должно осуществляться в соответствии и на основании установленных правил. Нормы правил ограничивают возможность проявления свободы передвижения либо путем позитивного обязывания совершать определенные действия, либо путем запрета на их совершение [7, с. 23]. В данном контексте нормативный акт определяет легальное содержание организации дорожного движения в качестве «комплекса организационно-правовых, организационно-технических мероприятий и распорядительных действий по управлению движением по дорогам.

Таким образом, существование нормативно-правового регулирования организации дорожного движения обусловлено необходимостью реализации одного из ключевых гражданских правомочий, имеющих конституционно-правовую природу, связанного с правом на свободное и безопасное передвижение.

Вместе с тем необходимо отметить, что в отечественной правовой системе длительный период времени существовал своеобразный «правовой вакуум», обусловленный отсутствием специального нормативно-правового акта, принятого на федеральном уровне, устанавливающего основы и принципы организации дорожного движения. Данное обстоятельство серьезным образом затрудняло применение технических средств видеофиксации правонарушений, совершаемых в ходе осуществления дорожного движения.

Вплоть до 2017 г. такой основой являлся подзаконный нормативно-правовой акт, принятый на уровне Правительства РФ «О правилах дорожного движения» [3]. Однако, очевидно, что предмет его регулирования не охватывает все аспекты такого сложного понятия, как «организация дорожного движения».

В результате в рамках отечественной правовой системы длительный период времени существовала ситуация неадекватности и устаревания подзаконных нормативных актов, регулирующих организацию дорожного движения. При этом разработка правовых актов в данной сфере во многом осуществлялась не систематизировано, и не координировалась на основе единых принципов.

Указанная правовая коллизия была отчасти разрешена лишь в 2017 г., что было обусловлено принятием федерального закона «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], который следует воспринимать в сравнении с федеральным законом «О безопасности дорожного движения», определяющим, как было указано выше, статическую фундаментальную основу организации дорожного движения в качестве ее «динамической основы».

Такая характеристика данного федерального закона определяется в первую очередь широтой предмета его правового регулирования, который включает в свой состав все существенные аспекты, связанные с регламентацией организации дорожного движения в качестве специфического направления государственной политики. В частности, его нормы определяют необходимые основания для осуществления административно-правового воздействия в данной сфере, а именно:

- основные принципы организации дорожного движения;
- основные понятия, используемые в данной сфере;
- параметры компетенции властных субъектов различного уровня;
- характеристики документальной и организационной инфраструктуры организации дорожного движения;
- особенности и содержание осуществления государственного контроля в сфере организации дорожного движения.

Несмотря на наличие вышеобозначенных проблем в правовой регламентации организации дорожного движения в Российской Федерации, руководствуясь позитивным зарубежным опытом, еще в 2012 г. на правительственном уровне было принято решение использовать средства видео- и фотофиксации для предупреждения опасного поведения участников дорожного движения и принуждения к соблюдению ими требований Правил дорожного движения [4].

В процессе его реализации в рамках действия специальной правительственной программы для подразделений Госавтоинспекции было закуплено 6203 комплекса фото- и видеофиксации нарушений ПДД, работающих в автоматическом режиме. Изменения произошли и в действующем законодательстве об административных правонарушениях, в связи с чем был регламентирован особый порядок привлечения к административной ответственности на основании соответствующих данных автоматической фотовидеофиксации [8, с. 168–169].

Эффективность использования данных средств при обеспечении безопасности дорожного движения обусловлена в первую очередь их функциональным ресурсом – современные камеры автоматической фиксации позволяют фиксировать все наиболее существенные нарушения требований Правил дорожного движения: превышение до-

пустимой скорости движения, выезд на встречную и выделенную полосы движения, непристегнутый ремень безопасности, пересечение стоплинии.

Анализ практического опыта применения технических средств видеофиксации для обеспечения безопасности дорожного движения позволяет рассматривать их в качестве одного из наиболее эффективных факторов, обеспечивающих минимизацию совершения правонарушений в сфере дорожного движения. В частности, они позволяют обеспечивать круглосуточный контроль транспортных потоков на автомобильных дорогах и пересечениях любой степени сложности, осуществлять с достаточной степенью достоверности одновременную фиксацию нескольких правонарушений, которая сопровождается непрерывной видеозаписью и распознаванием регистрационных номеров транспортных средств. Такие функциональные возможности позволяют в десятки раз повысить эффективность надзора за соблюдением правил дорожного движения, а также существенным образом уменьшить число совершаемых правонарушений.

Таким образом, применение технических средств видеофиксации позволяет существенным образом снизить латентность правонарушений, совершаемых в сфере дорожного движения.

Рассматривая позитивный контекст применения технических средств видеофиксации правонарушений в области дорожного движения, необходимо также учитывать дифференциацию функционального назначения применяемых технических средств, т.е. их ориентирование на фиксацию наиболее значимых правонарушений.

При этом количество вышеуказанных технических средств на дорогах постоянно возрастает. Так, в 2018 г. количество дорожных камер на дорогах России выросло на 20 %. Всего на указанный момент функционировало 15,5 тыс. комплексов фотовидеофиксации нарушений ПДД, из которых 11,2 тыс. камер фиксировали превышение скорости, 1,6 тыс. приборов контролировали проезд без остановки стоп-линии, 1,3 тыс. – выезд на встречную полосу и проезд на запрещающий сигнал светофора, 751 прибор следил за нарушениями правил стоянки или остановки, 706 контролировали движение по выделенной полосе, 375 – движение по обочине, 321 – разворот в запрещенных местах, 634 – нарушение требований дорожных знаков и разметки.

Привлечение к административной ответственности на основании данных средств фотовидеофиксации в соответствии с действующим законодательством имеет процессуальные особенности, основными из которых являются следующие:

- в качестве повода для возбуждения административного дела рассматриваются данные автоматической фото- и видеофиксации ситуации на автодороге, которые отправляются и обрабатываются в специальных Центрах автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения;
- субъектом выявленных на основании данных автоматической фото- и видеофиксации правонарушений в области дорожного движения выступает исключительно собственник транспортного средства (физическое или юридическое лицо);
- постановление о привлечении к административной ответственности выносится без составления протокола и без непосредственного участия субъекта правонарушения;

- единственно возможным наказанием по постановлению о привлечении к административной ответственности на основании данных фото- и видеofиксации является штраф;

- экземпляры постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- или видеозаписи, направляются лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, по почте заказным почтовым отправлением в форме копии постановления на бумажном носителе или в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг в течение трех дней со дня вынесения указанного постановления [8, с. 170];

- установлен упрощенный порядок обжалования постановлений, который может быть реализован посредством обращения к вышестоящему должностному лицу, либо в вышестоящий орган, либо в районный суд без оплаты государственной пошлины по месту совершения правонарушения в десятидневный срок с момента получения копии постановления.

Анализ опыта использования средств автоматической фото- и видеofиксации в процессе предупреждения и выявления правонарушений в области дорожного движения и привлечения виновных лиц к ответственности в целом является положительным.

Так, например, мэр г. Москвы С. Собянин, выступая на заседании Президиума Государственного совета по вопросам безопасности дорожного движения 15 июня 2016 г., отметил, что одним из ощутимых результатов развития интеллектуальной транспортной системы в столице стало уменьшение на 25 % количества ДТП в местах установки камер фото- и видеofиксации нарушений. Автоматизация процесса вынесения постановлений и фиксации нарушений ПДД дает возможность высвободить время сотрудников полиции для реализации других общественно значимых задач (к примеру, работы с тяжкими правонарушениями, борьба с агрессивным вождением, розыск угнанных автомобилей, разбор ДТП и др.) На официальном сайте МВД по Омской области указывается, что использование стационарных комплексов оказывает непосредственное влияние на стабилизацию аварийности. За 2016 г. в местах их использования в Омской области количество дорожно-транспортных происшествий снизилось более чем на 25 %; погибших – на 80; граждан, получивших травмы – на 20. Аналогичная тенденция отмечается в областном центре. На автодорогах федерального значения число автоаварий сократилось на 42 %; число погибших – на 80; раненых – на 50 [10, с. 348–349].

Вместе с тем, очевидно, что применение средств автоматической фотовидеofиксации нарушений правил дорожного движения сопряжено с некоторыми проблемными аспектами. Представляется, что основные из них обусловлены, во-первых, техническим несовершенством используемых технических средств.

Анализируя проблемы данной группы, следует привести примеры, когда некорректность функционирования технических средств автоматической видеofикса-

ции явилось основанием для неправомерного привлечения граждан к административной ответственности.

Так, один из наиболее известных таких случаев произошел в августе 2016 г. в Москве, когда тень автомобиля «пересекла» сплошную линию разметки. В другом известном случае было зафиксировано «нарушение», в котором линию разметки «пересек» блик от фар автомобиля. Не менее абсурдным является вынесение постановления владельцу автомобиля, который превысил скорость движения, находясь при этом на эвакуаторе [5, с. 89]. Частыми являются случаи неправильной фиксации скорости движения транспортных средств.

Таким образом, зачастую данные технических средств видеофиксации правонарушений в сфере дорожного движения являются ненадлежащими доказательствами вследствие ошибок в их показаниях. Типичными из них являются ошибки распознавания регистрационного номера транспортного средства, ошибки определения транспортного средства – виновника правонарушения при наличии в кадре большого количества других транспортных средств, ошибки определения места совершения правонарушения.

Другая группа проблем использования технических средств видеофиксации правонарушений в сфере дорожного движения обусловлена несовершенством правовой регламентации процесса привлечения к административной ответственности виновных лиц.

Среди проблем правовой регламентации привлечения к административной ответственности на основании данных автоматической видеофотофиксации следует отметить следующие:

-априорная виновность владельца транспортного средства, что противоречит логике ключевого принципа привлечения к юридической ответственности – презумпции невиновности. При этом не учитывается совокупность обстоятельств, свидетельствующих о невозможности совершения владельцем транспортного средства административного правонарушения вследствие его выбытия из фактического владения. Важно отметить, что суды не устанавливают необходимый объект доказательств данного факта, которые опять же вопреки логике привлечения к административно-правовой ответственности должно представлять признанное виновным лицо;

-отсутствие обязанности удостоверить получение копии постановления о привлечении к административной ответственности виновным лицом, что влечет за собой пропуск установленных сроков его обжалования и несвоевременность оплаты административного штрафа, в результате чего виновное лицо может понести дополнительные негативные финансовые последствия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение средств автоматической фотовидеофиксации правонарушений в сфере дорожного движения является оправданным и соответствует современным общественным реалиям, однако необходимо дальнейшее совершенствование организационно-правовых аспектов их использования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 30.07.2019) «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ.- 1995.- № 50, Ст. 4873.
2. Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2017 № 443-ФЗ (ред. от 15.04.2019 // СЗ РФ. 2018. № 1 -Часть I. Ст. 27.
3. О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»://Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 21.12.2019) // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993.-№ 47.Ст. 4531.
4. Распоряжение Правительства РФ от 27.10.2012 № 1995-р Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» // СЗ РФ. 2012.- № 45.- Ст. 6282.
5. Клопова Е. С., Седов Д.В. Актуальные проблемы применения средств фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения // Актуальные вопросы транспортной безопасности. – Иркутск, 2017. С. 89-94.
6. Количество автоматических камер на дорогах России за год выросло до 15 тысяч // Коммерсант [сайт]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3843438> (дата обращения 03.01.2020)
7. Назаров В.Ю. Административно-правовое регулирование организации дорожного движения в городах: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 196 с.
8. Тихалева Е.Ю. Вопросы административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные средствами фото и видеофиксации // Вестник ВГУ. Серия Право. – 2017. – № 3. – С. 168-175.
9. Пугачев Н.И. Организация и безопасность дорожного движения: учебное пособие. – М.: Академия, 2009. – 272 с.
10. Шарухнова Д.Н., Капусткин Н.А. Технические средства фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения: история и перспективы развития // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. – Краснодар, 2017. – С. 348–355.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Federal law of 10.12.1995 No. 196-FZ (ed. of 30.07.2019) "On road safety" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995.– No. 50.– Art. 4873.
2. Federal law No. 443-FZ of 29.12.2017 (ed. of 15.04.2019) "On the organization of road traffic in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Assembly of legislation of the Russian Federation. – 2018.– No. 1 (Part I).– Art. 27.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 23.10.1993 № 1090 (as amended on 21.12.2019) "On the Rules of the road" (along with "Basic provisions for the admission of vehicles to operation and duties of officials to ensure road safety") // Meeting of acts of the President and the Government of the RF, 22.11.1993, No. 47, article 4531.

4. Order Of the government of the Russian Federation of 27.10.2012 No. 1995-R "on approval of the Concept of the Federal target program" Improving road safety in 2013–2020" // Assembly of legislation of the Russian Federation. – 2012.– No. 45.– Art. 6282.

5. Klopova E. S., Sedov D. V. Actual problems of using photo and video recording of traffic violations // Actual issues of transport security. – Irkutsk, 2017. – P. 89–94.

6. The number of automatic cameras on Russian roads has grown to 15 thousand in a year. // Kommersant. <https://www.kommersant.ru/doc/3843438> (date accessed 03.01.2020)

7. Nazarov, Y. V. Administrative and legal regulation of the organization of traffic in towns: Diss.. Cand. the faculty of law. sciences. – Moscow, 2007. – 196 с.

8. Mihaleva E. Y. the problems of administrative responsibility for offenses in the field of traffic recorded by means of photo and video // Proceedings of Voronezh state University. Series Right. – 2017. – No. 3. – P. 168–175.

9. Pugachev N. I. Organization and safety of road traffic: a textbook for students. higher. studies. institutions. – Moscow: Academy, 2009. – 272 p.

10. Sharukhnova D. N., Kapustkin N. A. Technical means of photo and video recording of traffic violations: history and prospects of development // Ensuring public safety and countering crime: tasks, problems and prospects. – Krasnodar, 2017.– PP. 348–355.

УДК 351.74/76

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10048

Бавсун Ирина Геннадьевна

доцент кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: irinasolo777@mail.ru

Bavsun Irina Gennadevna

Associate Professor of the Department of information technologies in the activities of internal affairs bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
Candidate of Law Sciences, Associate Professor
E-mail: irinasolo777@mail.ru

Ильин Сергей Анатольевич

ст. преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
E-mail: ilin6565@mail.ru

Ilin Sergey Anatolyevich

senior lecturer of the Department of information technologies in the activities of internal affairs bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
E-mail: ilin6565@mail.ru

**НАВЫК УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ**

Введение: в статье рассматриваются некоторые слагаемые эффективности руководителя, составляющие навык управления временем, а именно, личное планирование, делегирование полномочий и проведение совещаний.

Материалы и методы: исследование основывается на изучении нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Российской Федерации, регламентирующих порядок подготовки руководителей и устанавливающих квалификационные требования к руководящим должностям в органах внутренних дел. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания. Приводятся данные, полученные в результате анкетирования руководителей оперативных подразделений территориальных органов МВД России.

Результаты исследования раскрывают резервы повышения эффективности руководителей органов внутренних дел, которая находится во взаимосвязи с эффективностью отдельных подразделений и организации в целом.

Выводы и заключения: обосновывается необходимость формирования навыков управления временем в рамках разнообразных форм подготовки руководителей органов внутренних дел всех уровней.

Ключевые слова: эффективность руководителя, квалификационные требования, навыки управления временем, личное планирование, делегирование полномочий, организация проведения совещаний.

TIME MANAGEMENT SKILL AS A RESOURCE TO IMPROVE A MANAGER'S EFFICIENCY

Introduction: the article discusses some of the terms of the leader's effectiveness that make up the skill of time-management, namely, personal planning, delegation of authority and holding meetings.

Materials and Methods: the exploration is based on the study of normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, which regulate the training of managers and establish qualification requirements for senior positions in internal affairs bodies. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description. The data obtained as a result of a survey of the heads of the operational units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia are given.

Results: reveal the reserves of increasing the efficiency of the heads of internal affairs bodies, which is interconnected with the effectiveness of individual units and the organization as a whole.

Findings and conclusions: the need is substantiated for the formation of time management skills within the framework of various forms of training for managers in internal affairs bodies at all levels.

Key words: manager's effectiveness, qualification requirements, time-management skills, personal planning, delegation of authority, organization of meetings.

Эффективность деятельности организации – эффективность управления – эффективность руководителя – базовая триада теории и практики управления. Но до сих пор в научной литературе отсутствует консенсус в подходах к определению как самого понятия «эффективность деятельности», так и к критериям ее определяющим, а «эффективность», по-прежнему, остается термином размытым по своему содержанию, но чрезвычайно популярным по употреблению и в научных кругах, и в практической деятельности. Повсеместно звучащие призывы «повысить эффективность» той или иной работы, к сожалению, редко задают конкретное направление движения организации, содержат нечеткие измерители эффективности. Еще сложнее «увязать»

эффективность деятельности организации и ее подразделений с эффективностью конкретных руководителей.

Нельзя не согласиться с одним из идеологов отечественной системы научной организации труда А.К. Гастевым, рассматривавшим эффективность организации в тесной связи с *личной* эффективностью отдельного человека на своем рабочем месте [2]. Вопрос эффективности руководителя в связи с этим приобретает особое звучание, ибо «безумен тот, кто, не умея управлять собой, хочет управлять другими»¹. В современном мире с быстро меняющимися факторами внешней и внутренней среды умение быть эффективным руководителем становится все более значимым. При этом нельзя забывать базовый принцип производительности (эффективности), который изложил более ста лет один из основоположников научного управления Г. Эмерсон: «Напряжение и производительность – это не только не одно и то же, но и вещи прямо противоположные. Работать напряженно – значит прилагать к делу максимальные усилия; работать производительно – значит прилагать к делу усилия минимальные» [9, с. 14]. Работать эффективно – значит достичь поставленную цель с минимальными (оптимальными) затратами ресурсов (человеческих, финансовых, материальных, временных и т.п.).

Приложение № 11 к приказу МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» содержит перечень профессиональных знаний и навыков, которыми должны обладать руководители органов внутренних дел. В соответствии с ним сотрудники, замещающие должности старшего и среднего начальствующего состава (руководители (начальники), должны владеть навыками «эффективного руководства подразделениями и подчиненными должностными лицами». Аналогичное требование предъявляется к сотрудникам, замещающим должности высшего начальствующего состава в Министерстве внутренних дел Российской Федерации². Главные вопросы, которые в связи с этим возникают и имеют ключевое значение при аттестации сотрудника на соответствующую должность, заключаются в том, из каких элементов складывается «эффективность руководства», и какие навыки руководителя его обеспечивают? ³

Известный американский специалист, один из основоположников современного управления Питер Друкер (Дракер) предложил пять слагаемых эффективности ру-

¹ Сир П. Афоризмы, цитаты, высказывания. URL: <https://aforisimo.ru/autor/> Публилий+Сир. (дата обращения 30.05.2020).

² Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 22 нояб. 2012 г. № 1575 (ред. от 27.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Следует заметить, что вопрос критериев оценки навыков эффективного управления у конкретного руководителя представляет еще большую сложность, однако он лишь отчасти и косвенно затрагивается в настоящей статье, оставляя возможность для дальнейших исследований и научной полемики.

ководителя, которым можно и нужно научиться, чтобы качественно достигать поставленные цели¹:

1) знать, на что расходуется время, так как умение контролировать свое время является важнейшим элементом производительной работы;

2) быть нацеленным не на выполнение работы как таковой (сам процесс работы и ее методы отходят на второй план), а на конечный результат деятельности;

3) строить свою деятельность на преимущественных, сильных качествах как собственных, так и руководителей, коллег и подчиненных, а также отыскивать положительные моменты в конкретных ситуациях;

4) концентрировать свое внимание на нескольких важнейших участках, в которых исполнение поставленных заданий принесет наиболее ощутимые результаты;

5) принимать эффективные решения (при этом руководствоваться верной стратегией, а не сиюминутными тактическими соображениями).

Опрос руководителей оперативных подразделений органов внутренних дел показал, что повышение личной эффективности руководителя по-прежнему остается актуальным направлением совершенствования управленческой деятельности². На вопрос о том, какие навыки администрирования они хотели бы усовершенствовать, подавляющее большинство опрошенных на первое место поставили личное планирование (65 %), далее – делегирование полномочий (15 %) и проведение совещаний (10 %). Именно на этих аспектах эффективного руководства мы и остановимся в рамках данной статьи.

Среди ресурсов, которые руководители используют в служебной деятельности, временной ресурс занимает особое место – его нельзя накопить, вернуть, а можно только рационально использовать. Так, согласно исследованию известного специалиста в области «тайм-менеджмента» Л. Зайверта, только для 8 % руководителей, по их мнению, достаточно времени для выполнения служебных задач, остальным требуется от 20 до 100 % рабочего времени дополнительно. Другой ведущий эксперт в области рационализации рабочего времени А. Маккензи опросил в течение своей консультационной деятельности тысячи менеджеров и пришел к следующим выводам: из ста менеджеров лишь один имеет достаточно времени; десятерым требуется на 10 % больше времени; сорока менеджерам нужно 25 % дополнительного времени; остальным не хватает 50 % времени [3, с. 9-10].

Главная цель рационализации использования служебного времени заключается в получении возможности в ограниченное время решить оптимальное количество задач, т.е. максимально возможное для реализации при соблюдении требований к качеству выполняемых работ. Технологически процесс личного планирования, составля-

¹ Питер Друкер. Эффективный управляющий / пер. с англ. А. Мкервали. М., 2004. Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4976> (дата обращения 18.05.2020).

² Опрошено было 67 руководителей оперативных подразделений органов внутренних дел, проходивших повышение квалификации в Омской академии МВД России в 2019-2020 гг.

ющий основу рационального использования служебного времени, состоит из трех последовательно решаемых задач и выполняемых действий [8, с. 82].

Во-первых, необходимо выяснить, на что уходит время, т.е. провести тщательный учет выполненных мероприятий и времени, потраченного на их реализацию. Во-вторых, необходимо проанализировать полученные данные на предмет причин неэффективного использования служебного времени. Правильному анализу способствуют осознание и постановка целей организации, в результате чего делаются выводы о целесообразности тех или иных действий (мероприятий, операций) и оптимальности времени, потраченного на их выполнение. Одновременно выявляются факторы, способствующие эффективному решению задач (они должны максимально внедряться в деятельность организации) и снижающие результативность (их необходимо ликвидировать либо минимизировать их влияние на служебную деятельность). В-третьих, осуществляется планирование мероприятий с учетом проведенного анализа и определение времени необходимого на их реализацию. При этом очень важно правильно расставить приоритеты реализации мероприятий¹. На первое место должно быть поставлено решение задач, максимально приближающих к достижению целей организации (при определении приоритетов нельзя забывать правило Парето о том, что 20 % усилий дают 80 % решенных задач (результата), остальные 80 % усилий мы тратим на оставшиеся 20 % задач [5, с. 12]), далее мероприятия ранжируются в зависимости от их значимости, определяется время, необходимое и достаточное для их выполнения. Вопрос об оптимальном количестве мероприятий, планируемых на день, предлагается решать в соответствии с известным в психологии правилом «магического числа – 7 ± 2 »².

Специалисты в области тайм-менеджмента во всем мире предлагают разнообразные способы совершенствования процесса личного планирования. Например, один из известных отечественных авторов в данной области Г. Архангельский в своих трудах описывает частные приемы оптимизации рабочего времени («проглотить с утра лягушку», т.е. прежде всего сделать самое неприятное из списка дел, «съесть слона», т.е. осуществляя большое по объему мероприятие, разделить его на части и т.д.) [1, с. 26–37]. Но при всем многообразии этих рекомендаций, необходимо помнить, что все они должны быть адаптированы под особенности личности планирующего для достижения максимальной эффективности и гармонии.

¹ Популярным инструментом определения приоритетов является так называемая матрица Эйзенхауэра, распределяющая все задачи в зависимости от их важности и срочности по четырем категориям: *A* – дела срочные и важные, поэтому их необходимо сделать сегодня; *B* – важные, но не срочные дела, которые не обязательно делать сегодня; достаточно регулярно выделять в своем расписании время на их выполнение; *C* – дела, выполнение которых кажется нам срочным, но не является важным; *D* – дела, которые не являются ни важными, ни срочными (см.: Козлов Н.И. Матрица Эйзенхауэра // Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/matrica-eyzenhauera> (дата обращения 25.05.2020).

² См.: Джордж А. Миллер. Магическое число семь плюс – минус два. URL: <https://codenlp.ru/stati/dzhordzh-a-miller-magicheskoe-chislo-sem-plyus-minus-dva.html> (дата обращения 25.05.2020).

Еще одним значимым слагаемым оптимизации рабочего времени руководителя является навык делегирования им своих полномочий подчиненным. Делегирование полномочий – передача части прав и обязанностей одним должностным лицам другим, которая может осуществляться на заранее оговоренные сроки [7, с. 107]. Передавая дела, которые могут успешно реализовать подчиненные, руководитель высвобождает время для дел, которые кроме него никто не сможет выполнить (по организации деятельности подразделения, а также категория важных и срочных дел по Эйзенхауэру). Таким образом создается возможность для рассмотрения руководителем вопросов стратегического управления. Кроме того, через доверие руководителя запускается процесс мотивации сотрудников, ориентированных на карьеру, а также овладение ими начальными управленческими навыками.

Существует опасение, что «традиционный смысл, вкладываемый в понятие "делегирование" прав и полномочий, придает самому процессу неверную окраску. Рациональное распределение нагрузок – это отнюдь не «делегирование», не перекладывание своих функций на других, а частичное высвобождение своего времени для концентрирования сил и внимания на наиболее важных участках работы и предоставление своим коллегам и подчиненным возможности проявить свои способности»¹. Поэтому делегирование только тогда имеет смысл, когда ориентиром деятельности является достижение целей организации с наименьшими затратами.

Грамотное делегирование подразумевает органичное соединение его основных элементов: во-первых, это руководитель и его полномочия, которые можно и необходимо в конкретной ситуации делегировать (при этом крайне важно знать, какие полномочия не делегируются, и «решение, каких задач повлечет за собой потерю контроля и власти в организации» [4, с. 78]); во-вторых, это подчиненный, который мотивирован в принятии дополнительных полномочий и ответственности за достижение результата [6, с. 86]. В процессе делегирования необходимо обучать подчиненного и поддерживать его готовность и в дальнейшем принимать на себя дополнительные права и обязанность. Таким образом, правильная организация делегирования позволяет высвободить время руководителя для решения особо важных задач, стоящих перед организацией, а значит, более рационально использовать рабочее время.

Как справедливо заметил Питер Друкер, «неправильная организация работы – еще один фактор потери времени. Ее симптом – невероятное количество заседаний и совещаний»². Действительно, «поглощают время» не только большое количество совещаний, но и ошибки в их организации. Напротив, правильная организация совещательной работы поможет создать резерв времени, который можно направить на более эффективное решение задач, стоящих перед системой.

Экономисты считают, что формулу эффективности совещаний можно вывести по логике расчета основного показателя в мире бизнеса – ROI (return on investment), т.е. финансовый показатель рентабельности вложений или «коэффициент возврата инвестиций». В общем смысле – отношение затраченных ресурсов к полученному по-

¹ Peter F. Drucker. Указ. соч.

² Peter F. Drucker. Указ. соч.

лезному результату. Для расчета эффективности совещания (ЭС) предлагается следующая формула:

$$ЭС = \text{полезный эффект} / \text{количество участников} \times \text{время совещания} \times \text{средняя заработная плата его участников}^1.$$

Полезный эффект совещания – категория оценочная и сложно поддающаяся денежному выражению, особенно, если речь идет о деятельности в социальной сфере (государственная служба, образование, медицина и т.д.), где экономическую ценность решения можно будет определить только через определенное время, а порой вообще определить невозможно (сколько стоит в денежном эквиваленте состояние безопасности в обществе, высокий уровень образованности населения и длительная продолжительность жизни?). Думается, что полезный эффект совещания определяется ценностью принятых в процессе него решений в контексте достижения целей и решения задач, стоящих перед организацией.

Но над оптимизацией расходов руководитель должен думать постоянно. В данном вопросе с позиции сокращения потерь служебного времени особый интерес представляют два параметра: количество участников и время проведения совещания. Прежде всего, следует помнить, что проведение совещания – очень ресурсоемкое мероприятие, организовывать такой вид деятельности следует только тогда, когда необходимо выработать управленческое решение, иным способом это сделать невозможно. Совещания, преследующие иные цели, не оправдывают затраченных на него ресурсов и должны быть трансформированы в иные организационные формы деятельности (например, доведение уже принятых решений, как и передачу иной информации можно осуществить менее затратными способами).

При организации совещания необходимо осуществить оптимизацию численности и качественный отбор его участников. Количество сотрудников, приглашенных на совещание, должно быть минимально, но достаточно по своему качественному составу, чтобы выработать управленческое решение. «Качественным составом» в данном случае следует считать сотрудников, имеющих отношение к рассматриваемому на совещании вопросу и желающих внести свои предложения².

Оптимизировать время, которые сотрудники проводят на совещаниях, можно за счет проработки следующих проблемных аспектов. Во-первых, необходима правильная организация подготовительной работы (отраслевое подразделение, т.е. со-

¹ Сальникова И. Как посчитать отдачу от совещаний? // Деловое обозрение. – 2014. – № 11. URL: <https://uldelo.ru/2016/04/20/kak-poschitat-otdachu-ot-soveshchanii> (дата обращения 12.05.2020).

² Интересный пример организации совещаний приводит П. Друкер. Руководитель приглашал сотрудников, желающих принять участие в совещании, рассылая им открытки следующего содержания: «Я прошу (имя, фамилия) встретиться со мной (число и место) для обсуждения (тема). Если Вы считаете, что Вам необходима данная информация, или же хотите принять участие в обсуждении, пожалуйста, приходите. В любом случае Вы получите отчет о ходе обсуждения и принятых решениях. Мы будем признательны за Ваши комментарии». Как описывает автор, количество участников и время проведения совещаний сократились, так как совещания стали более целенаправленные (Peter F. Drucker. Указ. соч.).

трудник, закрепленный за соответствующим направлением, готовит материал по обсуждаемому вопросу, возможна подготовка и проекта решения; подготовленные материалы заранее рассылаются участникам совещания для обсуждения и внесения предложений; если поступают принципиальные обоснованные возражения, руководитель выносит вопрос на очное обсуждение или отправляет на доработку; если поступают редакционные предложения и уточнения на совещание выносятся уточненный текст проекта решения). Во-вторых, на совещании докладчику рекомендуется доводить лишь информацию о поступивших предложениях, не зачитывая весь доклад (если подготовительный этап проведен правильно, что с существом рассматриваемого вопроса и проектом решения участники уже ознакомлены, поэтому нет смысла тратить на это время), приводить свою аргументацию о принятии предложений или об их отводе. После обсуждения предлагается проголосовать. В-третьих, важно строгое соблюдение регламента¹ (независимо от занимаемой должности сотрудники должны излагать свои предложения в рамках времени определенного для выступлений (доклад, прения); если вопрос вызывает непримиримые споры, его необходимо после определения позиций снять для дальнейшей проработки).

Безусловно, эффективность руководителя складывается не только из рассмотренных навыков управления временем (личного планирования, делегирования полномочий и организации проведения совещаний), но совершенствуя свою деятельность в данных сферах, руководитель сможет решать задачи, стоящие перед организацией, на более высоком уровне. Поэтому формирование данных навыков – одна из приоритетных задач подготовки руководителей всех уровней. Подходя к ее решению комплексно, необходимо включать соответствующие разделы в программы профессиональной переподготовки сотрудников, состоящих в кадровом резерве территориальных органов МВД России (т.е. впервые назначаемых на руководящие должности) с целью формирования данных навыков. В рамках повышения квалификации кадровых резервов всех уровней необходимо рассматривать проблемные вопросы, связанные с управлением временем, обсуждать положительный опыт и возможности внедрения научных рекомендаций в практическую деятельность. В рамках служебной подготовки ежегодно планировать занятия для сотрудников по оптимизации исполь-

¹ Сохранились воспоминания как В.И. Ленин проводил заседания: «Борясь с длинными речами на заседаниях, Владимир Ильич в апреле 1919 года во время одного из заседаний Совнаркома написал записку народному комиссару юстиции Д.И. Курскому:

"Пора утвердить общий регламент СНК.

1. Докладчикам 10 минут.
2. Ораторам 1-й раз – 5, 2-й раз – 3 минуты.
3. Говорить не > 2-х раз.
4. К порядку 1 за и 1 против по 1 минуте".

Случалось, что желая выгодать хотя бы еще минуту для выступления, тот или иной член СНК брал слово к порядку. Но Владимир Ильич останавливал его, говоря, что это не к порядку, а к беспорядку» (Фотиева Л.А. Как работал Владимир Ильич Ленин. – Directmedia. URL:https://books.google.ru/books/about/%D0%9A%D0%B0%D0%BA_%D1%80%D0%B0%D0%B1 (дата обращения 20.05.2020).

зования рабочего времени. Кроме того, каждый руководитель может самостоятельно получать и оттачивать навыки тайм-менеджмента посредством самообучения, основой успеха которого является его собственная убежденность в необходимости совершенствования в этом направлении. Любое административное принуждение приведет к формализму, дополнительной отчетности и, как следствие, к отсутствию желания работать над собой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архангельский Г. Тайм-драйв. Как успевать жить и работать. – М., 2006. – 225 с.
2. Гастев А.К. Как надо работать. – Л., 1972. – 321 с.
3. Зайверт Л. Ваше время – в Ваших руках (Советы руководителям, как эффективно использовать рабочее время). – М., 1990. – 232 с.
4. Каштанова Э. Пять зон делегирования полномочий // Кадровик. – 2013. – № 6. – С. 76–83.
5. Кох Р. Жизнь по принципу 20/80. – М., 2005. – 224 с.
6. Никитин М. Ошибки делегирования // Кадровик. – 2013. – № 6. – С. 84–87.
7. Поршнева А.Г. Управление организацией: энциклопедический словарь. – М., 2001. – 822 с.
8. Правовые, организационные и методические основы планирования в органах внутренних дел: учебное пособие / под общ. ред. И.Г. Бавсун. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – 128 с.
9. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. – М., 1992. – 224 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Arkhangelsky G. Time drive. How to manage to live and work. – M., 2006. – 225 p.
2. Gastev A.K. How to work. – L., 1972. – 321 p.
3. Sievert L. Your time is in your hands (Tips for managers how to use their working time affectively). – M., 1990. – 232 p.
4. Kashtanova E. Five zones of delegation of authority // Kadrovik. – 2013. – № 6. – Pp. 76–83.
5. Koch R. Living the 20/80 Way. – M., 2005. – 224 p.
6. Nikitin M. Errors of delegation // Kadrovik. – 2013. – № 6. – Pp. 84–87.
7. Porshnev A.G. Organization management: Encyclopedic Dictionary. – M., 2001. – 822 p.
8. Legal, organizational and methodological foundations of planning in the internal affairs bodies: a training manual / under total. ed. I.G. Bavsun. – Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – 128 p.
9. Emerson G. The Twelve Principles of Productivity. – M., 1992. – 224 p.

УДК 347.963

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10049

Иванов Пётр Иванович

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: Bab13.92Ash@yandex.ru.

Ivanov Peter Ivanovich

chief research officer of the Department for research of problems of branch management of the research center of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, doctor of law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation
E-mail: Bab13.92Ash@yandex.ru.

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПОВОДЫ И ОСНОВАНИЯ**

Введение: прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, это специфический вид деятельности органов прокуратуры, осуществляемой от имени государства и призванной обеспечить верховенство закона, единство и укрепление законности при осуществлении оперативными подразделениями и их должностными лицами оперативно-розыскной деятельности. Такая деятельность может осуществляться уполномоченным прокурором только при наличии на то поводов и оснований, предусмотренных законом.

В теории прокурорского надзора и специальной литературе нет единства мнений по данному вопросу. Высказаны различные точки зрения по поводу понятий «поводы», «основания» и их соотношения с предметом прокурорского надзора.

Материалы и методы: полномочия уполномоченного прокурора в сфере надзора за оперативно-розыскной деятельностью определены как общими нормами федерального закона «О прокуратуре» (ст. 22), так и специальными нормами, предусмотренными ст. 21 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В настоящее время сама технология надзора определена приказом Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», который в общем виде определяет поводы и основания для организации прокурорской проверки, не разграничивая их.

В процессе исследования использовалась совокупность методов: общенаучный (диалектический метод познания); частнонаучные, включающие формально-логический, конкретно-социологический, статистический исследования документов (контент-анализ).

Результаты исследования: позволили автору уточнить понятия «поводы» и «основания», определить их содержание, представить перечень поводов и оснований с учетом действующих нормативных правовых актов, регулирующих рассматриваемый вид прокурорского надзора и правоприменительной практики. Кроме того, обобщены и сформулированы имеющиеся в специальной и юридической литературе подходы и пути совершенствования прокурорского надзора.

Выводы и заключения: состояние законности в сфере оперативно-розыскной деятельности пока что не отвечает предъявляемым требованиям. Имеют место факты многочисленных нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина. Деятельность руководителей оперативных подразделений по контролю за законностью действий должностных лиц, реализующих оперативно-розыскную деятельность, организована не на должном уровне. Среди приоритетных тем, подлежащих углубленному изучению специалистами теории прокурорского надзора и теории оперативно-розыскной деятельности, наряду с другими, должны быть контроль и надзор за оперативно-розыскной деятельностью. Укрепление законности за оперативно-розыскной деятельностью можно обеспечить только совместными усилиями руководителей оперативных подразделений и органов прокуратуры.

При проведении прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, следует строго придерживаться наличия для этого поводов и оснований, считаем целесообразным исключать из практики факты осуществления прокурорских проверок по «надуманным мотивам», что дискредитирует, на наш взгляд, анализируемый вид надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, поводы, основания, оперативно-розыскная деятельность, органы ее осуществляющие, исполнение ими законов.

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF THE EXECUTION OF LAWS BY BODIES ENGAGED IN OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES: REASONS AND GROUNDS

Introduction: prosecutor's supervision over the execution of laws by bodies carrying out operative-investigative activity, this specific activity of Prosecutor's offices on behalf of the state and designed to ensure the rule of law, unity and strengthening of legality in the implementation of the operational units and their officials, operative-investigative activities. Such activities may be carried out by an authorized Prosecutor only if there are reasons and grounds provided for by law.

In the theory of Prosecutor's supervision and special literature, there is no consensus on this issue. Various points of view are expressed on the concepts of "reasons" and "grounds" and their relation to the subject of Prosecutor's supervision.

Materials and Methods: the powers of the authorized Prosecutor in the field of supervision of operational search activities are defined as General rules of the Federal law "On the Prosecutor's office" (article 22), and special rules provided for in article 21 of the

Federal law "On operational search activities". Currently, the technology of this type of supervision is defined by the order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated February 15, 2011. No. 33 "On the organization of Prosecutor's supervision over the execution of laws in the implementation of operational investigative activities", which provides in General terms the reasons and grounds for organizing a Prosecutor's check. However, this document does not distinguish between reasons and grounds.

In the process of research, a set of methods was used: General scientific (dialectical method of cognition); private scientific, including formal-logical, concrete-sociological, statistical methods and the method of studying documents (content analysis).

The results of the research allowed the author to clarify the concepts of "reasons" and "grounds", determine their content, and provide a list of reasons and grounds, taking into account the current regulatory legal acts regulating the type of Prosecutor's supervision in question, and law enforcement practice. In addition, the approaches and ways to improve Prosecutor's supervision that are available in the special and legal literature are summarized and formulated.

Findings and conclusions: the state of legality in the field of operational investigative activities does not yet meet the requirements. There are facts of numerous violations of constitutional rights and freedoms of man and citizen. The activity of the heads of operational divisions to control the legality of the actions of officials of these divisions implementing operational search activities is not organized at the proper level. Among the priority topics to be studied in depth by specialists of the theory of Prosecutor's supervision and the theory of operational investigative activities, along with others, should be the control and supervision of operational investigative activities. Strengthening the rule of law for operational investigative activities can only be ensured by joint efforts of the heads of operational divisions and Prosecutor's offices.

When conducting Prosecutor's supervision over execution of laws by bodies carrying out operative-investigative activity, should be strictly followed for this reason and reasons, we consider it appropriate to exclude from the practice of the implementation of prosecutorial inspections by "spurious grounds" that discredited in our opinion the analyzed supervision.

Key words: prosecutor's supervision; reasons; grounds; operational search activity; bodies that carry it out; their enforcement of laws.

Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, предполагает при проведении проверок обязательное соблюдение двух взаимосвязанных между собой условий: наличие поводов и оснований. Это своего рода отправные точки. Уполномоченные прокуроры строго придерживаются требований федеральных законов «О прокуратуре Российской Федерации» (1992) и «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995).

Прежде, чем перейти к анализу названных условий и факторов, диктующих необходимость прокурорской проверки, считаем целесообразным определиться в понятиях «повод» и «основание».

Чтобы понять этимологический смысл слов «повод» и «основание», обратимся к Толковому словарю русского языка. Повод означает «обстоятельство, способное быть основанием для чего-нибудь». В свою очередь «основание» имеет много значений. Наиболее подходит к рассматриваемой нами проблеме его значение как «причина, достаточный повод, оправдывающий что-нибудь» [11, с. 463]. Сравнивая эти два слова, обнаруживаем их тесную взаимосвязь, взаимопроникновение. Отсюда невольно возникает мысль о том, что законодатель при формулировании норм, скорее всего исходил из этих же соображений.

Следует подчеркнуть, что в теории уголовного процесса поводы и основания для возбуждения уголовного дела, взятые вместе, рассматриваются как система. Кажалось бы, в понятийно-категориальном аппарате они стоят особняком, в них вложено вполне определенное содержание. Мы в этом усматриваем некую закономерную связь. Представляется, что данное важное концептуальное положение присуще и к рассматриваемой проблематике.

На сегодняшний день федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 06 февраля 2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» не содержит отдельную норму, в которой были бы прописаны поводы и основания. Законодатель пошел по другому пути, а именно в ч. 2 ст. 21 (Предмет надзора) в виде общего правила закрепил следующее положение: «Проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки». Как известно, это положение распространяется и на проверку исполнения законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). Здесь поводом служит сама поступившая в органы прокуратуры информация с ее источником¹, а вот основаниями являются содержащиеся в ней факты нарушения законов, требующие принятия мер прокурором. Для ясности отметим, что понятие «предмет надзора» шире, нежели «повод» или «основание». Законодателем они вместе включены в содержание «предмет надзора».

Поводы и основания в общем виде перечислены в приказе Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. № 33 (в ред. от 20 января 2017 г.) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (п. 5) (далее – приказ Генпрокуратуры РФ).

Анализ исследований, посвященных вопросам, касающимся поводов и оснований прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, позволил заключить, что таких работ мало, хотя проблемы не нашли своего окончательного разрешения до сих пор. Это обстоятельство и подтолкнуло нас на анализ научных исследований и правоприменительной практики.

Итак, в настоящее время к числу поводов отнесены:

¹ Информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (см.: федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 02 дек. 2019 г.) Об информации, информационных технологиях и о защите информации (ст. 2) // СЗ РФ.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3488).

- обращения граждан, юридических и должностных лиц;
- материалы уголовных дел о нераскрытых преступлениях;
- поступившая информация о ненадлежащем исполнении поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания по уголовным делам;
- материалы проверки сообщения о преступлении;
- решения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве, а также в связи с ненадлежащим исполнением требований уполномоченного прокурора;
- в плановом порядке, в том числе по указанию вышестоящего уполномоченного прокурора.

В других случаях с учетом состояния законности в этой сфере деятельности и отсутствии положительных результатов в работе по выявлению подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, при раскрытии преступлений, розыске обвиняемых или подозреваемых по уголовным делам и лиц, без вести пропавших.

Получение органом прокуратуры первичной информации о нарушении законности в сфере ОРД предполагает предварительное ее изучение, цель которого – установить имеются ли в ней правовые основания для того, чтобы начать прокурорскую проверку.

По существу источник информации о нарушении – повод к прокурорской проверке. Приведенный нами приказ Генпрокуратуры РФ не дает исчерпывающий перечень поводов к проверке. Поводом признается фактически любой источник информации о нарушении, идентифицирующийся с его автором (физическим или юридическим лицом).

Поводы охватывают устные и письменные обращения физических и юридических лиц в органы прокуратуры.

К сообщениям о нарушении могут быть отнесены: письма и материалы руководителей и должностных лиц организаций, публикации, теле- и радиопередачи и тому подобные сообщения в средствах массовой информации, рапорт должностного лица.

Результаты ОРД могут служить поводом для прокурорской проверки.

Еще раз подчеркнем, что поводы к проверке должны содержать информацию о наличии данных, указывающих на признаки нарушения. Только в этом случае они могут служить основанием к прокурорской проверке. Говоря об этом, мы не сводим поводы к основаниям.

Подытоживая анализ поводов и оснований, считаем необходимым отметить, что уполномоченный прокурор обязан определить роль и ответственность не только сотрудников, которым это (осуществление ОРД) вменено в служебные обязанности, но и руководителей, своевременно не выявивших их нарушения и не устранивших способствующие этому условия.

Проанализировав законодательные и иные нормативные правовые акты, различные публикации авторов по теме, правоприменительную практику, нами в качестве основания прокурорской проверки отнесены:

- материалы, содержащие сведения о нарушении органами, осуществляющими ОРД, законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- другие нарушения, допущенные сотрудниками оперативных подразделений полиции;

- ненадлежащее исполнение законов при заведении, ведении и прекращении дел оперативного учета, проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- тревожное состояние соблюдения законности при легализации оперативных материалов и трансформации результатов ОРД в уголовный процесс;
- отсутствие положительных результатов в работе по нераскрытым тяжким и особо тяжким преступлениям прошлых лет;
- существенные нарушения, допущенные при исполнении поручения следователя и органа дознания по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что основанием для проведения прокурорской проверки в обобщенном виде является наличие достаточных данных, указывающих на признаки нарушений законности в сфере исполнения законов органами, осуществляющими ОРД.

Чтобы убедиться в объективной необходимости осуществления прокурорского надзора за ОРД, приведем некоторые мнения специалистов и статистические сведения, характеризующие состояние законности в рассматриваемой сфере. Забегая вперед отметим, что в настоящее время такое состояние вызывает особое беспокойство не только у руководителей органов прокуратуры, но и, например, полиции.

Согласно статистике за 2018 г. в Российской Федерации органами прокуратуры было выявлено более 560 тыс. нарушений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», на устранение правонарушений было внесено 152,4 тыс. требований, около 12 тыс. представлений, 11,1 тыс. протестов. По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования было выявлено и привлечено к дисциплинарной ответственности более 25 тыс. должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, а также было возбуждено более ста уголовных дел¹.

Жалобы на незаконные действия оперативно-розыскных органов поступают и в Конституционный суд Российской Федерации, в Европейский суд по правам человека и в другие международные судебные инстанции. Так, по жалобам в Конституционный суд Российской Федерации по вопросам ОРД вынесено свыше 160 решений. В 19 % от общего количества жалоб вопрос ставился о нарушении права на личную неприкосновенность, в 18,5 % – о неприкосновенности частной жизни, в 17 % – о тайне телефонных переговоров, в 11,3 % – о возможности ознакомления с документами, затрагивающими права и свободы, в 7,3 % – о неприкосновенности жилища [14, с. 34].

Что же касается нормы, регламентирующей прослушивание телефонных переговоров, то поводом чаще всего выступают факты необоснованного и неадекватного принятия решения на прослушивание телефонных переговоров, их многократная продолжительность и продление, случаи прослушивания при отсутствии сведений о какой-либо зарегистрированной криминальной активности у объектов. При случаях, не требующих отлагательств, устанавливается полный контроль телефонных переговоров, не требующий на то судебного решения. В дальнейшем нарушаются сроки, полученные фонограммы используются не по назначению, выходят за рамки закона,

¹ Об итогах работы органов прокуратуры за 2018 год и о задачах по укреплению законности и правопорядка на 2019 год // Материалы к расширенному заседанию коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации [документ официально опубликован не был].

что в конечном итоге и должно выявляться в ходе качественного прокурорского надзора [7].

И.И. Рабыченко, Е.Л. Никитин, рассматривая вопросы повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД, особое внимание обращают на знание прокурорами типичных ошибок, допускаемых сотрудниками оперативно-розыскных органов¹. Типичными ошибками являются: нарушения, допускаемые сотрудниками оперативно-розыскных подразделений при подготовке, проведении, оценке результатов оперативно-розыскных мероприятий; нарушения соблюдения законности, имеющие место при заведении, ведении, продлении и прекращении соответствующих дел оперативного учета, а также иных дел оперативно-розыскного производства; допускаемые сотрудниками оперативно-розыскных подразделений нарушения, связанные с представлением результатов ОРД органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд; нарушения, могущие иметь место при осуществлении негласной работы с конфиденциальными источниками оперативно значимой информации, а также ошибки, допускаемые при проверке соблюдения правил конспирации при осуществлении ОРД [18, с. 253–254]. Знание нарушений и ошибок уполномоченным прокурором позволяет ему тактически грамотно осуществлять проверку, всесторонне охватив в пределах полномочий узкие места оперативно-розыскного производства, и точно сосредоточить методы и средства прокурорской проверки, исходя из ее повода и основания.

В юридической литературе допускаемые сотрудниками оперативных подразделений нарушения, выявленные в ходе прокурорского надзора за ОРД, условно делят:

- на нарушения конституционных прав граждан, связанных с прослушиванием других лиц, не относящихся к информации по совершаемому или готовящемуся преступлению. Как утверждает С.В. Харченко, имеют место случаи, когда не санкционируются перед судом ходатайства о проведении ПТП. Или в постановлениях и в ходатайстве допускаются неточности и технические ошибки при указании сведений, относящихся к данным о личности субъектов оперативно-розыскных мероприятий;

- на нарушения, связанные с соблюдением санкционированных судом сроков прослушивания;

- на нарушения, когда конкретные лица не указываются при прослушивании телефонных переговоров. Это выражается в том, что в ходатайстве и в постановлении указываются несколько лиц и номеров телефонов, чем нарушается принцип конспирации, так как рассекреченное постановление могут читать как адвокаты, так и другие лица, заинтересованные в исходе дела, в том числе могут рассекречиваться негласные сотрудники, задействованные в проведении мероприятия [20, с. 151].

Как и любое другое направление деятельности, прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, нуждается в постоянном совершенствовании. Это обусловлено множеством факторов: влияние достижений науки и

¹ За соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий персональную ответственность должны нести сами руководители органов, осуществляющих ОРД. В федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» это положение закреплено отдельной нормой (ст. 22). Отсюда и полагаем, что контроль и надзор за ОРД преследует единую цель – соблюдение законности при осуществлении ОРД.

техники, нестабильность правоприменительной практики, тревожное состояние законности в сфере ОРД, постоянно меняющиеся нормы законодательства, регулирующие отношения в отрасли прокурорского надзора, наличие положительного зарубежного опыта.

Насколько позволил замысел настоящей статьи, мы проанализировали научные исследования по проблемам прокурорского надзора за ОРД, в которых высказывались суждения относительно повышения его эффективности. Условно нами выделено четыре подхода к проблеме.

Одни из авторов [8, с. 79; 9, с. 42–50] придерживаются более умеренной позиции, принимая во внимание, что дело касается специфической области деятельности.

Видение этих авторов в плане перспектив развития прокурорского надзора сводится к разрешению трех блоков проблем: 1) в силу многочисленности различных подходов (точек зрения) по вопросу осуществления надзора не допустить бы слома апробированной на практике устоявшей модели прокурорского надзора, механизм его осуществления, естественно, может быть усовершенствован с учетом развития законодательства, правоприменительной практики и состояния соблюдения законности в сфере ОРД; 2) вопросы некоторого расширения полномочий прокурора в части проверки оперативно значимой информации о подготовке и совершении тяжких и особо тяжких преступлений против личности, свободы половой неприкосновенности и половой свободы личности; 3) вопросы эффективного использования негласных сил, средств и методов ОРД в борьбе с преступностью [14, с. 35–36].

Представляется, что в этих трех блоках проблем четко прослеживаются основные задачи, стоящие перед уполномоченным прокурором: обеспечение законности при осуществлении ОРД; обеспечение единства принятия решений и их исполнения сотрудниками оперативно-розыскных подразделений; наконец, своевременное предупреждение нарушений и их устранение.

Одновременно сторонниками, отстаивающими умеренные «реформы» в области прокурорского надзора, предлагается активное использование в указанных целях возможностей информационных технологий, предварительно создав для этого необходимые предпосылки путем постепенной «интеграции» информационных систем МВД России, аккумулирующих сведения о деятельности оперативных подразделений полиции, с автоматизированным информационным комплексом «Надзор», функционирующим в органах прокуратуры. Для этого предлагается внести изменения в федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 21) [15, с. 190]. Забегая вперед, отметим, что в ближайшее время вряд ли удастся что-либо предпринять в этом направлении, поскольку пока материальных предпосылок нет. К тому же не осмыслена суть самой идеи. Вопросы возникают и в плане обеспечения защиты сведений, подлежащих передаче. Не следует исключать вероятность утечки сведений, если заранее не предпринять действенные меры от несанкционированного доступа к компьютерной информации. Сама идея прогрессивная, она, безусловно, заслуживает внимания. Нельзя не признать, что наука и техника шагнули намного вперед, нежели ОРД. За информационной технологией кроется будущее.

Другие авторы [19; 1; 3; 10; 12; 17; 20] предлагают радикальные решения, принятие которых, по их мнению, может привести к существенному (кардинальному) укреп-

лению законности в сфере ОРД. Сторонники этой точки зрения считают, что ныне действующая модель прокурорского надзора малоэффективна и низок коэффициент полезного действия. Чтобы повысить эффективность, предлагают: узаконить новый подход к прокурорскому надзору, заключающийся в переходе к предварительной форме надзора. Как известно, сейчас у нас последующий. Более того предлагают не проводить без санкции суда такие оперативно-розыскные мероприятия, как «проверочная закупка» наркотиков, «оперативный эксперимент» [17, с. 175]. Представляется, если идти по этому пути, то могут появиться новые проблемы, связанные с оперативностью принятия необходимых решений в целях своевременного выявления и пресечения в первую очередь тяжких и особо тяжких преступлений. Как бы тем самым не «узаконили» механизм сдерживания этого фактора. Существует такая опасность.

Третья группа авторов считает наиболее важным принять меры по оптимизации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, путем строжайшего соблюдения баланса интересов надзирающего и поднадзорного органов, которые сами в корне заинтересованы в изжитии фактов нарушений законности. В этом отношении наиболее аргументированной и последовательной представляется позиция С.В. Колдина и А.Н. Чекурина, предлагающих более детально урегулировать предмет прокурорского надзора и полномочия прокурора в указанной сфере в ФЗ "О прокуратуре Российской Федерации" [5, с. 196]. При этом авторы исходят из того, что полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, недостаточно регламентируются. Более того, по их мнению, норма ФЗ «О прокуратуре РФ», которая посвящена предмету прокурорского надзора, не в полном объеме учитывает специфику ОРД. К тому же цели прокурорского надзора за осуществлением ОРД в законе не отражены. Эта позиция сегодня находит одобрение у многих исследователей. Со своей стороны, полагаем целесообразным придерживаться следующего апробированного на практике правила: любые предложения прежде, чем принять, желательно тщательно проработать заблаговременно созданной межведомственной рабочей группой.

Четвертая группа авторов стремится не ломать сложившуюся годами систему прокурорского надзора, которая прошла серьезную апробацию (с 1992 г.) как в научно-теоретическом, так и практическом плане посредством постепенного выстраивания ныне существующей правовой основы рассматриваемого вида надзора. Сторонники данного подхода (А.В. Колесников, Е.Л. Никитин, И.И. Рабыченко и др.) высоко ценят возможности ОРД как относительно самостоятельной разновидности правоохранительной деятельности по борьбе с опасными проявлениями организованной преступности и коррупции. При этом ОРД ими рассматривается, с одной стороны, как наиболее действенное средство в предупреждении и раскрытии преступлений, с другой – как оперативно-розыскная мера, принятие которой нацелено на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [16, с. 146–147].

Отстаивая свою позицию, авторы рассматриваемой группы считают, что на сегодня мы имеем стройную систему нормативных правовых актов, регулирующих как данную область деятельности, так и организационно-структурное построение органов, осуществляющих ОРД, и надзирающих за исполнением ими законов. Однако ими не отрицается та особенность ОРД (преимущественно негласно осуществляемый

вид деятельности), которая таит в себе, по их мнению, большую вероятность совершения нарушений в области конституционных прав человека и гражданина [6, с. 83–85]. Между тем, как утверждается, знание сотрудниками оперативно-розыскных органов часто допускаемых типичных ошибок позволяет им своевременно их выявлять и устранять. К сожалению, нередко из-за низкого профессионального их мастерства не удается своевременно это сделать [2, с. 137].

Что же касается нашей позиции в части совершенствования прокурорского надзора, то мы уже высказывали ее в предыдущих своих публикациях [4]. Нами разделяется точка зрения Н.А. Патрушева, который вполне обоснованно и аргументированно предлагает три группы мер, касающихся следующих вопросов: а) организационно-тактического обеспечения прокурорского надзора с учетом современных реалий; б) соблюдения законности оперативно-розыскными подразделениями при организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий (предмет ведомственного контроля); в) поиска резервов повышения эффективности проведения прокурорских проверок [13, с. 133–134]. Импонирует то, что все указанные предложения при их реализации требуют межведомственного согласования и одобрения.

Надеемся, что в случае их принятия это положительно скажется на состоянии контрольно-надзорных функций за осуществлением ОРД. Одновременно полагаем, что только согласованными совместными действиями органов прокуратуры и органов, осуществляющих ОРД (объектов надзора), можно изжить причины и условия, способствующие нарушениям.

В заключение отметим следующее.

Во-первых, неперемными условиями осуществления прокурорской проверки за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, являются наличие для этого поводов и оснований. В противном случае такая проверка может и не состояться.

Во-вторых, поводы к прокурорской проверке – это источники информации, указывающие на признаки многочисленных нарушений в сфере осуществления ОРД и требующие в целях их устранения вмешательства уполномоченного прокурора. Поводы охватывают устные и письменные обращения физических и юридических лиц в органы прокуратуры.

В-третьих, основанием для прокурорской проверки является наличие достаточных данных, указывающих на признаки совершения нарушений законности в ходе ОРД органами, правомочными на ее осуществление.

В-четвертых, поводы и основания прокурорской проверки тесно взаимосвязаны между собой. Это означает: нет повода – значит, нет и основания, и наоборот, отсутствие основания автоматически исключает наличие повода к проверке.

В-пятых, прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, с учетом происходящих изменений законодательных и иных нормативных правовых актов, правоприменительной практики, научных изысканий и реального состояния законности в сфере ОРД, как и любая деятельность, остро нуждается в совершенствовании, которое должно осуществляться, по крайней мере, по трем направлениям, охватываемым вопросы правового, организационного и методического плана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дытченко Г.В. Предпосылки возникновения и развития прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 1 (65). – С. 76–81.
2. Железняк Н.С. Некоторые вопросы профессионального становления лиц, осуществляющих надзор за оперативно-розыскной деятельностью // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 4 (41). – С. 134–142.
3. Заславский В.Б. К вопросу об обжаловании прокурором судебных решений о производстве оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 7. – С. 76–79.
4. Иванов П.И. Факторы, обуславливающие особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. – 2020. – № 3. – С. 139–142.
5. Колдин С.В., Чекурин А.Н. Проблемы осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XIX междунар. науч.-практич. конф. – Пенза, 2019 г. – С. 195–197.
6. Колесников А.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при выявлении и расследовании преступлений против личности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 1. – С. 79–92.
7. Комментарий к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с приложением решений Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека. – 3-е изд., доп. и перераб. – М: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 576 с.
8. Луговик В.Ф. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: вопросы и ответы // Полицейское право. – 2005. – № 1 (1). – С. 78–81.
9. Луговик В.Ф. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: учебное пособие. – Омск, 2014. – 118 с.
10. Никитин Е.Л., Дытченко Г.В. Сущность и назначение прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1 (102). – С. 200–206.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 2006. – 946 с.
12. Осипкин В.Н. Организация и методика прокурорского надзора за соблюдением законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – СПб.: Юрид. институт Генеральной прокуратуры РФ, 1997. – 36 с.
13. Патрушев Н.А. Понятие и сущность прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД // Академическая мысль. – 2019. – № 1 (6). – С. 132–138.
14. Пашин В.М., Бабичев Д.А. Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений в зеркале реформирования контрольно-надзорной деятельности // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 3. – С. 31–36.

15. Пашин В.М., Павлюков В.В. Использование информационных систем при осуществлении прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 3. – С. 188–191.

16. Рабыченко И.И. Некоторые вопросы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД // Актуальные вопросы в науке и практике: сб. статей по материалам XV междунар. науч.-практич. конф. – Самара, 2019. – С. 144–149.

17. Семёнов Н.А. К вопросу о совершенствовании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью (ОРД) // MODERN SCIENCE. – 2020. – № 1–1. – С. 174–177.

18. Серова Е.Б., Серова В.Е. К вопросу об оценке прокурором результатов ОРД по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2016. – Т. 2, № 9. – С. 250–258.

19. Ункилаева А.А., Демиров К.К. Прокурорский надзор как особая форма государственного контроля за оперативно-розыскной деятельностью // Сборник научных статей студентов СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России). – 2019. – Вып. 80. – С. 399–402.

20. Харченко С.В. Некоторые особенности прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Военное право. – 2019. – № 5 (57). – С. 149–152.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Dytchenko G.V. Prerequisites for the emergence and development of Prosecutor's supervision over the execution of laws in operational and investigative activities // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 1 (65). – P. 76–81.

2. Zheleznyak N.S. Some questions of professional development of persons supervising operational and investigative activities // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2019. – № 4 (41). – P. 134–142.

3. Zaslavsky V.B. To the question about the appeal of the Prosecutor of the judicial decisions on the production of operational–search measures restricting the constitutional rights of citizens // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2017. – № 7. – P. 76–79.

4. Ivanov P.I. Factors features of the organization of Prosecutor's supervision over execution of laws by bodies carrying out operative–investigative activity // Law and law. – 2020. – № 3. – P. 139–142.

5. Koldin S.V., Chekurin A.N. Problems of Prosecutor's supervision of operational and investigative activities // Collection of articles of the XIX international scientific and practical conference: "Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations" (Penza, April 25, 2019). – P. 195–197.

6. Kolesnikov A.V. Using the results of operational and investigative activities in the detection and investigation of crimes against the person // Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences. – 2016. – № 1. – P. 79–92.

7. Comment to the Federal law "On operational search activity". With the Appendix of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of human rights. – 3rd ed., add. and pererab. – M: Norm: INFRA–M, 2018. – 576 p.

8. Lugovik V.F. Prosecutor's supervision of operational and investigative activities: questions and answers // Police law. – 2005. – № 1 (1). – P. 78–81.

9. Lugovik V.F. Prosecutor's supervision of operational and investigative activities: textbook. – Omsk, 2014. – P. 118.

10. Nikitin E.L., Dytchenko G.V. The Essence and purpose of Prosecutor's supervision over the execution of laws in operational and investigative activities // Bulletin of the Saratov state law Academy. – 2015. – № 1 (102). – P. 200–206.

11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of Russian language – 4th ed., supplemented. – Moscow, 2006. P. – 946.

12. Osipkin V.N. Organization and methodology of Prosecutor's supervision over compliance with the law in the implementation of operational and investigative activities: textbook. – SPb.: The faculty of law. Institute of the General Prosecutor's office of the Russian Federation, 1997. – P. – 36.

13. Patrushev N.A. The Concept and essence of Prosecutor's supervision over the execution of laws by bodies that carry out ORD // Academic thought. – 2019. – № 1 (6). – P. 132–138.

14. Pashin V.M., Babichev D.A. Prosecutor's supervision of the legality of operational and investigative decisions in the mirror of reform of control and Supervisory activities // Bulletin of the Russian Academy of law. – 2019. – № 3. – P. 31–36.

15. Pashin V.M., Pavlyukov V.V. Use of information systems in the implementation of Prosecutor's supervision in the field of operational and investigative activities // Bulletin of Kostroma state University. – 2019. – Vol. 25, № 3. – P. 188–191.

16. Rabychenko I.I. Some questions of efficiency of Prosecutor's supervision over the execution of laws in the ORD // Collection of articles on the materials of the XV international scientific and practical conference: "Topical issues in science and practice" (Samara, March 01, 2019). – P. 144–149.

17. Semenov N.A. On the issue of improving the Prosecutor's supervision of operational and investigative activities (ORD) // MODERN SCIENCE. – 2020. – № 1–1. – P. 174–177.

18. Serova E.B., Serova V.E. On the issue of the Prosecutor's assessment of the results of the ORD in criminal cases of illegal drug trafficking // Problems of strengthening law and order: science, practice, trends. – 2016. – Vol. 2, № 9. – P. 250–258.

19. Unkilayeva A.A., Demirov K.K. Prosecutor's supervision as a special form of state control over operational and investigative activities // Collection of scientific articles by students of vsuu SKI (RPA of the Ministry of justice of Russia). – 2019. – Issue 80. – P. 399–402.

20. Kharchenko S.V. Some features of the Prosecutor's supervision of operational and investigative activities // Military law. – 2019. – № 5 (57). – P. 149–152.

Лобачев Денис Александрович

доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Самарского
университета

кандидат юридических наук

E-mail: lobachev1@mail.ru

Lobachev Denis Alexandrovich

Associate Professor Department of criminal
procedure and criminalistics, Samara Uni-
versity

Candidate of Law Sciences

E-mail: lobachev1@mail.ru

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН НА ОБЩЕДОСТУПНОСТЬ
НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Введение: в статье рассматривается надзор органов прокуратуры за соблюдением образовательными организациями прав несовершеннолетних граждан при приеме их на обучение в начальную школу в условиях необходимости соблюдения баланса интересов между гражданами, имеющими право на внеочередной, первоочередной, преимущественный прием на обучение, и гражданами, не обладающими указанными «льготами».

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные нормативные акты Генпрокуратуры РФ, регламентирующие организацию деятельности прокуратуры, общественные отношения, возникающие в сфере образования. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили: аргументировать актуальность прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних граждан на общедоступность начального общего образования; выделить направления прокурорского надзора в данной сфере правоотношений; показать, что применение руководителями образовательных организаций внеочередного, первоочередного, преимущественного права приема граждан на обучение имеет свои правовые границы и в случае безосновательного предоставления данных преимуществ одним гражданам нарушаются права других граждан, что требует своевременного применения мер прокурорского реагирования.

Выводы и заключения: законность предоставления преимуществ при зачислении детей в образовательную организацию на обучение по программе начальной школы должна выступать особым предметом прокурорского надзора, поскольку неверное толкование и применение образовательными организациями нормативных ак-

тов в данной сфере приводит к нарушению конституционного права неограниченного круга несовершеннолетних граждан на общедоступность образования.

Ключевые слова: прокуратура, внеочередное, первоочередное, преимущественное право приема на обучение, прием в первый класс, общедоступность образования, надзор за соблюдением прав несовершеннолетних.

PROSECUTORIAL SUPERVISION OF OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF JUVENILE CITIZENS TO THE ACCESSIBILITY OF PRIMARY GENERAL EDUCATION

Introduction: the article examines the supervision of prosecutorial authorities over the observance by educational organizations of the rights of minor citizens when enrolling them in elementary school, if it is necessary to maintain a balance of interests between citizens who have the right to extraordinary, priority, primary admission to education and citizens who do not have these "benefits".

Materials and Methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, federal laws, by-laws of the Prosecutor General of the Russian Federation, regulating the organization of the prosecutor's office, public relations arising in the field of education. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of comparison, analysis, generalization and description.

Results: the results of the study allowed: to argue the relevance of prosecutorial supervision over the observance of the right of minor citizens to the general accessibility of primary general education; identify areas of prosecutorial supervision in this area of legal relations; to show that the application by heads of educational organizations of an extraordinary, priority, preemptive right to admit citizens to study has its own legal boundaries and if these advantages are unreasonably given to one citizen, the rights of other citizens are violated, which requires the timely application of prosecutorial response measures.

Findings and conclusions: the legality of providing benefits when enrolling children in an educational institution for training under the primary school curriculum should be a special subject of prosecutorial supervision, since misinterpretation and application of laws in this field by educational organizations leads to a violation of the constitutional right of an unlimited number of minor citizens to have access to education..

Key words: prosecutor's office, an extraordinary, priority, pre-emptive right to admission to education, admission to first grade, the general accessibility of education, supervision of the observance of the rights of minors.

Важнейшей функцией Российской Федерации как социального государства является обеспечение права каждого на образование, общедоступность и бесплатность которого в государственных или муниципальных образовательных учреждениях гарантируется (ч. 1 и 2 ст. 43 Конституции Российской Федерации) на основе конституционного принципа юридического равенства. Последнее означает, что каждый ребенок имеет равную с другими, не зависящую от социального происхождения, места жительства, а также иных обстоятельств возможность развития личности, а равенство возможностей при получении образования предполагает равный доступ в существующие государственные или муниципальные образовательные учреждения¹. Право на общедоступность образования также закреплено в ч. 3 ст. 5 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Роль прокурорского надзора в обеспечении исполнения законов в области образования подчеркивают многие авторы [1–4]. Согласно приказу Генпрокуратуры РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» прокурорский надзор за исполнением законодательства об образовании, реализацией государственными и муниципальными образовательными учреждениями прав граждан на общедоступность образования является важным средством защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Прокурорский надзор за соблюдением прав несовершеннолетних на общедоступность начального общего образования следует определить как особый вид государственной деятельности прокуратуры, направленной на обеспечение единообразного, правильного и точного понимания и исполнения поднадзорными объектами положений законов, закрепляющих гарантии общедоступности образования.

В теории прокурорского надзора под объектом прокурорского надзора по преимуществу понимаются виды учреждений, организаций, в отношении которых осуществляются функции прокурорского надзора [5, с. 29]. В качестве поднадзорных объектов в данном случае выступают государственные и муниципальные образовательные организации, их руководители, осуществляющие непосредственное исполнение законов при издании приказов о зачислении несовершеннолетних граждан на обучение, а также органы власти субъектов РФ и муниципальные органы власти, осуществляющие нормотворческую деятельность в области регулирования порядка приема на обучение по программе начального общего образования.

В качестве основных направлений деятельности прокурора при осуществлении надзора за соблюдением прав несовершеннолетних граждан на общедоступность начального общего образования возможно выделить следующие:

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 15.05.2006 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы"».

- надзор за исполнением законов при организации и проведении процедуры приема на обучение в образовательную организацию;
- надзор за соответствием законам локальных актов образовательных организаций, регламентирующих порядок приема на обучение в образовательную организацию;
- надзор за соответствием законам приказов о зачислении несовершеннолетних граждан в учебное заведение, а также решений об отказе в зачислении, принимаемых руководителями образовательных организаций;
- надзор за соответствием законам актов, издаваемых органами власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, регламентирующих порядок приема на обучение в образовательную организацию.

Справедливо отмечается в литературе, что прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних должен предполагать, в том числе принятие мер, направленных на профилактику нарушений законов в отношении несовершеннолетних [6, с. 23]. Более того, данная задача видится в качестве первоочередной при реализации отдельных направлений деятельности.

Основное внимание в статье посвящено проблеме оценки прокурором законности применения государственными и муниципальными образовательными организациями (в первую очередь при принятии решений о зачислении несовершеннолетних граждан в первый класс) законодательных правил, закрепляющих право отдельной категории граждан на внеочередной, первоочередной и преимущественный прием в образовательную организацию. Дело в том, что не основанное на законе применение указанных «льгот» прямо нарушает права других несовершеннолетних на общедоступность образования, создает дискриминационные условия для зачисления последних в школу. При этом незаконный отказ в приеме на обучение выделяется в литературе в качестве одного из распространенных нарушений, допускаемых образовательными организациями [7, с. 64].

Актуальность исследуемого вопроса обострилась с 13 декабря 2019 г., когда вступили в силу изменения в ст. 67 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», расширившие категорию граждан, имеющих преимущество на зачисление в образовательную организацию перед иными несовершеннолетними гражданами. Так, дополнительно преимущество было предоставлено детям при приеме в образовательные организации, в которых уже обучаются их братья и (или) сестры. В результате увеличения льготной категории граждан в отдельных учебных заведениях (в рамках начавшейся кампании по приему несовершеннолетних в первый класс на 2020/2021 год обучения) сложилась ситуация, когда всё количество свободных мест (в рамках установленной муниципалитетом квоты) или большая их часть были заняты гражданами, имеющими первоочередное и преимущественное право приема. При этом иные несовершеннолетние граждане получили отказ в зачислении в школу на основании отсутствия свободных мест. В первую очередь данная проблема коснулась образовательных организаций, за которыми муниципальный орган власти не закрепил конкретный перечень домов, а предоставил право поступления в данные организации любому несовершеннолетнему при условии его проживания в пределах определенной территории, например, населенного пункта или городского округа.

Незаконное и необоснованное применение указанных «льгот» влечет за собой принятие противозаконных актов об отказе в зачислении в государственные и муниципальные образовательные организации. Надзор за соответствием, в том числе данных актов требованиям законов возложен на основании ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» именно на органы прокуратуры. Более того Генпрокуратура РФ особо обращает внимание на необходимость пресечения фактов противозаконных отказов в приеме в образовательные учреждения всех видов и уровней.

Как правило, все школы, несмотря на то, что являются самостоятельными правовыми субъектами, исполняют закон, в том числе в части применения льгот, в соответствии с разъяснениями и рекомендациями, полученными от муниципальных и региональных органов власти, т.е. вопрос незаконного предоставления преимуществ при зачислении в школу это обычно не вопрос отдельно взятой образовательной организации, а общая практика, складывающаяся как минимум в заведениях, расположенных в пределах одного населенного пункта, что обуславливает риск возможного нарушения прав неограниченного круга несовершеннолетних граждан, и ещё раз подтверждает необходимость принятия органами прокуратуры не только действий, направленных на пресечение данных фактов, но и на их предупреждение.

Негативным образом на надлежащее исполнение законов поднадзорными объектами и соблюдение ими прав несовершеннолетних в рассматриваемой области влияет тот факт, что в законодательстве прямо не раскрыто отличие понятий «внеочередное», «первоочередное» и «преимущественное» право на зачисление в образовательную организацию. Данные понятия употребляются лишь в контексте закрепления указанных прав за определенной категорией лиц, без указания их собственно содержания. Несомненно, это вызывает вопросы об отличии данных категорий друг от друга и их применении.

Так, в соответствии с законом РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-1 от 17.01.1992 право на внеочередное предоставление места в образовательные организации, имеющие интернат, установлено для следующих категорий граждан: 1) дети судей; 2) дети сотрудников Следственного комитета; 3) дети прокуроров.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова «внеочередное» – происходящий, производимый вне очереди, с нарушением порядка очереди. Из чего следует, что граждане, имеющие право внеочередного приема в образовательную организацию, должны быть зачислены в неё независимо от существующей очереди. Здесь важно отметить, что согласно ч. 4 ст. 67 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» по общему правилу в приеме в государственную или муниципальную образовательную организацию может быть отказано только по причине отсутствия в ней свободных мест. В связи с этим при утверждении минимальной квоты на прием в школу на очередной год необходимо изначально выделять часть мест именно для данной категории граждан или планировать максимальное количество мест в школе с допустимым процентом отклонения, например 10 % (в большую или меньшую сторону). Невыполнение данного условия может привести к необоснованному нарушению прав несовершеннолетних, имеющих право внеочередного приема.

Полагаем, что применительно к данной ситуации может быть отказано в зачислении, только если нет свободных мест в образовательной организации по всем потокам обучения, имеющимся в школе.

Важно отметить, что при оценке законности приказов руководителей образовательных организаций о зачислении граждан во внеочередном порядке органам прокуратуры нужно учитывать, что данное право может быть реализовано только в организациях, имеющих интернат.

Следующее «льготное право» именуется в федеральных законах как право на первоочередное предоставление места в образовательной организации. Данное право предоставлено широкому кругу субъектов на основании ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», ФЗ от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», ФЗ от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Первоочередное право предполагает предоставление права быть первым в сформированной очереди заявителей, т.е. пока образовательная организация не зачислила планируемое число школьников на будущий год, любой гражданин, обладающий первоочередным правом приема, подав заявление, должен встать первым в очереди по отношению к гражданам, не имеющим данного права. Но в отличие от внеочередного права, считаем, что первоочередное право может быть реализовано пока не исчерпаны возможные свободные места на очередной год именно для зачисления в начальную школу, в частности, в первый класс.

При проведении прокурорской проверки важно учитывать, что право на первоочередное предоставление места в образовательной организации, предусмотренное вышеуказанными законами, может быть реализовано только по месту жительства граждан и их семей. Об этом прямо указано в данных нормативных актах. В связи с этим нарушением права на общедоступность образования следует считать применение руководителями образовательных организаций, за которыми не закреплен конкретный перечень домов, первоочередного порядка зачисления граждан соответствующей категории.

Например, в соответствии с постановлением Администрации г.о. Самара от 19.12.2019 № 1007 «О внесении изменения в постановление Администрации городского округа Самара от 26.06.2017 № 518 ”О закреплении муниципальных общеобразовательных учреждений городского округа Самара за территориальными участками городского округа Самара и признании утратившими силу отдельных муниципальных правовых актов городского округа Самара”» за каждым домом в г.о. Самара закреплена конкретная школа с учетом принципа «пешеходной доступности», что дает основание считать данные школы образовательными организациями по месту жительства граждан. Поэтому первоочередное право приема может быть реализовано только в указанные школы, так как они закреплены по месту жительства граждан.

В свою очередь в данном постановлении содержатся образовательные организации (гимназии, лицеи), которые не имеют закрепленных за собой конкретных адресов домов. За ними закреплены все территориальные участки г. о. Самары, т.е. постановление даёт право поступления в гимназии, лицеи любому несовершеннолетнему гражданину, который проживает в г. о. Самара независимо от конкретного места жительства. Следовательно, каждый гражданин вправе выбрать либо школу по месту

жительства, либо гимназию, лицей, за которыми закреплена вся территория г.о. Самара. Но «льгота» в виде первоочередного права приема может действовать только в образовательных организациях по месту жительства.

Если за образовательной организацией закреплена вся территория населенного пункта или городского округа, то одним из условий приема в данные заведения является сам по себе факт проживания на соответствующей территории независимо от конкретного места жительства. В данном случае граждане справкой о регистрации по месту жительства доказывают лишь факт проживания в населенном пункте (городском округе), при этом конкретное место жительства не имеет юридического значения для зачисления в указанные организации. Органам прокуратуры следует обращать внимание руководителей гимназий, лицеев на то, что сам по себе городской округ, населенный пункт нельзя считать местом жительства ребенка. Согласно закону РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» место жительства – жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. Следовательно образовательной организацией по месту жительства может быть лишь организация, за которой закреплён конкретный перечень домов с конкретными адресами, а не вся территория населенного пункта или городского округа.

Вышеуказанные специальные законы (в частности ФЗ «О полиции», ФЗ «О статусе военнослужащих» и т.д.) не предполагают распространение действия льготы первоочередного права приема в отношении образовательных организаций, прием в которые осуществляется независимо от конкретного места жительства. Указанное обстоятельство должно выступать предметом изучения со стороны органов прокуратуры при проведении проверки. В случае выявления иного подхода к применению «льготы» в виде первоочередного права приема, органам прокуратуры следует вносить в адрес руководителей образовательных организаций представления об устранении нарушений требований закона.

Дополнительно отмечу: если полагать, что льгота в виде первоочередного права действует в любых образовательных организациях, расположенных на территории населенного пункта или городского округа, то в этом случае её применение может быть неоднократным, т.е. льготная категория граждан может обратиться с заявлением в гимназию, «отодвинув нельготника», но при этом получить отказ в зачислении, так как количество льготной категории граждан оказалось больше, чем есть свободных мест в гимназии, а затем обратиться в школу по месту жительства и повторно «отодвинуть» нельготную категорию граждан. В результате неоднократного применения указанной льготы права несовершеннолетних граждан, у которых нет льгот, будут ограничены неоднократно. Но данная возможность не предусмотрена ни одним законом. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы могут быть ограничены лишь федеральным законом.

Вышеизложенное свидетельствует об отсутствии правовых оснований для применения первоочередного права приема в образовательные организации, не закрепленные за конкретным местом жительства граждан, напротив это приводит к безосновательному ущемлению прав детей, не имеющих данных льгот. Применение права первоочередного приема в образовательных организациях, за которыми закреплена вся территория населенного пункта или городского округа, нарушает равенство прав несовершеннолетних, даёт необоснованное исключительное преимущество в получении начального общего образования.

В конце 2019 г. ст. 67 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» была дополнена п. 3.1 следующего содержания: «Проживающие в одной семье и имеющие общее место жительства дети имеют право преимущественного приема на обучение по основным общеобразовательным программам дошкольного образования и начального общего образования в государственные и муниципальные образовательные организации, в которых обучаются их братья и (или) сестры».

Закрепив дополнительную льготу, законодатель не дал пояснений, что представляет собой преимущественное право, чем оно отличается от внеочередного и первоочередного права, не предусмотрел нормативный порядок ее применения. В правовом вакууме образовательные организации, начав процедуру приема заявлений в первый класс на 2020/2021 гг., применили преимущественное право просто в качестве первоочередного, т.е. по сути поставив знак равенства между указанными правами. При таком подходе преимущественное право одних несовершеннолетних стало по отношению к другим детям исключительным, нарушающим право на общедоступность образования.

В условиях правовой неоднозначности именно органы прокуратуры следует отнести к числу органов, которые могли бы предостеречь руководителей образовательных организаций об отсутствии правовых оснований считать и применять преимущественное право в качестве первоочередного права приема в школу.

Кроме того, в соответствии со ст. 9 ФЗ от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы соответствующего и нижестоящего уровней, предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов. Таким образом, установив отсутствие в нормах порядка применения преимущественного права, прокурор наделен правом обратиться с соответствующим предложением, тем самым предпринять реальные действия по обеспечению состояния законности, в частности в сфере приема несовершеннолетних граждан на обучение в начальную школу. Самостоятельное ограничение прокурорами своих надзорных действий до рассмотрения лишь обращений граждан не может обеспечить действительную эффективность прокурорского надзора. При этом справедливо в науке высказано мнение о том, что эффективность прокурорского надзора за исполнением законов в сфере образования представляет собой результат, который выражается в реально достигнутом уровне выполнения задач, стоящих перед прокуратурой, направленных на достижение высшей цели – укрепления законности [8, с. 33].

Следует подчеркнуть, что преимущественное право по своему смыслу не должно исключать возможности несовершеннолетнего гражданина «без льготы» быть зачисленным в образовательную организацию в случае возникновения конкуренции в отношении свободного места в образовательной организации. Применение преимущественного права неминуемо связано с оценкой наличия прочих равных условий, т.е. если прочие условия при приеме заявлений равны, то преимущество применяется, если же прочие условия неравны, то оснований для применения преимущества нет. Данный вывод следует из анализа иных статей ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в которых идет речь о преимущественном праве приема в образовательные организации (п. 3 ч. 1, 9–11, ст. 71).

При подаче заявления о зачислении в первый класс, в том числе прочим равным условием может выступать время регистрации заявлений о зачислении ребенка в образовательную организацию. Например, это следует из п. 3.2.3 приказа Минобрнауки Самарской области от 16 апреля 2015 г. № 126-од, согласно которому распределение мест для приема в образовательную организацию осуществляется на свободные места в соответствии с зарегистрированной датой и временем поступления заявления от заявителя, т.е., если заявление ребенка, у которого нет преимущественного права, было зарегистрировано ранее заявления ребенка, у которого данное право есть, то оснований для применения указанной льготы нет, так как нет равенства в прочих равных условиях. Иной подход к реализации преимущественного права, предполагающий, что дети (у которых есть брат или сестра) независимо от времени подачи заявления «отодвигают» в очереди всех детей, которые подали заявление ранее их, прямо нарушает Конституцию Российской Федерации (ч. 2 ст. 46) и ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 3 ст. 5). При таком подходе преимущественное право без наличия каких-либо правовых оснований трансформируется в первоочередное или исключительное право, бесосновательно ограничивающее права иных несовершеннолетних на общедоступность образования.

Применение преимущественного права на зачисление в образовательную организацию в качестве первоочередного права нарушает гарантированное Конституцией РФ равенство прав человека и гражданина (ст. 19), поскольку объем прав одного человека увеличивается в данной ситуации по отношению к другому человеку лишь на том основании, что один гражданин реализовал своё естественное право иметь двух и более детей, а другой нет (при этом причины последнего могут лежать, в том числе в физиологической плоскости, не подконтрольной воле человека).

Таким образом, приказ о зачислении в образовательную организацию, предполагающий зачисление граждан на основании лишь наличия преимущественного права приема без учета и проверки равенства иных прочих условий с гражданами, не имеющими данной льготы, нарушает Конституцию РФ и ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Органы прокуратуры обязаны не только принимать меры прокурорского реагирования по факту свершившегося нарушения прав несовершеннолетних, но и до наступления данного обстоятельства. В соответствии со ст. 25.1 Закона о прокуратуре в целях предупреждения правонарушений прокурор направляет в письменной форме предостережение о недопустимости нарушения закона. При этом в рассматриваемой ситуации прокурор имеет возможность получить информацию о том, что готовится к

изданию приказ о зачислении, нарушающий требования закона. Прокурором может быть использована в рассматриваемом случае информация, которая дает представление о состоянии законности в сфере исполнения законодательства при организации и проведении процедуры приема на обучение в образовательные организации; поступившие в прокуратуру жалобы, заявления, иные сообщения, а также публикации в средствах массовой информации [9, с. 16]. О предполагаемом нарушении может свидетельствовать размещенный на сайте образовательной организации (до момента издания приказа директора о зачислении) реестр поступивших заявлений о приеме в первый класс. Получив данную информацию, прокурор имеет возможность своевременно предостеречь руководителей образовательных организаций о недопустимости нарушения требований законов, что позволит исключить принятие незаконных и необоснованных решений образовательными организациями. В этом смысле справедлив вывод о том, что важную роль в повышении эффективности прокурорского надзора, особенно в части, касающейся предупреждения нарушений закона, играет правовое просвещение, которое положительно влияет на реализацию других функций прокуратуры [10, с. 36].

Подводя итог, отметим, что, к сожалению, органы прокуратуры, осуществляя надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, весьма «робко» реагируют на правовые ситуации, в которых для оценки соблюдения законности требуется проведение анализа и принятие ответственного решения, которое прокурор в случае судебного спора должен отстаивать и защитить. Нередко органы прокуратуры стараются не брать на себя риск неверного толкования закона. В результате этого органы прокуратуры собственными действиями сужают предмет надзорной деятельности, реагируя только на «очевидные» нарушения закона, не требующие аналитического подхода, при этом не оставляя выбора лицу, чье право нарушено, как искать защиты исключительно в судебном порядке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бережкова Н.Ф. Осуществление прокурорского надзора в области образования // *Административное право и процесс.* – 2015. – № 12. – С. 77–78.
2. Васильева И.В., Буланов М.А. Защита прав несовершеннолетних при организации образовательного процесса // *Законность.* – 2014. – № 7. – С. 27.
3. Косова О.Ю. Обеспечение доступности образования для несовершеннолетних // *Законность.* – 2017. – № 4. – С. 6–10.
4. Стрельников В. В поле зрения прокуратуры // *ЭЖ-Юрист.* – 2013. – № 37. – С. 15.
5. Костенко Е.Н. Объекты прокурорского надзора за исполнением законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // *Современное право.* – 2018. – № 7–8. – С. 29.
6. Мягкова Е.В. Надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних // *Законность.* – 2019. – № 4. – С. 23.
7. Огурцова М.Л. Прокурорский надзор за соблюдением права детей-инвалидов на образование // *Адвокат.* – 2016. – № 5. – С. 64.

8. Ляшенов Г.А. Об эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в сфере высшего образования // Юридический мир. – 2013. – № 1. – С. 33.

9. Бессарабов В.Г., Ашиткова Т.В. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о высшем образовании // Законность. – 2016. – № 10. – С. 16.

10. Петров А.И. Правовое просвещение как средство повышения эффективности прокурорского надзора // Законность. – 2012. – № 4. – С. 36.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Berezhkova N.F. Implementation of prosecutorial supervision in the field of education // Administrative law and process. – 2015. – No. 12. – P. 77–78.

2. Vasilieva I.V., Bulanov M.A. Protection of the rights of minors in the organization of the educational process // Legality. – 2014. – № 7. – P. 27.

3. Kosova O.Yu. Ensuring accessibility of education for minors // Legality. – 2017. – № 4. – P. 6–10.

4. Strelnikov V. In the field of view of the prosecutor's office // EJ–Lawyer. – 2013. – № 37. – P. 15.

5. Kostenko E.N. Objects of prosecutorial supervision of the implementation of laws on the prevention of child neglect and juvenile delinquency // Modern Law. – 2018. – № 7–8. – P. 29.

6. Myagkova E.V. Supervision of observance of housing rights of minors // Legality. – 2019. – № 4. – P. 23.

7. Ogurtsova M.L. Prosecutorial supervision of the observance of the right of children with disabilities to education // Lawyer. – 2016. – № 5. – P. 64.

8. Lyashenov G.A. On the effectiveness of prosecutorial supervision of the implementation of laws in the field of higher education // Legal World. – 2013. – № 1. – P. 33.

9. Bessarabov V.G., Ashitkova T.V. Actual problems of prosecutorial supervision of the implementation of legislation on higher education // Legality. – 2016. – № 10. – P. 16.

10. Petrov A.I. Legal education as a means of increasing the effectiveness of prosecutorial supervision // Legality. – 2012. – № 4. – P. 36.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.
16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редак-

ционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати и справку автора о том, что рукопись ранее не публиковалась и не направлялась для опубликования в другие издания, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять–семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разде-

лы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, и справка автора о том, что рукопись не публиковалась и не направлялась для опубликования, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 2 (93) 2020

Редактор: Л.В. Югова
Технический редактор: Л.Е. Ким
Редактор-переводчик: С.С. Голубева
Дизайн обложки: М.А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
ул. Лермонтова, 110